

БИЛЛ БРАЙСОН

**Прогулка
по
лесам**

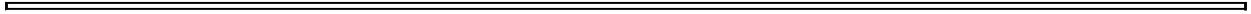

**Вдохновение нужно
черпать в том,
что тебя пугает**

Annotation

Размеренная жизнь на диване точно не для Билла Брайсона, даже на старости лет. Почувствовав, что жизнь стала приобретать скучные тона, он решает на путешествие по Аппалачской тропе, вдоль восточного побережья Америки, которая манит туристов со всего света своими пейзажами широколиственных лесов. Получив, не без трудностей, благословение жены и найдя себе спутника для этой авантюрной затеи, Билл отправляется в путь длиной 3379 км, где помимо захватывающих видов лесов и гор ему придется столкнуться с медведями, дикими кабанами, нехваткой воды и пропитания, но самое главное – остаться живым в течение этого нелегкого, но захватывающего пути.

- [Билл Брайсон](#)
 -
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)

Билл Брайсон

Прогулка по лесам

* * *

Среди самых известных книг Билла Брайсона значатся «Затерянный континент», «Ни тут, ни там», «Записки с маленького острова», «Прогулка по лесам» и «Другой конец света». А его книга по истории науки «Краткая история почти всего» вошла в шорт-лист премии Сэмюэля Джонсона и получила премию «Авентис» в номинации «книги о науке» и премию Декарта. Весьма популярны у читающей публики его книги о языке, такие как «Родной язык», «Сделано в Америке» и «Проблемные слова». Из его последних работ стоит отметить «Жизнь и время Громова парня» и «Дома».

Первой строкой Билла Брайсона было:

«Я приехал из Де-Мойна. Кто-то же должен был это сделать».

Вот что за этим последовало.

«Затерянный континент».

Путешествие по одноэтажной Америке открывает мир прилагательного «брайсонический».

«Очень смешная книга с хорошим языком».

literary review

«Ни тут, ни там»

Европа не казалась смешной, пока на нее не взглянул Билл Брайсон.

«Очень смешно вы-будете-хохотать-пока-не-зарыдаете».

daily telegraph

«Краткая история почти всего»

Путешествия через время и пространство объясняют мир, вселенную и все остальное.

«Правда впечатляет... Сложно представить лучшее объяснение науки».

guardian

«Записки с маленького острова»

Панегирик любимой Британии Брайсона, которую он запечатлел как страну изумрудного цвета.

«Не та книга, которую можно читать на людях – вдруг вы будете громко фыркать».

the times

«Прогулка в лесу»

Тяжелый поход Брайсона по Аппалачской тропе, самой длинной тропе в мире.

«Это серьезно очень смешная книга».

sunday times

«Сделано в Америке»

Поездка по шоссе 66 американского языка и поп-культуры позволяет вам заглянуть стране «под кожу».

«Удивительно хорошая работа, полная жизни, энергии и прочих великолепных американских особенностей».

independent on sunday

«Записки из большой страны»

Брайсон включает все остроумие, чтобы показать самую странную вещь – американский жизненный уклад.

«Не только смешно, но еще и информативно».

independent on sunday

«Другой конец света»

Удивительное путешествие в сердце еще одной страны – Австралии.

«Брайсон – лучший попутчик. Если речь идет об особенных путешествиях, у него нет соперников».

the times

«Жизнь и время Громова парня»

Настоящий Брайсон – смешное, трогательное и глубокое путешествие по его детству.

«Он может дать почувствовать вкус прошлого одним словом».

sunday telegraph

«Дома»

Путешествуя по собственному дому, Брайсон рассказывает о том, как мы живем.

«Удивительная глубокая работа... не выходите из дома без этой книги».

sunday telegraph

«Книга Билла Брайсона – отличный пинок под зад: поднимайся с дивана, ставь перед собой цель и иди к ней, воспринимая любые трудности на пути с чувством юмора».

Вероника Далецкая, главный редактор клуба «Моя Планета»

«Если вы не можете отправиться в путешествие прямо сейчас, то лучший способ уединиться на природе – прочесть книгу „Прогулка по лесам“».

The New York Times

Глава I

Решение принято

Вскоре после того как мы с семьей переехали в маленький город в Новом Гэмпшире, где-то на самой окраине города я набрел на тропинку, которая исчезала в лесу.

Как оказалось (об этом сообщал специальный указатель), это была не обычная тропинка, а знаменитая Аппалачская тропа. Эта тропа, бегущая 3379 км вдоль восточного побережья Америки через безмятежные и манящие Аппалачские горы, является, если можно так выразиться, прабабушкой всех походных тропинок. Только одна ее часть, которая проходит через Вирджинию, в два раза длиннее, чем весь пешеходный маршрут Пенни Уэй. Она идет от Джорджии до Мэна, проходит через четырнадцать штатов среди небольших холмов, чьи названия – Голубая Гряда, Дымки, Земля Препятствий, Кошачьи Тропы, Зеленые горы, Белые горы – сами по себе являются настоящим приглашением к прогулке. Кто может сказать: «Великие Дымные Горы» или «Долина Шенандоа» – и не почувствовать желания, как однажды выразился натуралист Джон Муир, «взять буханку хлеба, фунт чая, положить их в старую сумку и перепрыгнуть через забор»?

И вот она – эта легендарная тропа – неожиданно появилась передо мной, причудливо извиваясь в том самом месте Новой Англии, где я теперь жил. И это было удивительно. Ведь я мог выйти из дома и, попав в Джорджию, пройти 2900 км через леса, или повернуть в другую сторону и, пройдя через каменистые и обрывистые Белые горы, попасть к знаменитому подъему на гору Катадин, которая парит в 720 км к северу, в тех местах, до которых вообще мало кто добирался. Именно поэтому какой-то голос, внезапно зазвучавший у меня в голове, сказал: «Звучит славно. Пошли!»

Я быстренько прикинул, что такая прогулка легко приведет меня в форму после многих лет серьезно отразившейся на фигуре диванной аналитики. Поэтому я решил, что это будет полезно, хотя еще не очень понимал, каким образом, но все-таки был в этом уверен. «Например, я научусь выживать», – подумал я, вспомнив, что, когда в какой-нибудь забегаловке ребята в камуфляжных штанах и охотничьих панамах начинали говорить о том, что они такого мужественного делали в лесах, я чувствовал

себя просто овощем. И тут мне безумно захотелось пережить то самое мгновение, когда вы стоите на скале, смотрите на горизонт, прищурив глаза цвета стали, и говорите медленно и мужественно: «Да, я кое-что испытал...»

Была еще одна причина. Аппалачи – дом одного из самых больших широколиственных лесов в мире. Это последний островок хорошо сохранившегося леса с богатой и разнообразной флорой и фауной. Но и он находится в опасности. Если в ближайшие пять десятков лет температура на планете поднимется всего на 4 °С, что вполне вероятно, то вся природа вокруг Аппалачей превратится в саванну. Уже сейчас деревья здесь погибают тысячами. Вязы и каштаны вымерли много лет назад, величественные болиголовы и цветистые кизилы тоже скоро исчезнут, да и красные ели, сосны Фрейзера, гикори, рябины и клены могут последовать за ними. Подумав обо всем этом, я понял, что лучшего времени для исследования этих мест мне не представится. Надо осуществить свой поход прямо сейчас.

Что я и надумал проделать. Вскоре я принял окончательное решение и объявил о нем друзьям и соседям, а также тайно проинформировал издателя. Короче, сообщил о нем всем, кто меня знал. Затем я купил несколько книг и поговорил с людьми, которые прошли этот путь целиком или частями. И только тогда медленно, но верно начал осознавать, что это дело является куда более (намного более) серьезным, чем все, что я делал раньше.

Почти все, с кем я говорил, рассказывали о каком-нибудь простодушном знакомом, который, вооружившись большими надеждами и новыми ботинками, смело отправился в путь, но уже через два дня оказался в лесу с рысью на голове или, истекая кровью из пустого рукава, перед тем как потерять сознание, успел на последнем дыхании прошептать: «Медведь!»

Эти леса были полны опасностей – гремучих змей, водяных ужей и щитомордников; рысей, медведей, койотов, волков и диких кабанов; чокнутых деревенщин, родившихся в результате многих поколений абсолютно противоречащего библии секса, происходившего исключительно под действием огромного количества алкоголя; бешеных скунсов, енотов и белок; безжалостных огненных муравьев и прожорливой мошки; ядовитого плюща, не менее ядовитых кустов сумаха, ядовитых саламандр; лосей, зараженных червями-паразитами, которые свили гнездо в их мозгах и сбили их с толку, заставив бежать через солнечные луга к далеким озерам.

Знаете, абсолютно невероятные вещи случаются с вами в лесу. Я, к

примеру, слышал о человеке, который вышел из палатки в полночь, чтобы пописать, и стал объектом нападения близорукой совы, а посему свой собственный скальп он в последний раз увидел на фоне полной луны. Я слышал о девушке, которая проснулась от загадочной щекотки в районе живота, полезла к себе в спальник, чтобы выяснить, что бы это значило. И внезапно обнаружила там очаровательную мокасиновую змею, мирно дремлющую в тепле ее тела. Я слышал четыре разные истории (всегда связанные с какими-то шутками) о том, как туристы и медведи ненадолго оказывались в одной палатке, где испытывали удивительно яркие ощущения. Слышал о людях, испепеленных («от них ваще ничего не осталось!») молниями в разгар бури на вершинах горных хребтов, о палатках, придавленных падающими деревьями, и о том, как люди скользили с обрыва на шарикоподшипниках из града, оказываясь в итоге на самом дне долины, как людей смывало стеной воды, а еще я слышал о бесчисленном количестве путешественников, последним воспоминанием которых была трясущаяся земля и внезапная мысль: «Что за бред?»

Мне потребовалось лишь вспомнить о тех приключенческих книгах, что я прочел подростком, и совсем немного воображения, чтобы представить, как я стою в кругу голодных волков, страдаю от нашествия огненных муравьев, или как я оцепенел от ужаса при виде ожившего подростка, приближающегося ко мне со скоростью торпеды, а потом меня утягивает назад кабан размером с диван, с холодными пустыми глазами, с жутким голосом и нагулянным аппетитом, относящимся к розовой, пухлой городской плоти, той самой, которую я из себя представляю в его понимании.

К тому же в лесах кишмя кишат всяческие жуткие болезни: кишечная лямблия, восточный лошадиный энцефалит, пятнистая лихорадка Скалистых гор, клещевой боррелиоз, хеликобактер пилори, моноцитарный эрлихиоз, бруцеллез, шистосомоз и шигеллы, и еще множество еще менее приятных. Возьмем, к примеру, такую «замечательную» вещь, как восточный лошадиный энцефалит, который переносят москиты, тот, что весьма отрицательно влияет на наш мозг и центральную нервную систему. Если повезет, вы можете надеяться на сидячую жизнь со слюнявчиком на шее, но, скорее всего, эта штука вас просто убьет. А лекарства от него, увы, еще никто не придумал. Не менее ужасен и клещевой боррелиоз, который переносят черноногие клещи размером меньше булавочной головки. Если его вовремя не распознать, он может спать в человеческом теле на протяжении многих лет, а потом проснуться вкуче с целым букетом заболеваний. Это отличный вариант для тех, кто хочет попробовать все

болезни сразу. Все начинается с головной боли, усталости, лихорадки, дрожи, нехватки дыхания, головокружения и стреляющих болей в конечностях, потом появляется сердечная недостаточность, лицевой паралич, спазмы в мышцах, сильные ментальные нарушения, потеря контроля за телесными функциями и, что совершенно неудивительно в таких обстоятельствах, хроническая депрессия.

Еще есть такая малоизвестная семья организмов под названием хантавирусы, которая роится в испарениях над фекалиями крыс и мышей. Они попадают в дыхательные пути любого, кто случайно сделает вдох в неподходящем месте. Например, если решит прилечь или положит спальник там, где инфицированная мышь недавно справила нужду. В 1993 году внезапная вспышка хантавируса убила 32 человека на юго-западе США, а на следующий год появилась его первая жертва на Аппалачской тропе – турист подхватил болезнь, поспав в «зараженном грызунами укрытии» (вообще-то все укрытия на Аппалачской тропе заражены грызунами). Если говорить о вирусах, то среди них смертельны только бешенство, Эбола и СПИД. От них лечения не существует.

Ну и наконец, так как это Америка, вас в любой момент могут убить. С 1974 года только на тропе были убиты минимум девять туристов (число зависит от того, что вы читаете и кого вы считаете туристом). Кстати, пока там бродил я, на тропе были убиты две девушки.

По некоторым причинам, в основном связанным с длинными суровыми зимами Новой Англии, для прохождения тропы в году пригодны лишь несколько месяцев. Если начать с севера, с горы Катадин в Мэне, то схода снега придется ждать до конца мая или даже до июня. Если же вы начинаете свое путешествие из Джорджии и направляетесь на север, вам обязательно нужно закончить поход до середины октября, когда вновь выпадет снег. Большинство же людей идут с юга на север, опережая на шаг жаркую погоду, из-за которой оживают самые болезненно кусающиеся и заразные из насекомых. Я же собирался выйти в путь с юга в начале марта. На первый этап своего путешествия я отвел шесть недель.

Точная длина Аппалачской тропы до сих пор никому не известна. Управление национальных парков США, которое постоянно выделяется из толпы своими странными выходками, регулярно выпускает брошюрку, где указанная длина тропы составляет от 3268 до 3540 км. Официальные путеводители по Аппалачской тропе (набор из одиннадцати книг), в каждом из которых говорится об определенном месте или о штате, сообщают, что ее длина равна 3450, 3455, 3474 и более 3460 км. Конференция по Аппалачской тропе (чтобы вы понимали – это главный

управляющий орган) в 1993 сообщила, что длина тропы равна 3454,7 км, потом пару лет придерживалась длины в «более 3460 км», но недавно вернулась к уверенному 3484,7 км. Примерно в то же время на основании точнейших карт Геологического общества США было установлено, что длина тропы составляет 3409,1 км.

Какой из всего этого вывод? Только тот, что точно известно лишь одно – это долгий путь, да и простым его никак не назовешь. И хотя вершины на Аппалачской тропе не так впечатляющи, как американские горы (например, Клименгс-Дом в Теннесси, высотой в два км), но все-таки достаточно высоки и к тому же постоянно возникают на вашем пути. На тропе находится более 350 вершин высотой больше полутора километров, и, наверное, около тысячи пониже. Таким образом, за неделю вы можете преодолеть целых пятьдесят Сноудонов, а это, как вы помните, самая высокая гора в Великобритании. И в целом, чтобы пройти весь путь, вам понадобится примерно пять месяцев и пять миллионов шагов.

А еще на Аппалачской тропе вам придется на собственной спине тащить все, что вам нужно. Для кого-то это ясно с самого начала, но для меня осознание того, что это совершенно не будет похоже на поход по Озерному краю, где ты берешь с собой на день контейнер с обедом и книжку, а вечером уже отдыхаешь в веселой таверне, стало настоящим шоком. А еще здесь придется спать на улице и самому готовить себе еду. А еще – все свое тащить с собой. Но, как оказалось, мало кто способен нести на себе больше 18 кг. А когда вы несете такой вес (уж поверьте), то ни на секунду о нем не забываете. Одно дело – пройти 3500 км, и совсем другое – пройти их с гардеробом у себя на спине.

Я впервые начал понимать, насколько устрашающим окажется мое мероприятие, когда пошел в местный магазин снаряжения Dartmouth Co-Op закупаться всем необходимым. Мой сын как раз получил там работу, так что мне было сказано вести себя прилично. Понятно, что я не собирался говорить или делать что-то бессмысленное, не собирался также выдавать свою неосведомленность, сильно засомневавшись в адекватности продавца после осознания цены продукта. Я не собирался специально изображать невнимательность, пока продавец рассказывает мне о том, что, собственно, делать с товаром. И наконец, я абсолютно не планировал примерять на себя что-то совсем неподобающее (типа женской лыжной шапочки) для того, чтобы развеселить окружающих.

Мне сказали спросить Дейва Менгла, потому что он прошел большую часть тропы, а посему являлся ходячей энциклопедией по выживанию. Добрый и вежливый Менгл мог, не останавливаясь и с огромным

интересом, говорить о походном снаряжении дня четыре.

Я никогда не был так впечатлен и одновременно озадачен. Весь день мы бродили по его складу. Он говорил что-то типа: «Этот продукт сделан из плотной непромокаемой ткани с рипстоповой заглушкой из армированной нити. С другой стороны, тут я врать не буду (и он наклонялся ко мне, понижая голос до максимально интимного), швы проклеены, а не пройдены косой бейкой, а тамбур несколько слабоват».

Я думаю, что когда я сказал, что ходил в пару походов в Англии, Дейв решил, что я компетентен в подобных вопросах. Мне же не хотелось напрягать или разочаровывать его, поэтому, если он спрашивал: «Что думаешь о палатках из углеродного волокна?», я покачивал головой и печально хмыкал, показывая, что вопрос этот вечен, а после произносил: «Знаешь, Дейв, я никогда не мог нормально сформулировать свои мысли по этому поводу. Что сам думаешь?»

Мы обсудили и разложили по полочкам все достоинства и недостатки боковых ремней на рюкзаке, а также компрессионных ремней и внешних крепежей к рюкзаку, а еще внешних крепежей для тяжелых вещей и термобелья, спасательных петель для альпинизма и чего-то, что называлось «соотношением затылочного выреза». Так мы обсуждали каждый из предметов. Даже алюминиевый набор для готовки подвергся тщательному рассмотрению с точки зрения его веса, компактности, термодинамики и остальных качеств. Поэтому понятно, что это могло занять Дейва на несколько часов. Между диалогами об оборудовании мы обсуждали походы вообще, в основном то, как себя вести в чрезвычайных ситуациях типа камнепада, нападения медведей, взрыва горелки и укуса змеи, о которых Дейв говорил с определенно затуманенным взором.

Помимо этого мы много говорили о весе. Мне раньше казалось каким-то выпендрежем предпочитать один спальник другому, потому что он весил на сто грамм меньше, но когда я понял, сколько оборудования мне придется брать с собой, то очень хорошо осознал, что эти самые граммы в итоге превращаются в килограммы. Я вовсе не собирался так много покупать. У меня уже были туристические ботинки, швейцарский армейский нож и пластиковый чехол для карты, который можно повесить на шею. Поэтому я был уверен, что вполне подготовлен к походу. Но чем больше я говорил с Дейвом, тем больше понимал, что мне надо основательно закупиться.

А главное, меня очень сильно удивили цены. Каждый раз, когда Дейв уходил на склад или отходил, чтобы уточнить уровень плотности, я бросал взгляд на ценники и все время приходил в ужас (особенно учитывая, что покупка одного оборудования обязательно влекла за собой покупку другого

оборудования). Если ты покупал спальник, надо было брать компрессионный мешок, а он стоил 29 долларов. В общем, мне это показалось слишком сложным.

После долгого раздумья я остановился на рюкзаке (очень дорогом, очень хорошем, потому что «не-стоит-на-таком-важном-деле-экономить на рюкзаке»). И тут Дейв спросил:

– Какие крепления тебе нужны?..

– Прости? – сказал я и вдруг осознал, что был близок к состоянию, которое называется шопинг-лихорадкой. Вряд ли бы я сейчас смог беспечно сказать: «Давай-ка полдесятка вот этих, Дейв. И вот этих штук восемь. Хотя нет, давай десять. Гулять так гулять!» Гора вещей, которые всего минуту назад выглядели так привлекательно и интересно, потому что все они были новые и все мои, внезапно показалась мне избыточной и экстравагантной.

– Ремни, – объяснил Дейв, – знаешь, чтобы спальник привязывать и все такое.

– Что, тут нет таких ремней? – спросил я новым, совсем тихим голосом.

– М-м-м, нет, – он посмотрел на гору товаров и коснулся пальцем носа, – тебе еще непромокаемый чехол бы не помешал.

– Чехол? Зачем? – И я с недоумением моргнул.

– Чтобы от дождя защититься.

– А что, рюкзак промокает?

Он состроил такую гримасу, словно бы искал очень мелкие отличия:

– Ну-у, не то чтобы промокает...

Для меня это прозвучало удивительно.

– Правда? Производитель не понимает, что люди вообще с рюкзаками на улицу ходят, а иногда и в поход берут? Сколько вообще такой рюкзак стоит?

– Двести пятьдесят долларов.

– Двести пятьдесят? Вы в своем у... – Я на секунду остановился и продолжил уже спокойнее: – Дейв, ты говоришь, что я плачу 250 баксов за рюкзак, а он промокает и к нему ничего не прикрепишь?

– Дейв кивнул.

– Там хоть дно есть?

Дейв натянуто улыбнулся. Он был не из тех, кто мог устать, вращаясь в удивительном мире походного оборудования.

– Ремни производятся в шести цветах...

В итоге я приобрел столько оборудования, что можно было бы дать

работу целой деревне шерпов, затерянных в далеких уголках Непала. Я заполучил теплую палатку, самонадувающийся коврик, походный котелок, или точнее кан, и термopосуду, складывающиеся приборы, пластиковые тарелку и чашку, сложносочиненный водоочиститель, разноцветные компрессионные мешки, веревку, бутылки для воды, водонепроницаемое пончо, водонепроницаемые спички, влагозащитный чехол на рюкзак, достаточно стильный брелок для ключей с компасом и термометром, маленькую плитку, которая выглядела не очень впечатляюще, газовый баллон, налобный фонарик, как у шахтеров (очень мне понравился), большой нож для того, чтобы убивать медведей и агрессивных местных, утепленные кальсоны и куртку, четыре банданы и кучу прочих вещей, о назначении которых мне пришлось снова спрашивать всезнающего Дейва. Однако прошу заметить, я не купил водонепроницаемую дизайнерскую подстилку за 59,95 доллара, потому что в K-mart можно было купить ткань для сбора листьев за пять баксов. Я отказался от набора первой помощи, от набора для шитья, от набора от укусов змей, от двенадцатидолларового свистка и маленькой оранжевой лопатки для закапывания какашек, потому что все эти вещи были не очень нужны, слишком дороги или просто смешны. Но при этом я краем уха услышал, как особенно громко кричала оранжевая лопатка: «Лошара! Чайник! Перед вами стоит ГОРОДСКАЯ КРЫСА!!!»

Затем, просто чтобы уже закончить, я пошел в местный книжный и купил необходимые для моего самообразования книги. Это были: «Справочник настоящего путешественника», «Прогулка по Аппалачской тропе», несколько книг о флоре, фауне и естественных науках, книга о геологической истории Аппалачской тропы за авторством Коллинса Чу, а также полный набор путеводителей по Аппалачской тропе из 12 книжек в бумажных обложках и 59 карт разных размеров, стилей и масштабов, которые показывали всю тропу от горы Спрингер до горы Катадин. Все это обошлось мне в каких-то 233 доллара и 45 центов. На пути к выходу я заметил книгу: «Нападения медведей: как их избежать», открыл ее наугад и сразу увидел фразу: «Вот очевидный пример ситуации, в которой черный медведь видит человека и решает убить и съесть его». После чего, естественно, я бросил книжку себе в корзинку.

Я привез все купленное домой и в несколько ходок перетащил в подвал. Всего было очень много, и большинство вещей было мне незнакомо, так что это вызывало у меня как восхищение, так и недоумение. Если совсем честно, в основном – недоумение. Я надел налобный фонарик (просто так) и поставил на полу палатку. Я развернул самонадувающийся

коврик, запихнул его внутрь и положил на него спальник. Затем я сам заполз туда и долго лежал, привыкая к дорожному, новому, странно пахнущему пространству, которому предстояло стать моим домом. Я пытался представить, как лежу не в подвале, прислушиваясь к привычному шуму батарей, а снаружи, высоко в горах, слыша ветер и шум деревьев, одинокий вой собакоподобных существ и хриплый голос, который вопрошал кого-то: «О, Вирджиль, вот еще турист. Веревку взял?» Но так ничего и не представил.

Просто я не был в подобном месте примерно с того момента, как перестал делать укрытия из одеял, то есть лет с девяти. Тут было вполне уютно, и как только ты привыкал к запаху, который, как я надеялся, со временем развеется, и к тому, что внутри все окрашивалось в зеленоватый цвет, как будто освещалось экраном радара, становилось вполне сносно. Немного тесно, немного вонюче, но даже уютно.

«Все не так уж и плохо», – сказал я себе. Но где-то глубоко внутри я знал, что ошибаюсь.

Глава II

Старый добрый Кац

В полдень 5 июля 1983 года трое взрослых и группа подростков разбили лагерь в достаточно популярном месте рядом с озером Канимина в сосновых лесах западного Квебека. Это примерно в ста километрах к северу от Оттавы, в парке заповедника Верендрай. Они приготовили ужин, а после этого, как и положено, уложили еду в сумки и отнесли ее на примерно полторы сотни метров в лес, где подвесили над землей между двумя деревьями – чтобы медведи не достали.

Примерно в полночь к окраине лагеря пришел медведь гризли. Он унюхал мешок с едой, забрался на одно из деревьев, сломал ветку и достал еду. Медведь убежал вместе с едой, но через час вернулся и вошел в лагерь, привлеченный, скорее всего, запахом жареного мяса, который впитался в одежду и волосы подростков, а также в ткань палаток и спальников. Для лагеря это была долгая ночь. С полуночи до половины четвертого медведь приходил в лагерь трижды.

Представьте себе, если можете, как вы лежите в темноте один в маленькой палатке, между вами и холодным ночным воздухом находится всего несколько микронов нейлона и вы слушаете, как огромный медведь бродит по вашему лагерю. Представьте себе его тихое ворчание и непонятное шуршание, перестук опрокидываемых канов и мисок, влажное причмокивание, тяжелое дыхание, шорох его шерсти по вашей палатке. Представьте волну накрывающего вас адреналина, представьте, как начинают трястись руки, когда медведь мордой задевает палатку, а еще представьте себе пугающую дрожь вашего хрупкого убежища в тот момент, когда медведь пытается добраться до рюкзака, стоящего в тамбуре. И тут вы в ужасе вспоминаете, что оставили в кармане «Сникерс». А вы слышали, что медведи обожают «Сникерсы».

И вдруг непрощеная мысль: а что, если вы взяли этот самый чертов «Сникерс» с собой в палатку, что он где-то тут, под ногой или в кармане, или... О черт, вот же он! Еще раз его голова касается палатки, и вы слышите ворчание прямо около своего плеча. Палатка содрогается. Тишина, долгая тишина, и – подождите, тихо... «Да!» – вы с облегчением осознаете, что медведь ушел в другую часть лагеря или даже в лес. Я вам прямо сейчас честно скажу, что я бы такого не вынес.

Представьте, как страшно было бедному двенадцатилетнему Дэвиду Андерсону, когда в половине четвертого ночи в третий раз пришел медведь и разорвал его палатку взмахом когтя, привлеченный дивным, невероятным запахом гамбургера, затем схватил мальчика за дрожащую руку и протащил его по всему лагерю в лес. За те несколько минут, пока товарищи мальчика выскакивали из палаток (представьте, как они вылезают из перекрученных спальников, хватают фонарики и дубинки, открывают палатки трясущимися пальцами и бегут за медведем), Дэвид Андерсон уже умер.

А теперь представьте себе, что вы читаете документальную книжку, переполненную такими историями, кстати, самыми что ни на есть настоящими, прямо перед тем, как в одиночестве отправиться в поход по Северной Америке. Книга, о которой я говорю, называется «Нападения медведей: как их избежать», а написал ее канадский академик по имени Стивен Герреро. Если это вам ни о чем не говорит, то я уже боюсь продолжать. Долгими зимними ночами в Новом Гэмпшире, когда снег валил стеной, а моя жена мирно спала, я, выпучив глаза, лежал на кровати и читал клинически точные описания людей, которых погрызли прямо в спальниках, которых сняли с дерева, которых бесшумно преследовали (а я даже не знал, что такое бывает!), когда они, ничего не подозревая, шли по лесным тропинкам или болтали ногами в горных потоках. Люди, единственной ошибкой которых было то, что они пригладили волосы ароматическим гелем, что съели сочное мясо, или положили «Сникерс» в карман рубашки, или занимались сексом, или даже то, что они пошли в лес во время менструации и поэтому потревожили обоняние голодного медведя. А иногда и того хуже – человек просто поворачивал и видел, что тропинку преграждает мрачный медведь, оценивающе покачивающий головой. Или человек случайно заходил на территорию медведя, который был слишком стар, чтобы преследовать кого-то более быстрого.

Теперь, пожалуй, важно сказать, что все-таки на Аппалачской тропе сложно реально попасться медведю в лапы. Для начала, по-настоящему жуткий американский медведь гризли – *Ursus horribilis* – не встречается к востоку от Миссисипи. И это отличная новость, потому что гризли огромные, мощные и злобные. Когда исследователи Льюис и Кларк пошли в леса, они поняли, что ничего так не пугало индейцев, как гризли. И ничего удивительного – вы можете утыкать гризли стрелами, как дикобраза, но он все равно не остановится. Даже Льюис и Кларк с огромными ружьями были удивлены и взволнованы тем, как спокойно гризли переносит выстрел из ружья.

Герреро вспоминает случай, который отлично показывает силу и мощь

гризли. Алексей Питка, профессиональный охотник, поехал на Аляску, там долго преследовал большого самца и наконец выстрелил ему точно в сердце из ружья большого калибра. Питка должен был вспомнить, что сначала надо проверить, умер ли медведь, а потом уже убирать ружье. Но увы... Он осторожно подошел к медведю и минуту-другую смотрел, не двигается ли тот. Признаков жизни не было, так что он повесил ружье на дерево (огромная ошибка) и подошел к трупу, чтобы забрать добычу. Как только охотник подошел, медведь подпрыгнул и цапанул голову Питки когтями так, словно собирался его поцеловать, а после одним сильным рывком вырвал ему лицо.

Удивительно, но Питка выжил. «Я не знаю, зачем я прислонил чертово ружье к дереву», – сказал он позже. Точнее говоря, он сказал: «Мммрффф ммммммпг нмммм мфффффффффн», – потому что у него не было губ, зубов, носа, языка и прочих частей голосового аппарата.

Если мне и суждено было попасть в лапы медведя (а чем больше я читал, тем более возможным мне это казалось), то этим медведем стал бы американский черный медведь или *Ursus americanus*. В Северной Америке обитают как минимум 500 тысяч особей данного вида (ну, максимум – семьсот). Они часто встречаются в холмах вдоль Аппалачской тропы (на самом деле они используют тропу, потому что это удобно), и их количество постоянно растет. Число же особей медведей-гризли насчитывает не более 35 тысяч во всей Северной Америке, и всего одну тысячу на материковой части США, в основном в Йеллоустоунском национальном парке и вокруг него. Из этих двух видов американские медведи обычно меньше (хотя это весьма относительное сравнение, потому что самец американского медведя может весить до 650 фунтов) и гораздо менее агрессивные.

Американские медведи редко нападают на людей, но вот в чем заковыка – иногда они все-таки нападают. Все медведи проворны, хитры и невероятно сильны, и они всегда голодны. Если медведи хотят убить и сожрать вас – они способны это сделать в любой момент. Это случается довольно редко, но (и это важно) для вас лично и одного раза будет вполне достаточно.

Герреро подчеркивает, что учитывая количество особей, американские медведи совершают нападения не очень часто. За последние 80 лет к 1980 году произошло всего 23 нападения американских медведей на людей, закончившихся летальным исходом (вполовину меньше, чем нападений гризли), и большинство этих нападений произошло на западе или в Канаде. В Нью-Гэмпшире не наблюдалось ни одного летального исхода при отсутствии провокации со стороны человека с 1784 года. В Вермонте таких

случаев не было ни разу.

Я очень хотел успокоиться, но так и не смог обрести заряда веры. Я прочитал, что с 1960 по 1980 год произошло всего 500 нападений американских медведей на людей, то есть 25 нападений в год при наличии примерно полумиллиона медведей. И хотя Герреро в своей книге сообщил, что большинство травм, полученных в результате нападений, не были серьезными. «Типичная травма после нападения черного медведя, – написал он, – невелика, обычно это несколько царапин или легкие укусы», – мне от этого не стало легче.

Минуточку, а что вообще имеется в виду под «легким укусом»? Мы говорим о веселых играх и плюшевых мишутках? Нет. А 500 подтвержденных нападений – так ли это мало, учитывая, сколько людей гуляет по североамериканским лесам? И насколько глупым надо быть, чтобы успокоиться, услышав, что за последние 200 лет ни один человек не был убит медведем в Вермонте или Нью-Гэмпшире? Разве медведи подписали с нами договор? Никто не обещал, что завтра они не начнут кровавую жатву.

Давайте представим, что мы и правда столкнулись в лесу с медведем. Что в этом случае нужно делать? Интересно, что при встрече с гризли и американским медведем советуют абсолютно противоположные вещи. Если вы встретили гризли, заберитесь на высокое дерево, потому что эти медведи не очень хорошо лазают. Если дерева поблизости нет, медленно отходите назад, избегая прямого визуального контакта. Все книги говорят, что если вы встретили гризли, то ни при каких обстоятельствах не должны бежать. Такой совет может дать только человек, который пишет это, сидя дома за клавиатурой. Лучше послушайте меня. Если вы находитесь на открытом пространстве, у вас нет оружия и к вам идет гризли, бегите. Это хорошая идея. Если не повезет, по крайней мере вы что-то сделаете в последние семь секунд вашей жизни. Однако когда гризли вас догонит (а он догонит), вы должны упасть на землю и притвориться мертвым. В этом случае гризли пожует вас минуту-другую, но потом потеряет к вам всякий интерес и уйдет. С американскими медведями такой номер не пройдет, потому что они будут вас жрать до тех пор, пока вам уже не станет все равно. Глупо также лезть на дерево, потому что американские медведи отличные лазальщики, так что в итоге вам все равно придется драться с медведем, только на дереве.

Чтобы отпугнуть агрессивного американского медведя, Герреро советует производить много шума, греметь банками и кастрюлями, бросать палки и камни и «бежать на медведя». (Ну-ну. Вы первый, профессор.) С

другой стороны, он потом рассудительно добавляет, что такая тактика «может и спровоцировать медведя». Ну что же, спасибо. Он предлагает походникам периодически шуметь (например, петь песни), чтобы медведь знал, что где-то рядом есть люди, потому что испуганный медведь – это почти всегда злой медведь. Но через несколько страниц он же утверждает, что «шум может быть опасен», потому что способен привлечь голодного медведя, который в другом случае вас бы не заметил.

Суть в том, что никто толком не может сказать, что делать. Медведи непредсказуемы. И то, что работает в одной ситуации, может не сработать в другой. В 1973 году два подростка, Марк Сили и Майкл Уиттен, пошли в поход в Йеллоустоунском парке и случайно прошли между самкой медведя и ее детенышами. Ничто так сильно не волнует самку, как люди, которые находятся между ней и ее выводком. Разъярившись, она повернулась и начала их преследовать. Несмотря на то что медведи ходят вразвалку, они могут бегать со скоростью 56 км в час. Оба мальчика забрались на деревья. Медведица полезла за Уиттеном, цапнула его зубами за правую ногу, затем стала медленно и терпеливо стягивать его с насеста (вы тоже слышите, как ногти скребут по дереву?). Когда он уже лежал на земле, медведица начала его терзать. Чтобы отвлечь зверя, Сили стал кричать, тогда медведица стянула на землю и его. Оба подростка притворились мертвыми (согласно всем инструкциям этого делать ни в коем случае нельзя), и медведица ушла.

Не скажу, что я стал одержимым, но все эти истории с медведями заняли мои мысли на те несколько месяцев, что я ждал весны. Основным моим страхом (и это заставляло меня пристально рассматривать по ночам тени деревьев у себя на потолке) было оказаться одному в лесу в маленькой палатке, слышать снаружи ревущего медведя и думать о том, чего же он хочет. Я был особенно впечатлен любительской фотографией в книге Герреро. Она была сделана поздно вечером со вспышкой в лагере где-то на западе. На фотографии были четыре медведя, застывшие под сумкой с продуктами. Медведи явно были ошарашены, но совсем не напуганы вспышкой. Меня же страшили не размер медведей и не их поведение – они на фото выглядели почти смешно и совсем не опасно, примерно так, как выглядят четыре парня, у которых залетела на дерево летающая тарелка для фрисби, а их количество. До этого момента я и не думал, что медведи могут ходить по лесу толпами. Что, черт возьми, мне делать, если ко мне в лагерь забегут на огонек четыре медведя?

Готовиться к смерти, конечно. Буквально обгадиться до смерти. Думаю, мой сфинктер в этой милой ситуации просто вылетит из тела, как

серпантин в кружочках с детских праздников (осмелюсь даже сказать, что он, возможно, издаст веселый гудок), и я тихо истеку кровью в своем собственном спальнике.

Книга Герреро была написана в 1985 году. С того момента, согласно статье в *New York Times*, количество нападений медведей на людей в Северной Америке увеличилось на 25 %. В этой статье также сообщалось, что медведи скорее нападут на человека весной после неурожайного года. Как раз предыдущий год выдался очень неурожайным, особенно на ягоды. Все это мне, конечно, совсем не нравилось.

К тому же я волновался по поводу одиночества. Мне все еще не вырезали аппендицит, да и вообще – некоторые мои другие органы тоже могли загнить или разорваться в пустыне одиночества окружающего меня девственного леса. И что мне тогда делать? Что, если я упаду с края скалы и сломаю спину? Что, если я потеряю тропу среди вьюги, или если ядовитая змея укусит меня в глотку, или если я потеряю равновесие на скользких камнях посреди реки, упаду и пробью череп? Знаете, человек может утонуть в шести сантиметрах воды. Можно умереть, всего-навсего вывихнув лодыжку. Нет уж, мне все это совсем не нравилось.

На Рождество я отправил кучу открыток, приглашая знакомых присоединиться к моему путешествию или хотя бы к его части. Никто, конечно, не ответил. Но потом, в конце февраля, когда я уже готовился к выходу, мне позвонили. Это был мой одноклассник Стивен Кац. Мы вместе росли в Айове, но потом перестали общаться. Те из вас, кто читал «Ни там, ни тут», может быть, и помнят Каца – моего попутчика в путешествии по Европе. В последующие 25 лет я раза три или четыре сталкивался с ним, когда приезжал домой, но больше никак с ним не контактировал.

– Я долго думал, стоит ли звонить, – сказал он медленно. Казалось, он подыскивает слова, – но эта Аппалачская тропа... Может, мне пойти с тобой?

Я не верил своим ушам.

– Хочешь присоединиться?

– Если это не очень удобно, то о'кей, я понимаю.

– Нет, – сказал я. – Нет, нет, нет! Пойдем! Я очень хочу, чтобы ты пошел!

– Правда? – казалось, что он сильно обрадовался.

– Конечно. – Я не мог поверить своим ушам. Мне не надо было быть одному! Я даже начал пританцовывать. *Мне не надо было быть одному.*

– Я не могу и передать, как я тебе рад.

– Ох, это прекрасно, – сказал он с облегчением, а потом добавил таким

тоном, будто признавался в преступлении: – Я думал, что ты, возможно, не захочешь меня брать.

– С чего бы это?

– Потому что, ну-у-у-у, я все еще должен тебе шестьсот баксов со времен Европы.

– Что? Конечно нет! Ты должен мне шестьсот баксов?

– Я все еще хочу их вернуть.

– Эй, – сказал я, – эй, – я не мог вспомнить никаких шестисот долларов. Я никогда не забывал долги такого размера, и поэтому мне понадобилось время для того, чтобы заговорить: – Послушай, это не проблема. Просто пошли со мной. Ты уверен, что готов?

– Абсолютно.

– В какой ты форме?

– В отличной. Я много хожу пешком.

– Правда? Для Америки сегодня это необычно.

– Да, у меня за долги машину забрали.

– О-о-о...

Мы еще немного поговорили о том и об этом: о его маме, моей маме, о Де-Мойне. Я рассказал, как мало знал о тропе и о лесах, которые нас ждали. Мы договорились, что в следующую среду он прилетит в Нью-Гэмпшир, мы будем два дня готовиться, а потом уже пойдем. В первый раз за несколько месяцев я почувствовал некую уверенность. Он тоже казался невероятно бодрым, особенно для человека, которому это делать вовсе не обязательно.

Последнее, что я ему сказал, было:

– Как насчет медведей?

– Они еще до меня не добрались!

Вот это сила духа. Старый добрый Кац. Старый добрый кто угодно, у кого есть пульс и кто хочет пойти со мной. Когда он положил трубку, я понял, что не спросил, зачем ему все это надо. Кац был единственным человеком в мире, который мог, например, скрываться от людей с именами типа Хулио и Мистер Биг. В любом случае мне было все равно. Я не собирался идти один.

Моя жена стояла у раковины, пока я рассказывал ей хорошие новости. Она была не так рада, как я надеялся.

– Ты идешь в лес с кем-то, кого ты не видел уже двадцать пять лет. Ты вообще об этом думал? – (Как будто я вообще хоть о чем-то думал.) – Мне казалось, что вы уже вымотали друг другу нервы в Европе.

– Нет (это не было правдой). Мы только начали выматывать друг другу

нервы. В итоге мы презирали друг друга, но это было уже давно.

Жена посмотрела на меня:

– У вас же нет ничего общего.

– У нас все общее. Нам по сорок четыре года. Мы будем говорить о геморрое и о болях в пояснице. И так как мы ничего уже не помним, я скажу ему: «О, я тебе уже рассказывал о том, как у меня болит спина?» А он ответит: «Э-э-э, нет, вряд ли». И мы снова это все обсудим. Будет просто здорово!

– Будет просто ужасно.

– Да, я знаю, – ответил я.

В итоге через шесть дней я стоял в местном аэропорту и смотрел, как маленький самолетик с Кацем внутри садится за пару десятков метров до терминала. На мгновение шум пропеллеров усилился, потом стал утихать, и дверь-трап самолета открылась. Я попробовал вспомнить, когда в последний раз его видел. После нашего европейского лета Кац вернулся в Де-Мойн и посвятил свою жизнь доказательству того, что в Айове существовала-таки культура употребления наркотиков. Он тусил несколько лет, потом все отказались с ним тусить, потом он тусил сам с собой, один в маленькой квартире, с бутылкой, с пакетом травы и со старым телевизором. Теперь я вспомнил, что последний раз видел его лет пять назад, когда водил маму в ресторан Денни на завтрак. Он сидел за столиком с изможденным парнем, запихивал в рот блины и периодически делал глоток-другой из бутылки в бумажном пакете. Было восемь утра, а Кац уже выглядел счастливым. Когда он пил, он всегда выглядел счастливым, а пил он всегда.

Через две недели, как я потом узнал, полиция нашла его в перевернутой машине в поле рядом с Минго, он висел на ремне безопасности, сжимал руль и говорил: «Кажется, тут небольшая проблемка, офицер?» В бардачке у Каца нашли немного кокаина. За это его отправили в тюрьму на 18 месяцев. Там он начал посещать встречи «Анонимных алкоголиков». Ко всеобщему удивлению, с тех пор он не притронулся ни к алкоголю, ни к прочим незаконным веществам.

Когда Каца выпустили, он нашел работу, вернулся в колледж и некоторое время жил с парикмахершей Патти. Последние три года он посвятил честности и, как я заметил, когда он вышел из самолета, отрастил живот. Кац был сильно больше, чем когда я видел его в последний раз. Он всегда был немного полноват, но теперь был похож на актера Орсона Уэллса после тяжелой ночи. Он немного прихрамывал и дышал тяжелее, чем следовало бы дышать тому, кто прошел двадцать метров.

– Боже, я очень голоден, – сказал Кац без всяких предисловий и дал

мне свою сумку, которая тут же прижала меня к земле.

– Что у тебя там? – выдохнул я.

– Просто всякое дерьмо для путешествия. Здесь есть Dunkin' Donuts? Я ничего не ел еще с Бостона.

– Бостон? Ты же только что оттуда.

– Ну да, мне надо есть каждый час или типа того, а то у меня будут, как они говорят, припадки.

– Припадки? – Это было не совсем то, что я мечтал, когда думал о нашем воссоединении. Я представлял, как он скачет по Аппалачской тропе как упавшая на спину заводная игрушка.

– Лет десять назад я принимал всякие токсичные фенитиамины. После этого все и началось. Но если я съем пару пончиков или типа того, то прихожу в себя.

– Стивен, мы через три дня будем в лесу. Там не будет пончиков.

Он гордо кивнул:

– Я об этом подумал. – Кац указал на свою сумку на ленте выдачи. Это был зеленый армейский вещмешок. Он попросил меня его поднять. Что я и сделал. Мешок весил минимум килограмм тридцать. Кац поймал мой удивленный взгляд.

– «Сникерсы», – объяснил он. – Очень много «Сникерсов».

Из Dunkin' Donuts мы поехали домой. Чуть позже моя жена и я сидели на кухне и смотрели, как Кац уничтожает пять пончиков с кремом, запивая их двумя стаканами молока. Затем он сказал, что хочет ненадолго прилечь. Чтобы подняться по лестнице, ему потребовалось несколько минут.

Моя жена повернулась ко мне с совершенно пустым лицом.

– Пожалуйста, ничего не говори, – сказал я.

В полдень, когда Кац отдохнул, мы с ним поехали к Дейву Менгле и купили ему рюкзак, палатку, спальник и все прочее, а затем поехали в K-Mart покупать коврик, термобелье и другую мелочь. После этого он еще немного отдохнул.

На следующий день мы пошли в супермаркет покупать еду на первую неделю. Я совершенно ничего не знал о готовке, но Кац жил один многие годы, поэтому прекрасно освоил блюда, которые в основном представляли собой арахисовое масло, тунец и лапшу, смешанные в горшке, и которые, по его мнению, отлично подойдут для похода. Тем не менее в тележку он положил много других вещей. Это были четыре больших колбаски пепперони, 2,5 кг риса, разное печенье, крупа, изюм, M&Ms, Spam, еще немного «Сникерсов», семечки, крекеры Graham, растворимое картофельное пюре, два больших пакета тростникового сахара (он сказал,

что без этого вообще нам не выжить), несколько палочек сушеной говядины, сыр, ветчина в банках, а также огромное количество липких и долго не портящихся пирогов и пончиков от компании под названием Little Debbie.

– Знаешь, мне кажется, мы не сможем это все нести, – сказал я после того, как он положил в тележку копченую колбасу в форме подковы.

Кац мрачно посмотрел в тележку:

– Да, ты прав. Давай сначала.

Он оставил тележку и пошел за второй. Мы снова сделали круг по магазину, стараясь более избирательно подходить к вопросу, но в итоге все равно вышло слишком много.

Мы взяли все домой, разделили и начали паковать. Кац в спальне, где лежали все его вещи, а я в подвале. Я упаковывал свое два часа, но так и не мог запихнуть все, что хотел. Я отложил книги, блокноты и почти всю свободную одежду, попробовал много других вариантов, но каждый раз, когда заканчивал, вдруг понимал, что оставил что-то важное и большое. Наконец я пошел проверить, чем там занимается Кац. Он лежал на кровати и слушал плеер. Вещи были разбросаны. Рюкзак был пуст. Тихонько звучала музыка.

– Ты собираешься? – спросил я.

– Да.

Я подождал минуту, думая, что он встанет, но он даже не двинулся.

– Прости, Стивен, но мне кажется, что ты просто лежишь.

– Да.

– Ты точно слышишь, что я говорю?

– Да, через минуту.

Я вздохнул и вернулся в подвал.

Кац молча поужинал и сразу пошел в свою комнату. За весь вечер мы от него ничего не слышали, но примерно в полночь, когда я и жена уже лежали в кровати, стали раздаваться странные звуки. Это были бормотание, щелчки, звуки двигающейся мебели, резкие вспышки шума, перемежавшиеся периодами тишины. Я держал мою вторую половину за руку и не знал, что сказать.

Утром я постучал в дверь Каца и зашел. Он спал полностью одетый на куче постельного белья. Матрас наполовину сполз с кровати, словно Кац всю ночь с кем-то дрался. Рюкзак был полон, но не закрыт, а его личные вещи разбросаны по комнате. Я сказал, что, чтобы успеть на самолет, мы должны выйти через час.

– Да, – подтвердил он.

Через двадцать минут он спустился – с трудом и ругаясь. Он спускался боком и очень осторожно, словно ступеньки лестницы были покрыты льдом. Кац нес рюкзак, к которому были привязаны разные вещи – старые кеды и ботинки, посуда, хозяйственная сумка, явно взятая из гардероба моей жены и теперь заполненная БОГ знает чем.

– Это все, что я мог сделать. Мне пришлось даже кое-что оставить.

Я кивнул. Я бы тоже оставил несколько вещей – например, крупу, которую я не ел, и самые неприятно выглядящие пироги Little Debbie, точнее – все эти пироги.

Через снегопад жена отвезла нас в аэропорт в Манчестер. Всю дорогу в машине царило неловкое молчание, как всегда бывает перед долгой разлукой. Кац сидел сзади и ел пончики. В аэропорту она подарила мне палку для походов, которую купили мне дети. На ней был красный бант. Я хотел разрыдаться или, что лучше, сесть в машину и уехать, пока Кац хмурился с непривычки. Она сжала мою руку, слабо улыбнулась и ушла.

Я посмотрел, как она уходит, а потом пошел к терминалу вместе с Кацем. Мужчина за стойкой регистрации проверил наши билеты до Атланты, глянул на рюкзаки и сказал (достаточно взволнованно для человека, который зимой надел футболку):

– Ребята, идете на Аппалачскую тропу?

– Угу, – гордо сказал Кац.

– Проблемы с волками в Джорджии.

– Правда? – Кац был весь внимание.

– Ага. На пару людей недавно напали. Достаточно серьезно, как я слышал. – Он походил с билетами и багажными бирками. – Надеюсь, вы взяли длинное белье.

Кац скривился:

– Для волков?

– Нет, для погоды. Будет дикое похолодание на четыре-пять дней. Сегодня в Атланте уже *гораздо* ниже нуля.

– Супер. – Кац вздохнул и посмотрел на мужчину. – Может, звонили из больницы и сказали, что у нас рак?

Мужчина улыбнулся и шлепнул билеты на стойку.

– Нет, все, больше ничего. Хорошей поездки. И, – теперь он обращался только к Кацу и говорил тише, – ты следи за волками, потому что ты вообще похож на хорошую закуску. – И он подмигнул.

– Господи, – тихо сказал Кац и помрачнел.

Мы встали на эскалатор к нашему выходу.

– А еще на этом рейсе нас кормить не будут, – сказал он с горькой

усмешкой.

Глава III

Начало

Все началось с Бентона МакКая – мягкого, доброго, действующего из лучших побуждений мудреца, который летом 1921 года предложил своему другу Чарльзу Харрису Уитакеру, редактору известного архитектурного журнала, весьма амбициозный план похода. Сказать, что в этот момент жизнь МакКая была нехороша, было бы преуменьшить, и весьма значительно. В предыдущие десять лет он потерял работу в Гарварде, вылетел с должности в «Службе национальных заповедников», и наконец, желая найти место получше, получил должность в Министерстве труда, в федеральном ведомстве с размытыми обязанностями по улучшению эффективности работы и поднятию духа. Там он честно понавыдумывал абсолютно нерабочих, но амбициозных идей, которые были приняты с почтением и выброшены в мусор. В апреле 1921 года его жена, известная пацифистка и суфражистка Джесси Харди Стаббс, прыгнула с моста над Ист-Ривер и утонула.

Странно, что всего через десять недель после случившегося он предложил Уитакеру прогулку по Аппалачской тропе, и это предложение напечатали в одном из разделов уитакерского «Архитектурного журнала Американского института» в следующем октябре. Походная тропа была лишь частью плана МакКая. Он видел ее как путь, соединяющий сеть рабочих лагерей на вершинах гор, куда придут тысячи бледных и истощенных городских рабочих, чтобы получить заряд энергии и беззаботности. Там, прямо в лесу, должны были быть построены таверны и hostels, сезонные учебные центры и постоянные деревни – самоуправляемые сообщества, жители которых жили бы с помощью «непромышленной деятельности», основанной на лесничестве, фермерстве и ремеслах. Все это стало бы, как описывал МакКай, «отдыхом от дохода», то есть тем, что многие считали «поклонением большевизму».

В то время в восточной Америке уже существовало несколько туристических клубов – например, клуб «Зеленые горы», клуб «Дармут Аутинг», почтенный «Горный КЛУБ в Аппалачах». Все эти в основном аристократические организации уже владели сотнями миль гор и лесных троп, в основном в Новой Англии. В 1925 году представители ведущих клубов встретились в Вашингтоне и образовали «Конференцию

Аппалачской тропы», которая ставила своей целью создание тропы длиной 1930 км. Эта тропа должна была соединить две самых высоких вершины востока: двухкилометровую гору Митчелл в Северной Каролине и вершину поменьше на 396 футов – гору Вашингтон в Новой Англии. В итоге за следующие пять лет ничего не произошло, в основном потому, что МакКай занимался дальнейшей разработкой своих идей, пока наконец не добрался до реального мира.

До 1930 года, когда молодой морской юрист из Вашингтона и умелый путешественник по имени Мирон Эйвери не взял на себя проект, ничего не происходило, но потом вдруг все понеслось с жуткой скоростью. Очевидно, что Эйвери не был милым парнем. Как подметил кто-то из его современников, он оставил две тропы от Мэна до Джорджии, одну из задетых чувств и пошатнувшихся мировоззрений, а второй стала АТ. Он не желал терпеть МакКая и его «квазимистические эпиграммы», поэтому они не ладили. В 1935 году у них произошла ожесточенная стычка по поводу прокладывания тропы через национальный парк Шенандоа. Эйвери хотел провести путь через горы, а МакКай считал это предательством всех принципов. После чего, так и не договорившись, они никогда больше не разговаривали.

Обычно вся слава за создание тропы присваивается МакКаю. В основном потому, что он дожил до 96 лет и при этом не потерял своей здоровой седой шевелюры. К тому же он всегда находил минутку, чтобы сказать пару слов на церемонии где-нибудь на холме. Эйвери, наоборот, умер в 1952 году, за четверть века до МакКая, когда про тропу еще мало кто знал. Но на самом деле это была тропа Эйвери. Он проложил ее на карте, заставил клубы предоставить ему волонтеров, сам наблюдал за созданием сотен миль пути. Он увеличил ее изначальную длину с 1930 км до 3200, и, пока ее не закончили, прошел на ней каждый дюйм. Меньше чем за семь лет с помощью добровольных рабочих он построил 3200-километровую тропу через горные перевалы. Такого до него никто не делал.

Аппалачская тропа была официально завершена 14 августа 1937 года, когда в дальней части Мэна расчистили промежуток длиной в четыре километра. Удивительно, но постройка самой длинной в мире пешеходной тропы почти не привлекла внимания. Эйвери не был публичным человеком. А МакКай к тому моменту уже уволился. Ни в одной газете не осветили этого достижения. Не было никакого празднования.

У новой тропы не было никакой исторической подоплеки. Она не шла по индийским или постколониальным путям. Там не было красивых видов, или самых высоких точек, или самых известных достопримечательностей.

Она заканчивалась не пойми где у горы Митчелл, хотя добиралась до горы Вашингтон и потом шла еще 563 км до горы Катадин в Мэне (Эйвери, будучи родом из Мэна и начинавший тут свои походы, очень на этом настаивал). Короче, она шла там, где было возможно, в основном высоко по холмам, через одинокие ущелья и забытые долины, которые никто никогда не использовал и даже имен им не давал. Она не достигала южного конца Аппалачской горной цепи на 240 км и северного конца – на 1126 км. Рабочие лагеря, виллы, школы и учебные центры так и не были построены.

Тем не менее многие из идей МакКая все же осуществились. Все 3380 км тропы, равно как и тропки, мостики, знаки и укрытия, поддерживаются в рабочем состоянии волонтерами, из-за чего Аппалачскую тропу по праву называют самым большим волонтерским предприятием на планете. Она все еще свободна от коммерции. «Конференция по Аппалачской тропе» наняла первого работника с зарплатой в 1968 году и все еще остается дружелюбной, доступной и открытой организацией. Аппалачинская тропа больше не считается самой длинной тропой в мире. Находящиеся на западе тропы Тихоокеанский хребет и Американский континентальный водораздел немного длиннее, но она всегда будет первой и величайшей. У нее много друзей, которых она заслужила.

Практически со дня открытия тропу приходилось переносить. Сначала это сделали со 189 км в Вирджинии – чтобы создать «Скайлайн Драйв» через национальный парк «Шенандоа». Затем в 1958 году чрезмерная разработка горы Оглторп в Джорджии потребовала изменения 32 км южной части тропы и переноса начала к горе Спрингер, в национальный лес Чаттахучи. Через десять лет «Клуб АТ» в Мэне переложил 423 км тропы – около половины общей длины в штате, убрав тропу с дорог и пустив ее в леса. Даже сейчас от года к году путь несколько меняется.

Самая сложная часть в походе по Аппалачской тропе – это попасть на нее с какого бы то ни было конца. Гора Спрингер, точка старта на юге, находится в семи милях от ближайшей дороги, в месте, которое называется «Государственный парк Амикалола Фоллс», что и само по себе далековато. Из Атланты, которая тут ближе всего, можно сесть на поезд, который ходит раз в день, или на автобус (два раза) до Гейнсвилля, и даже тогда вам предстоит преодолеть еще сорок миль до того, как останется семь миль до начала тропы (из Катадин в Мэне добраться еще сложнее). К счастью, есть люди, которые готовы за деньги довести вас из Атланты в Амикалолу. Так мы с Кацем оказались вверены большому и очень дружелюбному парню в бейсбольной кепке по имени Уэс Уиссон, который согласился доставить

нас из аэропорта в Атланте до отеля «Амикалолы Фоллс», нашей отправной точки, за 60 долларов.

Каждый год, примерно с начала марта по конец апреля, около двух тысяч походников отправляются из Спрингера, и почти все они хотят пройти весь путь до Катадин. Но лишь 10 процентов из них с этим справляются. Половина не добирается и до центральной Вирджинии, которая находится примерно на трети пути. Четверть доходит до Северной Каролины, то есть до следующего штата. Десять процентов сливаются уже на первой неделе. Уиссон видел их всех.

«В прошлом году я высадил парня в начале тропы, – рассказывал он, пока мы ехали через темнеющий сосновый лес к изломанным холмам Северной Джорджии. – Через три дня он позвонил мне с платного телефона в Вуди-Гэп. Это первый платный телефон, на который ты натыкаешься. Сказал, что хочет домой, что тропа совсем не такая, как он думал. Так что я отвез его обратно в аэропорт. Через два дня он вернулся в Атланту. Сказал, что жена заставила, потому что он потратил все деньги на оборудование, и поэтому она не разрешит ему так просто сдаться. Ну, я его снова подвез. Через три дня он снова позвонил из Вуди-Гэп. Снова в аэропорт. «А как же жена?» – спрашиваю. А он говорит: «В этот раз поеду не домой».

Я поинтересовался, где находится Вуди-Гэп?

– В 33 км от Спрингера. Недалеко, правда? Ну, то есть я это к тому, что он же из Огайо летел.

– А почему так быстро отказался?

– Говорил, это не то, чего он ожидал. Все так говорят. На прошлой неделе у меня были три дамы из Калифорнии – среднего возраста, очень славные. Правда, немного слишком любят похихикать, но *славные*. Когда я их высадил, они были вполне бодрые. Через четыре часа позвонили и сказали, что хотят домой. То есть они прилетели из Калифорнии, понимаешь, потратили кучу денег на билеты и оборудование – у них было самое крутое оборудование, которое только может быть, все новое и очень качественное, они прошли всего мили полторы и отказались идти дальше. Сказали, что это оказалось совсем не то, чего ожидали.

– А чего они ожидали?

– Ну, кто знает. Эскалаторов? Там холмы, и скалы, и деревья, и тропа. Не надо быть ученым, чтобы это понять. Вы бы очень удивились, если бы знали, сколько людей сходит с тропы. Но вот шесть недель назад был парень, который должен был сойти и не сошел. Он вышел с этого конца. Он прошел сам от Мэна. У него это заняло восемь месяцев, больше, чем у большинства людей, и я не думаю, что он кого-то видел за последние

несколько недель. Со мной была его жена. Она приехала его встречать. Он просто упал на нее и стал плакать. Вообще не мог говорить. Он так себя вел до самого аэропорта. Я никогда не видел, чтобы люди чувствовали такое облегчение, совершив задуманное. И я подумал: «Ну, вы знаете, сэр, поход по Аппалачинской тропе – это вообще-то дело добровольное, но ничего, конечно, ему не сказал».

– Так значит, когда вы подвозите людей, то можете сказать про каждого, справится он или нет?

– Пожалуй, что могу.

– А мы, как думаете? – спросил Кац.

Он посмотрел на нас по очереди:

– Вы, ребята, справитесь. – Но его лицо говорило об обратном.

Отель «Амикалола Фоллс» находился довольно высоко на склоне горы. К нему по лесу вела долгая и продуваемая всеми ветрами дорога. Мужчина в аэропорту в Манчестере явно читал правильный прогноз. Когда мы вышли из машины, было чудовищно, просто невероятно холодно. Дул пронизывающий ледяной ветер, который, казалось, завывал со всех сторон и забирался в рукава и штанины. «Госсссподи!» – в ужасе выдавил Кац, как будто кто-то только что выплеснул на него ведро ледяной воды, и побежал к отелю. Я расплатился и пошел за ним.

Отель оказался современным, модным и очень теплым, с открытыми лобби, где горел каменный камин, и с такими безликими комнатами, которые можно увидеть только в Holiday Inn. Мы разошлись по комнатам и договорились встретиться в семь. Я купил колу в коридорном автомате, помылся под обжигающе горячим душем, использовав кучу полотенец, и ввинтился между хрустящими простыней и одеялом (когда я еще теперь смогу насладиться таким комфортом), посмотрел неутешительный прогноз погоды от счастливых беззаботных людей с Weather Channel и наконец заснул.

Я проснулся на рассвете и сел у окна, смотреть, как тусклый свет медленно прорисовывает окружающий ландшафт (бесплодные и словно бесконечные высокие холмы, покрытые голыми деревьями и немного снегом). Они не выглядели ужасно недоступными. Это же не Гималаи. Но они и не выглядели как место, где хочется прогуляться.

Когда я направился в столовую, выглянуло солнце, заполнив мир яркими цветами, и я вышел на улицу подышать воздухом. Холод словно ударил мне в лицо, да и ветер не унимался. Маленькие сухие снежинки, похожие на шарики пенопласта, крутились в воздухе. Термометр показывал –12 градусов.

– Очень холодно для этого времени, – бросила на бегу широко улыбающаяся работница отеля, быстро идущая от парковки ко входу в здание. Потом она остановилась и спросила:

– Вы в поход?

– Да.

– Ммм, лучше вы, чем я. Удачи! Бррррррр... – И она скользнула внутрь.

К своему собственному удивлению, я чувствовал некий душевный подъем. Я был готов к походу. В конце концов, я ждал этого дня несколько месяцев, даже несмотря на то, что все эти дни я в основном представлял себе всякие ужасы. Я хотел знать, что произойдет дальше. Сегодня по всей Америке люди будут работать, стоять в пробках, дышать смогом. А я собираюсь ходить по лесам. И я более чем готов к этому.

Каца я обнаружил в столовой за завтраком. Он тоже выглядел весьма бодрим. Все потому, что нашел нового друга – официантку по имени Райетт, которая слушала его заказ с некоторым кокетством. Райетт была ростом примерно метр восемьдесят, а ее лицо могло напугать младенца, но она казалась доброй и была расторопна с кофе. Она бы не смогла лучше продемонстрировать Кацу свою доступность, даже если бы сняла юбку и легла перед ним на стол. Кац, в свою очередь, испускал тестостерон.

– Ооо, мне нравятся мужчины, которые ценят блинчики, – протянула Райетт.

– Милая моя, мне нравятся именно *эти* блинчики, – ответил Кац, облившись сиропом и расплывшись в счастливой улыбке. Это было не очень похоже на Хепберн и Трейси, но трогало не меньше.

Официантка отправилась дальше – к посетителю за другим столиком, а Кац смотрел, как она уходит, с какой-то почти родительской гордостью.

– Она жутко страшная, правда? – сказал он с широчайшей улыбкой.

Я решил смягчить его слова:

– Только если сравнить ее с другими женщинами.

Кац задумчиво кивнул, потом быстро взглянул на меня.

– Знаешь, чего я сейчас ищу в женщинах? Сердцебиения и наличия конечностей. – Я изобразил на лице сочувствие. – И это только отправная точка. Я готов даже поговорить по поводу конечностей. Как думаешь, она доступна?

– Думаю, тебе следует взять у нее телефон.

В ответ он грустно кивнул.

– Думаю, что лучше все доесть и уйти.

Я был очень рад это услышать. Я допил свой кофе, и мы пошли

собирать вещи. Но когда через десять минут мы встретились снаружи, уже собранные и готовые, Кац выглядел несчастным. – Давай еще на ночь останемся, – сказал он.

– Что? Ты шутишь? – Я был совершенно ошарашен. – Зачем?

– Тут тепло, а там холодно.

– Ну как ты не понимаешь? Нам надо это сделать.

Он посмотрел в сторону леса:

– Мы там замерзнем.

Я тоже посмотрел в сторону леса:

– Да, наверное. Но нам все равно надо это сделать.

Я надел рюкзак и пошатнулся под его весом (пройдут дни, прежде чем я смогу это сделать хоть с какой-то грацией), затянул ремень и пошел к лесу. На опушке я обернулся, чтобы убедиться, что Кац идет за мной. Потом снова посмотрел вперед. Передо мной стояли бесконечные голые деревья. Я решительно шагнул на тропу, являвшуюся остатком изначальной Аппалачской тропы, которая шла от горы Оглторп до Спрингера.

Было девятое марта. Мы вышли на дорогу.

Дорога вела в поросшую деревьями долину. По ней рядом с тропой примерно полмили тек бурлящий ручей, окаймленный льдом. Миновав долину, мы попали в густой лес. Это было, что вскоре стало очевидно, подножие первого большого холма – Морозной горы. И мы сразу почувствовали, что она морозная. Солнце сияло, небо голубело, но все на уровне земли было коричневым – коричневые деревья, коричневая земля, замерзшие коричневые листья, и холод, кажется, тоже коричневый, игнорировать который не получалось. Я прошел примерно сто футов вверх по холму, потом остановился, выпучив глаза и тяжело дыша. Сердце билось просто невероятно. Кац уже отстал и дышал еще тяжелее меня. Я поднажал.

Это был ад. Впрочем, неудивительно. Первые дни похода всегда такие. Я был абсолютно, просто совершенно не в форме. Рюкзак весил слишком много, слишком. И я вдруг подумал, что никогда до этого не делал ничего, к чему я был настолько плохо готов. Каждый шаг давался мне с трудом.

Самым тяжелым было признать то, что за этим холмом будет еще один холм. Ведь когда стоишь на холме, ты не можешь видеть, что будет дальше. За завесой деревьев, смотря только на ползущую вверх тропу, обращая внимание только на то, насколько ты устал, начинаешь терять ощущение пройденного расстояния. Каждый раз, когда выходишь на что-то, что, как тебе казалось, точно должно быть хребтом, выясняешь, что впереди еще холм, а за холмом – еще один, а за ним – еще и еще. И за каждым

последующим находятся еще холмы, хотя тебе кажется, что такое количество холмов просто невозможно. Наконец ты достигаешь высоты, с которой видно вершины самых высоких деревьев. За ними – только чистое небо. И твой ослабевший дух взмывает к небесам: мы уже почти на месте! Но, увы, это самообман. Ускользящая вершина отдалается от тебя вне зависимости от расстояния, которое ты проходишь. Так что каждый раз, когда кроны деревьев расступаются и можно увидеть, что ждет тебя дальше, ты видишь, что самые верхние деревья так же далеки и так же недостижимы, как и прежде. Но ты все равно идешь. Да и что еще ты можешь сделать?

Когда после долгого-долгого пути ты наконец добираешься до настоящего высоких мест, где холодный воздух пахнет соснами, а растения малы, жестки и прижаты к земле от ветра, тебе, увы, уже все равно. Ты ложишься лицом вниз на гнейс (это такая горная порода, состоящая в основном из кварца), тебя прижимает к камню огромный рюкзак, и ты лежишь так несколько минут, очень отстраненно размышляя, что ты никогда раньше не смотрел так близко на лишайники, да и вообще ни на что так близко в природе не смотрел. Разве что, когда тебе было четыре и у тебя было увеличительное стекло. Наконец ты глубоко вздыхаешь, переворачиваешься, вылезает из лямок рюкзака, поднимаешься на ноги и понимаешь – снова отстраненно, словно издавек, – что вид вокруг просто невероятный: безграничные горы, покрытые деревьями, где нет признаков человеческой жизни, растянулись до горизонта и дальше. Это и правда рай. Это великолепно. Но вот беда: одна только мысль о том, что все это придется пройти, пугает, а еще больше пугает то, что это лишь малая часть того, что надо пройти.

Ты сравниваешь карту с тем, что видишь, и понимаешь, что тропа внизу спускается в долину, даже скорее в ущелье, похожее на те ущелья, где все время бегал койот из мультиков. У этого ущелья есть настоящая точка схода и крайний предел. И тропа, по которой ты идешь, приведет к холму еще более крутому и впечатляющему, чем этот. И только в эту минуту ты понимаешь, что с завтрака ты прошел 2,7 км, а расписание (наспех набросанное почти без размышлений на кухонном столе) требует 14,3 км к ланчу, 27 км – к чаю, и еще больше назавтра.

Но, возможно, еще идет дождь. Холодный, жалящий, безжалостный дождь, с громом и молниями, пляшущими на соседних холмах. Возможно, тебе холодно и голодно, и ты пахнешь так плохо, что уже не можешь выносить свой собственный запах. Возможно, ты хочешь лечь и быть таким, как лишайник – не мертвым, но недвижимым, – до окончания

времен.

Но пока все это, конечно, было впереди. Сегодня мне надо было всего-то пересечь четыре горы, пройдя 11 км по хорошо видной тропе в сухую и ясную погоду. Казалось, что тут и говорить не о чем. Однако на самом деле это был ад.

Я не знаю, когда потерял Каца, но это произошло в первые пару часов нашего похода. Сначала я поджидал его, слушая, как тот, проклиная каждый шаг, останавливается, три-четыре раза передвинув ноги, чтобы вытереть лоб и мрачно посмотреть в ближайшее будущее. На него было больно смотреть. В итоге я стал дожидаться, пока он просто появится в поле зрения, чтобы убедиться, что он все еще тут, а не упал на дорогу в агонии и не сбросил с отвращением рюкзак, решив вернуться домой с помощью Уэса Уиссона. Каждый раз, когда я так делал, он появлялся из-за деревьев, тяжело дыша, невероятно медленно двигаясь и разговаривая с самим собой громким голосом. На середине третьего подъема на Черную гору (ее высота составляла примерно километр) я остановился, чтобы снова подождать его, но так и не дождался, хотя сначала даже подумал о том, чтобы вернуться за ним, но все-таки плюнул на все и пополз дальше. Мне хватало своих проблем.

Одиннадцать километров кажутся небольшим расстоянием, но поверьте мне, это не так. Даже для физически сильных людей такое расстояние с рюкзаком станет гораздо длиннее. Вы понимаете, каково это, когда попадаете в зоопарк или в парк развлечений с маленьким ребенком, который и шагу больше ступить не может. Вы сажаете его на плечи и недолгое время (пару минут) вам даже весело, особенно когда вы притворяетесь, что сбросите его или разобьете его голову о какую-нибудь низкую притолоку, но в последний момент успеваете увернуться. Но потом вам становится неудобно. Вы чувствуете напряжение в шее, боль в плечах. И эти ощущения распространяются до тех пор, пока вам не станет совсем плохо, и тогда вы говорите маленькому Джимми, что ему пора ненадолго слезть.

Конечно, Джимми ноет и идти не хочет, и ваша дама бросает на вас взгляд из серии «я-должна-была-выйти-замуж-за-квотербека», потому что вы не прошли и четырехсот метров. Но знаете, это больно! И поверьте, я вас понимаю.

Теперь представьте двух маленьких Джимми в рюкзаке у вас за спиной, а лучше что-то неповоротливое и тяжелое, что-то такое, что не хочет, чтобы его поднимали, и это становится ясно, как только вы поднимаете это что-то – например, мешок цемента или коробку

медицинских справочников, то есть примерно 18 кг жуткой тяжести. Представьте, как эта тяжесть клонит вас к земле. Представьте, как вы идете с ней часы, дни, и не по асфальтовой дорожке со скамейками и палатками, а по тропе, полной острых камней, торчащих корней и подъемов, которые добавляют болезненных ощущений вашим изнемогающим ногам. Теперь поднимите голову (пожалуйста, это последняя вещь, которую я у вас сегодня попрошу), пока шея не изогнется под острым углом, и зафиксируйте взгляд в точке в двух милях от вас. Это ваш первый подъем. До вершины осталось полтора крутых километра, а потом еще очень много этих самых км. Представили? И не говорите мне, что 11 километров – это мало.

А, и вот еще что. Вам не нужно делать это. Вы не в армии. Вы можете уйти прямо сейчас. Поэтому езжайте домой, где вы встретитесь с семьей и будете спать в собственной кровати. Сделайте это прямо сейчас. В ином случае вам, бедному мрачному уроду, придется 3500 км переться по горам и лесам к Мэну.

Так я топал многие часы в моем частном аду усталости, вверх-вниз по холмам, через бесконечный лес, все время думая: «Вот сейчас-то я уже, наверное, прошел 11 км». Но каждый раз тропа шла дальше.

В половине четвертого я поднялся по нескольким гранитным ступеням и понял, что нахожусь на просторной каменной площадке – на самой вершине горы Спрингер. Я сбросил рюкзак, сел и прислонился к дереву, удивленный степенью усталости. Вид был невероятным. Меня просто заморозили перевалы Кохуттских гор, окрашенных в цвет сигаретного дыма, убегающие далеко за горизонт. Я отдыхал минут десять, потом встал и осмотрелся. К булыжнику была прикручена бронзовая табличка, обозначающая начало Аппалачской тропы. Там же была стойка с ручкой «Бик» на веревочке и обычная тетрадка, страницы которой покоробились от влажности. Тетрадка была нужна для записи начала пути (я думал, она будет кожаной и пафосной), и она была забита записями, большинство из которых были сделаны рукой молодых людей. Записи заполняли примерно 25 страниц (это с первого января), а восемь из них были сделаны сегодня. Большинство записей отличалось бодростью и оптимизмом: «Второе марта. Вот мы тут, и черт, как же холодно! Увидимся на Катадин! Джейми и Спад». Но примерно треть из них были длинными и задумчивыми, со смыслом между строк: «Вот я наконец на Спрингере. Я не знаю, что дальше, но моя вера в Бога сильна, и я знаю, что моя семья любит и поддерживает меня. Мама и Поки – это путешествие для вас», и так далее.

Я прождал Каца чуть меньше часа, а потом пошел его искать.

Начинало темнеть, становилось все холоднее. Я шел и шел вниз по склону через чащу, снова туда, куда, как я думал, никогда не вернусь. Несколько раз я выкрикивал его имя и слушал, но ничего не слышал. Я шел дальше и дальше, переползал через поваленные деревья, те самые, через которые перелезал несколько часов назад, вниз по склонам, которые едва помнил. Наконец после поворота я увидел Каца, взъерошенного, без одной перчатки, в почти истерическом состоянии.

Он не мог ничего связно рассказать, потому что был чертовски зол, но я видел, что он вышвырнул кучу предметов из рюкзака в припадке ярости. Теперь с рюкзака ничего не свисало – даже бутылка воды исчезла.

– Что ты выкинул? – спросил я, стараясь не нервничать.

– Всякое тяжеленное дерьмо, вот что. Пепперони, рис, тростниковый сахар, ветчину... Не знаю, что еще. Кучу всего. Всякое говнище.

Кац был почти в обмороке от злобы. Он вел себя так, словно тропа его предала. Это было не то, чего он ожидал. По крайней мере, мне так показалось.

Я увидел ниже по склону его перчатку и пошел за ней.

– Ну, – сказал я вернувшись, – идти осталось совсем недалеко.

– Сколько?

– Может, с километр.

– Срань Господня, – сказал он горько.

– Я возьму твой рюкзак. – Я поднял его на плечи. Он, конечно, не был пуст, но стал намного легче. Бог знает, что он выкинул.

Мы поднялись на холм в сгущающейся тьме. В сотне метров вниз по склону, на большой поляне под деревьями, находилась площадка для палаток с деревянным укрытием. Там было много людей, больше, чем я ожидал в это время года. Укрытие представляло собой стандартный трехстенок с крышей-скатом. Оно было заполнено. А вокруг него стояла дюжина или около того палаток. Почти везде горели газовые горелки, пахло едой и ходили люди.

Для нас я нашел место на краю поляны, почти в лесу.

– Я не знаю, как ставить палатку, – сказал Кац.

– Я поставлю, – ответил я, подумав про себя, что приобрел в напарники огромного безответственного младенца. Внезапно я ощутил ужасную усталость.

Кац сел на бревно и смотрел, как я ставлю палатку. Когда я закончил, он взял спальник, коврик и заполз внутрь. Я занялся своей палаткой, старался сделать ее уютнее. Когда я закончил работу и встал, то понял, что от него не слышно ни звука, ни шороха.

- Ты что, спишь? – потрясенно спросил я.
- Мммгм, – ответил он утвердительным ворчанием.
- Без ужина?
- Мммммгм.

Я ошеломленно замер на минуту, но уже слишком устал, чтобы негодовать. И слишком устал, чтобы есть. Я заполз в палатку, взял воду и книгу, вытащил нож и фонарик для ночной подсветки и самозащиты и наконец залез в спальник, благодаря всех, кого только можно, за горизонтальное положение. Я заснул за минуту. Не верю, что когда-нибудь еще спал так же прекрасно.

* * *

Когда я проснулся, был уже день. Внутри вся моя палатка была покрыта инеем. Как я понял через секунду, это произошло, потому что мое дыхание сконденсировалось, замерзло и осталось на ткани, как фотоальбом дыхательных воспоминаний. Вода замерзла напрочь. Это казалось очень мужественным, и я смотрел на бутылку с таким интересом, словно это был редкий минерал. Внутри спальника было уютно и тепло, и не надо было никуда бежать и лезть вверх по холмам, поэтому я лежал так, словно кто-то приказал мне не двигаться. Через какое-то время я услышал, что Кац шуршит снаружи и тихо бормочет что-то, словно от боли, и над чем-то колдует.

Через пару минут он подошел к палатке и остановился – я видел его темную тень на ткани. Он не спросил, проснулся ли я, а просто сказал:

- Вчера вечером я вел себя как полный придурок, да?
- Да, Стивен.

Он секунду помолчал:

- Я готовлю кофе. – Я подумал, что это его способ извиниться:
- Очень мило.
- Тут зверски холодно.
- И тут.
- У меня вода замерзла.
- И у меня тоже.

Я выпутался из моего нейлонового кокона и встал на ноги. Очень странно и очень ново было стоять на улице в одних подштанниках. Кац суетился над походной кухней и кипятил воду. Казалось, что мы были единственными, кто не спал. Было холодно, но, наверное, теплее, чем

вчера, да и встающее солнце выглядело многообещающе.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кац.

Я согнул ноги:

– Да нормально.

– И я.

Он налил воду в фильтр:

– Сегодня я буду хорошим, – пообещал он.

– Ладно. – Я посмотрел через его плечо. – Есть причина, по которой ты фильтруешь кофе через туалетную бумагу?

– М-м-м-м, я выкинул бумагу для фильтров.

Я издал звук, не сильно похожий на смешок:

– Они же весили каких-нибудь десять грамм.

– Ну да, но их было очень приятно выкидывать. Разлетелись по склону. – Он налил еще воды. – Туалетная бумага тоже ничего.

Мы смотрели, как кофе течет в кружки, и чувствовали себя очень гордыми. Наш первый завтрак на природе. Он передал мне чашку. Там плавала земля и маленькие кусочки туалетной бумаги, но зато этот кофе был обжигающе горячим, что было в этот момент важнее всего.

Он посмотрел на меня, словно извиняясь:

– Я выкинул тростниковый сахар, так что сахара для овсянки нет.

– Хм. Да и овсянки для овсянки нет, я оставил ее в Нью-Гэмпшире.

Кац посмотрел на меня снова и добавил:

– Правда? Я люблю овсянку.

– А сыр есть?

Он покачал головой.

– Выкинул.

– Арахис?

– Выкинул.

– Ветчина?

– Выкинул.

Это уже звучало пугающе.

– А колбаса?

– Я съел ее в Амикалоле, – сказал он так, словно это было недели назад, а потом добавил, как будто в чем-то признаваясь: – Меня устроит чашка кофе и пара печенек.

Я скривился.

– Печеньки я тоже оставил.

Лицо Каца вытянулось.

– Оставил печеньки?

Я кивнул, извиняясь.

– Все?

Я снова кивнул.

Он тяжело выдохнул. Это и правда было серьезным ударом по его чувствам и душевному равновесию. И тут мы поняли, что нужно провести инвентаризацию. Мы расчистили место на земле и вывалили в одну кучу все имеющиеся у нас продукты. Их оказалось очень мало: лапша, пакет риса, изюм, кофе, соль, шоколадки. Туалетная бумага. И все.

Мы позавтракали «Сникерсами» и кофе, свернулись, надели рюкзаки и пошли.

– Не могу поверить, что ты оставил печенье, – сказал Кац и немедленно начал отставать.

Глава IV

Нежданный спутник

Лес не похож на любое другое пространство. Для начала, леса похожи на кубы. Деревья окружают вас, склоняются над вами, прижимают со всех сторон. Деревья не дают увидеть, что за ними, вы путаетесь и начинаете вести себя иначе. Вы чувствуете себя маленьким и уязвимым, как ребенок, заблудившийся среди чужих ног. Если вы стоите в пустыне или в степи, то знаете и видите, что вокруг вас много пространства. Если вы стоите среди леса, то лишь чувствуете это. Деревья образуют просторное безличное ничто. И они живые.

Леса злоещи. Помимо мысли о том, что в них могут скрываться дикие животные и вооруженные, психически нездоровые парни по имени Зик и Фестус, есть что-то еще более жуткое-что-то, что заставляет вас чувствовать с каждым шагом приближение конца, ощущать себя не в своей тарелке и, соответственно, быть начеку. Хотя вы и говорите себе, что это бред, мысли о том, что за вами кто-то следит, не исчезают. Вы приказываете себе быть спокойным, ведь, в конце-то концов, это просто лес. Но на самом деле вы взвинчены сильнее, чем револьвер с взведенным курком. Каждый неожиданный шорох, будь то треск падающей ветки или шум продирающегося через чащу оленя, заставляет вас вздрогнуть и возопить о спасении. Что бы внутри вас ни было ответственно за адреналин, эта штука никогда не работала так гладко и быстро, как сейчас. В лесу она всегда готова выбросить в кровь бодрящий заряд адреналина. Даже когда спите, вы напряжены, как пружина.

Американские леса вот уже триста лет лишают людей мужества. Невероятно педантичный, нудный и общеизвестный писатель и натуралист Генри Дейвид Торо считал, что природа удивительна, удивительна во всех проявлениях, пока ходил только по городу за пирогами и ячменным пивом, но когда попал в настоящий лес во время посещения горы Катадин в 1846 году, он был потрясен до мозга костей. Это был не одомашненный мир огромных орхидей и залитых солнцем тропинок, которые считались лесом в Конкорде в штате Массачусетс, а запретный, давящий, доисторический мир, который был «суров и дик... мрачен и сер» и подходил только для «людей, больше похожих на камни и диких животных, чем на нас». Такой опыт заставил его ощутить, по словам одного биографа, «почти истерику».

Но даже люди куда более суровые и знающие, чем Торо, были выбиты из колеи странной и ощутимой угрозой леса. Дэниэл Бун, знаменитый первопроходец из всеми любимого старого доброго вестерна, который не только боролся с медведями, но и пытался встречаться с их индейскими сестрами, описывал уголки южных Аппалачей как «настолько дикие и жуткие, что на них нельзя смотреть без ужаса». Если даже Дэниэл Бун чувствовал себя здесь не в своей тарелке, то вы понимаете, что и вам пришло время поостеречься.

Когда в Новый Мир прибыли первые европейцы, тут росло около 950 млн акров леса, которые потом станут континентальными штатами Америки. Национальный Лес Чаттахучи, через который мы с Кацем сейчас пробирались, был частью густого нетронутого лесного покрова от южной Алабамы до Канады и далее, и от берегов Атлантики до далеких берегов реки Миссури.

Ныне большая часть этих лесов исчезла, но даже то, что осталось, впечатляет сильнее, чем вы могли бы подумать. Чаттахучи – это часть шести тысяч квадратных миль леса федерального значения, который простирается до Грейт-Смоки-Маунтинс и дальше и присутствует на территории четырех штатов. На карте США это выглядит всего лишь как маленький мазок зеленого, но если идти пешком, то размер этого леса огромен. До того как мы с Кацем перейдем дорогу, оставалось четыре дня, а до входа в город – восемь.

Деваться нам было некуда. Поэтому мы шли. Мы шли по горам и долинам, по одиноким грядам с видом на другие гряды, по травянистым полянам и по каменистым, извилистым, опасным спускам; шли километр за километром по темным, глубоким, тихим лесам, по тропе шириной в 20 см, отмеченной прямоугольными белыми метками (4 см в ширину, 12 в длину), развешанными на серых деревьях. Мы шли.

Если сравнить Америку с остальными развитыми странами, то выяснится, что тут очень много лесов. Одна треть континентальных штатов покрыта деревьями – всего 728 млн акров отличнейшего леса. Только в одном Мэне можно насчитать 10 млн необитаемых акров. Это 40 с половиной тысяч кв. км земель (что немногим больше Бельгии) без единого постоянного жителя. Чтобы стало совсем ясно, скажу, что всего в США считаются застроенными два процента территории.

Около 240 млн акров американских лесов принадлежат правительству. Основная их часть, а именно 191 млн акров, принадлежит Службе охраны лесов (СОЛ) США с разделением на зоны национальных лесов, национальных полей и национальных заповедников. Все это звучит очень

мило и экологично, но на самом деле большая часть этой земли предназначена для многоцелевого использования, что позволяет рыть шахты, добывать газ и нефть, кататься на сноумобилях, создавать лыжные курорты – 137 штук, строить дома, кататься на внедорожниках и прочая, прочая, прочая. Короче, делать все, что кажется совершенно несовместимым с нетронутостью лесов.

СОЛ США – это удивительное учреждение. Около века назад оно было организовано в качестве банка деревьев, как постоянное хранилище американских лесов, потому что именно тогда люди начали переживать по поводу их уничтожения. Организация создавалась с целью защиты этого природного ресурса в интересах всего народа. Леса не должны были становиться парками. Частным компаниям предлагали возможность добывать минералы и вывозить древесину, но они должны были это делать под строгим контролем.

Таков был план. В итоге основное, что делала СОЛ, так это строила дороги. Я не шучу. В американских национальных лесах около 608 330 км дорог. Вам может показаться, что это число не имеет никакого смысла, но посмотрите с другой стороны – это в восемь раз больше, чем длина дорог между штатами. Это самая большая система дорог, находящаяся под контролем одной организации во всем мире. В СОЛ в два раза больше дорожных инженеров, чем в любой другой организации на планете. Но сказать, что эти ребята любят строить дороги, означает оскорбить их преданность. При этом покажите им любые деревья, они посмотрят на них, подумают и скажут: «Знаете, мы можем проложить тут дорогу». К середине следующего века СОЛ собирается построить еще 933 тысячи км дополнительных дорог.

Причина, по которой СОЛ строит эти дороги, не говоря о глубоком удовольствии от шума в самом сердце леса, заключается в том, что частным компаниям по обработке древесины надо как-то добираться до деревьев. Среди всех 150 млн акров леса, принадлежащего СОЛ, около двух третей хранятся на будущее. Оставшаяся треть, то есть 49 млн акров, или кусок земли размером с два Огайо, доступна для вырубki. Тут можно вырубить огромное количество деревьев, включая (просто привожу пример) 209 акров тысячелетних секвой в Орегонском национальном лесу Умпква.

В 1987 году организация объявила, что разрешит частным компаниям уничтожать сотни гектаров леса в год в древнем и зеленом лесу «Писга», который находится совсем рядом с национальным парком Грейт-Смоки-Маунтинс, и что 80 % этой вырубki будет представлять собой чистое

уничтожение, но называться это будет не как-нибудь, а «научное лесничество». Считаю, что это не только визуальный урон лесам, но и большой удар по почве, из которой вымываются полезные вещества, уничтожая в итоге среду обитания животных и растений на многие километры вокруг. Это не наука. Это насилие.

Однако Служба охраны лесов не останавливается. К концу восьмидесятых годов прошлого века (это так невероятно, что мне и думать об этом страшно) СОЛ осталась единственным активным игроком в американской деревообрабатывающей индустрии, который уничтожал деревья быстрее, чем высаживал. Мало того, она делала это невероятно неэффективно. Целых 80 % сделок оказывались невыгодными. И организация просто теряла на них деньги – иногда большие. Например, однажды СОЛ продала столетние скрученные широкохвойные сосны из национального леса Тарги в Айдахо примерно за два доллара, потратив при этом по четыре доллара за дерево, исследуя землю, подписывая контракты и, конечно, строя дороги. С 1989 по 1997 год компания теряла примерно по 242 млн долларов в год, то есть всего около 2 млрд долларов, согласно информации от Общества дикой природы. Это так печально, что стоит просто оставить данную тему и вернуться к двум нашим одиноким героям, которые все еще пробираются через затерянный мир Чаттахучи.

В 1890 году железнодорожник из Цинциннати по имени Генри С. Бэгли приехал в эту часть Джорджии, увидел величавые белые сосны и тополя и был так тронут их красотой, что решил все вырубить. Сосны стоили очень много денег. Кроме того, перевозка древесины на север позволила бы поддерживать работу железной дороги. Впоследствии за три десятка лет почти все холмы северной Джорджии превратились в солнечные пнистые рощи. К 1920 году лесники на Юге увозили в виде досок около 15,4 млрд футов древесины в год. Только в тридцатых годах прошлого века, когда был официально основан национальный лес «Чаттахучи», природа снова смогла заявить о своих правах. Так что лес, по которому мы шли, был лишь растущим подростком.

В несезон в лесу у вас возникает какое-то странное ощущение замершего насилия. Каждая прогалина и долина кажутся местами, где только что произошел огромный катаклизм. Упавшие деревья встречаются у вас на пути каждые 40 или 50 метров, часто на их корнях вы обнаруживаете еще оставшуюся землю. Множество деревьев гниет на склонах, и каждое третье или четвертое дерево наклоняется над соседом. Кажется, словно они хотят упасть как можно быстрее, как будто целью их жизни было вырасти как можно выше и потом рухнуть со знатным

грохотом. Я всегда очень осторожно подходил к склонившимся над тропой деревьям. Сначала колебался, потом быстро пробежал под ними, и каждый раз боялся того, что мне очень не повезет, и тогда Кац, который придет на это место через несколько минут, увидит мои дергающиеся ноги и скажет: «Мать твою, Брайсон, что ты там делаешь?» Но ни одно дерево на меня не упало. Везде все было спокойно и слишком уж тихо. Не считая редкого бормотания бегущей воды и шороха листьев на ветру, не было слышно ни звука.

Лес был тих, потому что весна еще не пришла. В обычный год мы бы шли через бурлящие щедроты южной горной весны, через цветущий новорожденный мир, наполненный жужжанием насекомых и щебетом птиц; мир, взрывающийся свежим воздухом и богатым, густым запахом хлорофилла, который чувствуешь, продираясь через низко нависшие ветки. Надо всем этим были бы яркие огромные цветы, распустившиеся на каждой ветке, прорастающие через богатую лесную почву, ковром покрывающие каждую солнечную поляну и берег реки. Мы бы смогли увидеть триллиум и ползучую эпигею, клубочковую дицентру, аризему, мандрагору, фиалку, василек, лютик, лапчатку, ирис, водосбор, кислицу и прочие радостные цветочные чудеса в огромных количествах. В Южных Аппалачах произрастает около полутора тысяч видов диких цветов, а в лесах северной Джорджии – целых сорок редких видов. Такое зрелище развеселит даже очень мрачного человека. Но вместо этого мы шли через холодный и бесшумный мир голых деревьев, под оловянными небесами, по земле стального цвета.

Вскоре мы выработали некое расписание. Каждое утро мы вставали с первыми лучами солнца, дрожа и растирая руки, варили кофе, собирали лагерь, съедали пару горстей изюма и отправлялись в тихие леса. Мы шли примерно с половины восьмого до четырех. Мы очень редко шли вместе, потому что у нас просто не совпадал темп, но каждые пару часов я садился на бревно (всегда проверив окружающую действительность на предмет медведя или кабана) и ждал Каца, чтобы выяснить, все ли с ним в порядке. Иногда мимо проходили другие походники, которые говорили, где был Кац и как у него дела – обычно он шел медленно, но храбро. Моему спутнику идти было труднее, чем мне. И я уважал его хотя бы за то, что он пытался не бубнить. Я ни на секунду не забывал, что ему тут вообще ничего не надо.

Я думал, что мы все время будем идти в толпе людей, но на самом деле путешественников было мало – три студента из университета Нью-Джерси, пара пожилых людей в отличной форме, направлявшихся на свадьбу дочери

в Вирджинию, неуклюжий парень из Флориды по имени Джонатан. Короче, к северу направлялось примерно два десятка человек. В силу того, что все шли с разной скоростью и отдыхали в разных местах, три или четыре раза в день ты встречал уже знакомых тебе людей – особенно на вершинах гор с панорамными видами или у рек с хорошей водой, ну и, конечно, в деревянных укрытиях, которые располагались далеко друг от друга, обычно на полянках в дне пути совсем рядом с тропой. В итоге ты хотя бы чуть-чуть был знаком со всеми туристами, и хорошо знаком – если встречался с ними по ночам в укрытиях. Ты становился частью неформального общества, неких слабых, но ощутимых уз между людьми разного возраста и положения, но находящихся в одинаковом состоянии и испытывающих одни и те же неудобства, видящих те же красоты, желавших одного и того же.

Даже в популярное для походов время лес является отличным местом для одиночества, и я находил это одиночество, не видя ни души многие часы, когда долго-долго ждал Каца, а мимо меня никто не проходил. Когда это случалось, я оставлял рюкзак и шел его искать, чтобы проверить, как он. И ему это было приятно. Иногда при этом он гордо нес палку, которую я забыл у дерева, когда остановился завязать шнурки или подогнать рюкзак. Мы следили друг за другом. Это было мило. Не могу сказать иначе.

Около четырех мы находили место для лагеря и раскидывали палатки. Кто-то шел набирать и фильтровать воду, кто-то готовил горячую лапшу. Иногда мы общались, но чаще всего сидели в дружелюбной тишине. К шести часам темень, холод и усталость загоняли нас в палатки. Кац засыпал немедленно. Я читал час или около того с помощью удивительно хорошего налобного фонарика, который, как фара от велосипеда, бросал четко очерченный круг света прямо на страницу. Я читал, пока плечам и рукам не становилось холодно, пока они не уставали от попыток поймать свет. Тогда я погружался во тьму и слушал ясные и отчетливые звуки ночного леса, вздохи и шепоты ветра и листьев, тяжелый скрежет сучьев, бесконечное бормотание и движение, похожие на шумы в больнице после того, как там выключили свет. Потом я наконец засыпал. Утром мы просыпались, дрожа, растирая руки и бессловесно жалуясь, упаковывали рюкзаки и снова углублялись в огромный лес.

На четвертый вечер мы нашли нового друга. Кац и я сидели на маленькой полянке около тропы с уже растянутыми палатками, ели лапшу, наслаждались тем, что можно просто сидеть, когда полненькая, очкастая девушка в красной куртке и с рюкзаком огромного размера вышла на нашу полянку. Она посмотрела на нас так, как смотрят люди, либо постоянно

находящиеся в замешательстве, либо те, кто плохо видит. Мы поприветствовали друг друга, обменялись мнением о погоде и о том, где мы находимся. Затем она посмотрела на сгущающиеся сумерки и объявила, что поставит палатку рядом с нами.

Ее звали Мэри Эллен. Она была из Флориды, и, как Кац навсегда определил ее, используя особый, благоговейный тон, она была произведением искусства. Она говорила не останавливаясь, кроме тех моментов, когда прочищала евстахиевы трубы, что делала часто, защемляя себе нос и выдувая воздух через закрытые ноздри с такой силой, что любой пес, даже самый храбрый, выскочил бы от страха из-под дивана и спрятался бы под столом в другой комнате. Я давно знал, что часть божественного плана заключается в том, что в своей жизни я должен провести немного времени с самыми глупыми людьми в мире, и Мэри Эллен стала доказательством того, что даже в Аппалачах я от этого не избавлен. С самой первой секунды стало понятно, что она настоящая редкость.

– Что едим? – спросила девушка, присаживаясь на свободное полено и подняв голову, чтобы заглянуть нам в миски: – Лапшу? Глупо. В лапше ваще никакой энергии нет. Типа совсем. – И она прочистила ухо: – Это палатка Starship?

Я посмотрел на свою палатку:

– Не знаю.

– Глупо. Наверное, они тебе в магазине мозги запудрили. Сколько заплатил?

– Не знаю.

– Слишком много, вот сколько. Надо было брать всепогодную палатку.

– Это и есть всепогодная палатка.

– Прости уж за такие слова, но это типа дико тупо приходить сюда в марте без всепогодной палатки. – И она снова прочистила уши.

– Это всепогодная палатка.

– Хорошо, что ты пока не замерз. Надо тебе вернуться обратно и дать в рыло парню, который тебе ее продал, потому что он ну как бы вообще на тебя забил.

– Поверь мне, это всепогодная палатка.

Она опять прочистила уши и потрясла головой:

– Вот всепогодная палатка. – И она показала на палатку Каца.

– Это абсолютно такая же палатка.

Она снова на нее посмотрела:

– Пофиг. Сколько километров сегодня вы прошли?

– Примерно шестнадцать.

На самом деле мы прошли 13,6. Но мы еще поднимались на красивые скалы, включая высоченную вершину под названием Гора Проповедников, самую высокую после горы Спрингер. За этот подъем мы наградили себя дополнительными километрами – просто для того, чтобы поднять дух.

– Шестнадцать? И все? Вы, наверное, реально не в форме. Я сделала 22 км.

– А рот твой сколько прошел? – спросил Кац, подняв голову от лапши.

Она пригвоздила его к месту очень суровым взглядом:

– Столько же, сколько и я, конечно. – И она посмотрела на меня так, словно спрашивала: «Твой друг совсем странный или что с ним?» И снова прочистила уши: – Я начала от Гуч-Гэп.

– Как и мы. Это 13,6 км.

Она потрясла головой, как будто отгоняя муху.

– Двадцать два.

– Нет, это правда всего 13,6 км.

– Извини, конечно, но я только что их прошла. Думаю, что я знаю, о чем говорю. – И потом безо всякого перехода: – Боже, это что, Тимберленды? Огромная глупость. Сколько ты за них заплатил?..

Так оно и продолжалось. В итоге я пошел помыть миски и повесить на дерево еду. А когда вернулся, она готовила себе ужин, но все равно разговаривала с Кацем.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – говорила она. – Пардон, конечно, но ты слишком жирный.

Кац посмотрел на нее в тихом изумлении:

– Прости, что?

– Ты слишком жирный. Надо было худеть перед походом. Ну там, в зал ходить, а то знаешь, сердечко-то и пошаливать может.

– Пошаливать?

– Ну, знаешь, оно типа останавливается, а ты типа умираешь.

– Ты про инфаркт?

– Ага.

Надо сказать, что сама Мэри Эллен тоже худышкой не была, и в тот момент совершенно зря обернулась, чтобы достать что-то из рюкзака, обнажив часть тела, на которой вы могли бы, к примеру, проецировать картинку для военной базы. Это была увлекательная проверка Каца на терпеливость. Он ничего не сказал, но пошел пописать и, проходя мимо меня, уголком рта произнес явное ругательство из трех слогов, голосом, похожим на гудок товарняка в ночи.

На следующий день, как всегда, мы проснулись замерзшими и стали делать наши обычные дела, но теперь каждое наше движение проверяли и оценивали. Пока мы ели изюм и пили кофе с туалетной бумагой, Мэри Эллен наслаждалась переменной блюд. У нее была овсянка, пирожные, сухофрукты с орехами и 12 маленьких квадратиков шоколада, которые она разложила на бревне. Как беженцы-сироты мы смотрели на то, как она набивает свой живот едой и одновременно объясняет наш рацион диетой, а также недостатком опыта и мужественности.

И вот теперь, уже втроем, мы отправились в лес. Иногда Мэри Эллен шла со мной, иногда – с Кацем, но всегда с кем-то из нас. Несмотря на все ее разговоры, было очевидно, что она была очень неопытной – не умела, например, читать карту, – и вообще, было непонятно, как она собиралась одна выжить в дикой природе. Я не мог не чувствовать к ней жалости. Кроме того, я даже начал находить от ее общества своеобразное удовольствие. Она использовала очень странный порядок слов и словосочетания. Могла, например, сказать: «Там вот поток реки». Или, например: «Сейчас около десяти дня часов». Как-то раз, рассказывая о зимах в центральной Флориде, она сообщила: «Морозы у нас обычно один или два раза за зиму, но в эту зиму у нас морозило пару раз». Кац, в свою очередь, был в ужасе от ее компании и содрогался от ее безустанных попыток ускорить его шаг.

Наконец погода стала к нам добрее. И хотя это было больше похоже на осень, чем на весну, но главное, что вокруг неожиданно как-то мягко потеплело. К десяти утра температура поднялась до плюс пятнадцати. Впервые со времени Амикалолы я снял куртку и внезапно понял, что мне абсолютно некуда ее класть. Я привязал куртку к рюкзаку и пошел дальше.

Мы прошли еще 6,5 км вверх, перевалив через Кровавую гору, высотой в 1135 м, то есть самую высокую и сложную вершину на пути по Джорджии, а потом начали крутой и удивительный трехкилометровый спуск к Нилс-Гэп, к месту под названием Уаласи-Йи Инн, где можно было (вот оно – счастье!) купить сэндвичи и мороженое. Примерно в половине второго мы услышали звук моторов, а уже через несколько минут вышли из леса на шоссе 19 и 129, которое, несмотря на целых два номера, было простой проселочной дорогой, бегущей среди древесной пустоты. Прямо через дорогу стоял Уаласи-Йи Инн. Это прекрасное каменное здание, созданное Гражданским корпусом охраны окружающей среды, чем-то типа армии безработных во времена Великой депрессии тридцатых годов XX века, а ныне – смесь магазина для путешественников, продуктового, книжного и хостела. Мы перешли дорогу, даже, скорее, ее перебежали – и

вошли внутрь.

Теперь мне кажется странным, что обычный тротуар, проезжающие мимо автомобили, да и просто здание могут казаться удивительными и незнакомыми всего после пяти дней, проведенных в лесу, но это так и было. Даже просто пройти внутрь, оказаться в здании со стенами и потолком было ново. А сам Уаласи-Йи Инн был в моих глазах – я даже не могу описать, насколько он был прекрасен. Там был один такой прозрачный холодильник, заполненный свежими сандвичами, газировкой, соком и штуками типа сыра. Мы с Кацем пялились на него целую вечность, совершенно завороченные. Я начинал понимать, что основная идея Аппалачской тропы – это депривация, что вся идея такого опыта – это максимальное удаление от повседневных удобств, чтобы потом вещи типа сыра или запотевших банок с газировкой наполнили вас удивлением и благодарностью. Это совершенно невероятный опыт – попробовать колу будто в первый раз и почти почувствовать оргазм от белого хлеба. Скажу честно: весь испытанный мной дискомфорт того стоил.

Мы с Кацем купили по два сандвича с яичным салатом, батончики, шоколадки и газировку, после чего сели за столиком снаружи, где пообедали с жадным чавканьем и восторгом, а потом вернулись обратно, смотреть на холодильник и желать еще. Уаласи-Йи Инн, как мы поняли, предлагал для путешественников за небольшую цену и всякие прочие удобства – стирку, душ, полотенца. И мы с радостью всем этим воспользовались. Душ был старым и разваливающимся, но из него текла горячая вода, и я никогда-никогда до этого не получал такого удовольствия от бритья. С невероятным удовлетворением я наблюдал, как пять дней грязи стекают по моим ногам прямо в сток, и с некоторой благодарностью к этому самому лесу и холмам заметил, что мое тело стало более подтянутым. Мы дважды загрузили стиральную машинку, вымыли всю посуду, купили и отправили открытки, позвонили домой и закупили свежей еды.

Уаласи-Йи Инн управлял англичанин по имени Джастин и его американская жена Пегги. Как-то получилось, что мы с ними разговорились. Пегги сказала, что с первого января тут побывали уже тысячи путешественников, хотя сезон еще даже не начался. Они были весьма дружелюбны, и мне показалось, что Пегги часто уговаривает людей остаться на пути. Только вчера молодой человек попросил их вызвать такси до Атланты. Пегги почти упростила его продолжить путешествие, хотя бы еще с неделю, но в итоге он все-таки сломался и тихим голосом попросил отпустить его домой.

Сам я понимал, что точно хочу продолжить. Ярко светило солнце. Я был чист и свеж. У нас была еда. Я поговорил с женой и знал, что все хорошо. Кроме того, я стал приходить в форму. Глядя на себя, я решил, что потерял уже около трех килограммов. Я был готов идти. Кац тоже сиял чистотой и выглядел стройнее.

Мы положили покупки в рюкзаки и одновременно радостно поняли, что нигде не видно Мэри Эллен. Я заглянул внутрь и спросил, видел ли кто ее.

– Мне кажется, она ушла около часа назад, – сказала Пегги.

Все было совсем хорошо.

Мы отправились в путь около четырех. Джастин сказал, что примерно в часе ходьбы находится прекрасный лужок. Тропа, по которой нам предстояло идти, сияла в лучах заходящего солнца – от деревьев на землю легли темные тени, а через долину были видны черные силуэты гор. Луг и правда оказался идеальным местом для лагеря. Мы поставили палатки и съели свои сандвичи, батончики и выпили газировку.

Затем с такой гордостью, словно сам их испек, я вытащил из рюкзака маленький сюрприз – два пакета капкейков.

Лицо Каца загорелось, как у мальчика в день рождения на картине Нормана Рокуэлла.

– Вау!

– Там не было Little Debbies, – извинился я.

– Эй, – сказал он, – эй...

Больше Кац ничего выдать из себя просто не смог. Он очень любил капкейки.

Мы разделили первые три, а последний оставили на бревне на попозже. Мы лежали, прислонившись к бревнам, рыгали, курили, чувствовали себя отдохнувшими и довольными, немного болтали, короче, делали все то, что я представлял себе еще перед походом. И тут Кац испустил печальный вздох. Я проследил за его взглядом и увидел, что Мэри Эллен торопится по тропе по направлению к нам.

– Было *чертовски* интересно узнать, куда вы, ребята, пропали, – с ходу заявила она. – Знаете, вы просто жутко медленные. Мы могли бы еще километров восемь пройти. Кажется, мне теперь придется за вами следить. Что это, капкейк?

И прежде чем я что-то успел сказать, прежде чем Кац схватил полено, чтобы шмякнуть ее по голове, она сказала:

– Я его съем, пожалуй, – и мгновенно сожрала в два укуса.

Прошло несколько дней, прежде чем Кац снова смог улыбнуться.

Глава V

Магия тропы

– Так кто ты по знаку зодиака? – спросила Мэри Эллен.

– Куннилингус, – ответил Кац, с абсолютно грустным видом.

Она посмотрела на него:

– Я такого не знаю, – потом нахмурилась и сказала: – Я думала, что знаю все. Я – Лев. – Она повернулась ко мне: – А ты?

– Не знаю, – сказал я, пытаясь что-то придумать. – Некрофилия.

– Такого я тоже не знаю. Слушаете, вы что, надо мной прикалываетесь?

– Ага.

Прошло два дня. Мы разбили палатки между двух задумчивых вершин на возвышенности, называемой Индиан Грейв. Одна из них будто пыталась вспомнить что-то, другая – отчаянно высмотреть.

Мы прошли 35 км за два дня – весьма достойное расстояние, особенно для нас, – но некоторая лень и чувство разочарования, своего рода горная усталость, одолели нас. Каждый день мы делали то же, что и за день до этого, и продолжали делать это на следующий день на таких же холмах, на протяжении той же извилистой тропы, через тот же бесконечный лес. Лес был такой густой, что мы практически ничего не могли рассмотреть, а когда нам это удавалось, то мы видели лишь бесконечные холмы, опять же покрытые деревьями. К своему сожалению, я заметил, что снова воняю и голоден как собака. И конечно, не стоит забывать о радости от постоянно болтающей и удивительно тупой Мэри Эллен.

– Когда твой день рождения?

– Восьмого декабря.

– Это значит Дева.

– Нет, вообще-то это Стрелец.

– Да без разницы!

И потом резко:

– Черт, ребята, от вас так несет.

– Ну да, мы же шли.

– Вот я не потею. Никогда. Снов я тоже никогда не вижу.

– Все видят, – сказал Кац.

– А я вот нет.

– Видят все, кроме людей с крайне низким интеллектом. Это научный факт, – подытожил Кац.

Мэри Эллен выразительно посмотрела на него, затем внезапно, никому из нас специально не обращаясь, сказала:

– У тебя был сон, когда ты такой в школе, смотришь вниз и на тебе типа нет одежды? – Она аж передернулась. – Ненавижу его.

– Я думал, тебе не снятся сны, – сказал Кац.

Она уставилась на него, будто пытаюсь вспомнить, где видела его раньше.

– И когда падаешь, – невозмутимо продолжила она. – Его я тоже ненавижу. Вот когда ты типа проваливаешься в дыру и тупо падаешь и падаешь. – Она опять немного передернулась и начала шумно продувать уши.

Кац смотрел на нее с легким интересом.

– Я знаю парня, который тоже так делал, и у него глаз вылетел, – сказал он.

Она взглянула на него с сомнением.

– Он прокатился через всю гостиную, и его собака съела его. Верно, Брайсон?

Я кивнул.

– Да ты все выдумываешь.

– Нет, он прокатился через гостиную, и, прежде чем кто-либо сумел что-то сделать, собака его проглотила.

Я подтвердил его слова еще одним кивком.

Она задумалась на минуту:

– И что ваш друг сделал с дырой в глазу? Он купил стеклянный глаз?

– Ну, понимаешь, его семья довольно бедная, ему пришлось просто взять мяч от пинг-понга и нарисовать на нем глаз.

– Фу, – тихо сказала Мэри Эллен.

– Я бы на твоём месте никогда больше не продувал уши.

Она опять задумалась.

– Да, может быть, ты и прав, – наконец ответила она и снова продула уши.

Однажды, когда мы с Кацем остались вдвоем, так как Мэри Эллен пошла пописать в кусты, мы успели заключить тайный договор, что завтра пройдем до места, которое называлось Дикс Грип Гэп, туда, где проходит дорога на Хайавасси, что в 17 км на север. Для начала нам надо перебраться через само ущелье (и не убится по дороге), а потом доехать автостопом до города, где можно было поужинать и переночевать в отеле.

По этому плану мы должны были просто убить Мэри Эллен и забрать ее печенью.

Итак, на следующий день мы поднимались все выше и выше, удивляя Мэри Эллен своей невероятной скоростью. Там, в вожделенном Хайавасси, нас ждал отель – чистые простыни, душ, цветной телевизор! И целая куча ресторанов. Казалось, нам не нужен был никакой иной стимул, чтобы оживить шаг. Но случилось, что Кац ослаб уже на первом часу, а ближе к обеду я тоже начал чувствовать усталость. И все же мы настойчиво продвигались вперед. Мэри Эллен шла все медленнее и медленнее. Наконец она оказалась где-то за спиной Каца и растворилась в пространстве. Это можно было назвать чудом в горах.

Так, примерно в четыре часа, измученный, перегревшийся, с ручейками пота и песка на лице, я вышел из леса к широкой автостраде номер 76. Она казалась своего рода асфальтовой рекой, бегущей среди леса. Я сразу же с радостью отметил, что дорога была широкой и имела значительный вид. Через пару километров у леса мы обнаружили съезд и полянку. Это была последняя точка, отделявшая дикую природу от цивилизации. Пока я осматривался, несколько машин уже успели проехать мимо меня.

Кац вывалился из леса через пару минут. Его волосы и взгляд выдавали в нем дикаря. Я стремительно начал толкать товарища на другую сторону дороги, несмотря на все его вопли о том, что ему надо СЕЙЧАС ЖЕ сесть. Я же упорно пытался успеть сесть в машину, прежде чем Мэри Эллен выйдет из леса и все испортит. Я не знал, как она может это сделать, но просто чувствовал, что ей это удастся.

– Ты ее видел? – спросил я у него с тревогой.

– Несколько миль назад. Она сидела на камне, сняв ботинки и потирая ноги. Она выглядела очень уставшей.

– Хорошо.

Он повалился на свой рюкзак, грязный и изнуренный. Я встал рядом на обочине дороги с выставленным вверх большим пальцем и попытался всем своим видом показать свою респектабельность и собранность. Я раздраженно цыкал на каждую проезжающую мимо машину или грузовик. Но, увы, это не срабатывало. До этого мне не приходилось стопить уже два с половиной десятка лет. Надо признать, это довольно унижительное занятие. Машины проносились мимо очень быстро, необыкновенно быстро, едва бросая взгляд на наш дикий вид поистине естественных людей.

Некоторые машины проезжали медленнее. В них всегда сидели

пожилые люди: мы видели их маленькие седые головы чуть выше линии окна. Они смотрели на нас с симпатией или с таким выражением, с каким смотрят на коров в поле. Казалось, никто не остановится. Я и сам бы не остановился.

– Нас никогда не подвезут, – разочарованно заявил Кац, после того как целых 15 минут машины отказывались остановиться.

Он, конечно, был прав, но меня всегда в нем раздражало то, как он быстро сдаётся.

– Ты можешь попробовать быть чуточку увереннее? – сказал я.

– О'кей, я уверен, что нас никогда не повезут. Да ты взгляни на нас, – и он с отвращением понюхал свои подмышки. – Боже, я пахну как холодильник Джеффри Деймера (серийный убийца).

Существует феномен магии тропы, о котором знают и говорят все, кто занимается пешим туризмом. Когда настают самые тяжелые времена, вдруг вам необыкновенно везет, вы словно садитесь на «райский самолет». Таким самолетом для нас стал светло-голубой Pontiac TransAm, который сначала пролетел мимо, затем скрипнул тормозами и остановился в облаке пыли примерно через сотню метров у обочины дороги. Это было так далеко от того места, где мы стояли, что мы и думать не могли, что машина остановилась ради нас. Затем она резко двинулась назад, при этом половина машины ехала по обочине, а другая – по дороге, быстро и немного свирепо. Я стоял как вкопанный. За день до этого пара бывалых туристов рассказывала, что иногда на юге водители специально сворачивают к автостопщикам, чтобы повеселиться, проехав по их рюкзакам. Я решил, что это наш случай. Я уже был готов бежать в укрытие, и даже Кац начал подниматься, когда машина резко остановилась прямо рядом с нами. В клубе пыли показалась женская головка, принадлежащая молодой и весьма симпатичной особе.

– Вас подвезти, ребятки? – прокричала она.

– Да, мадам. Нам бы очень этого хотелось, – сказали мы, пытаясь внушить доверие.

С рюкзаками наперевес мы поспешили к машине и склонились к окну, из которого на нас глядела очень красивая, счастливая и очень пьяная пара. На вид им было не больше восемнадцати. При этом девушка аккуратно наполняла два пластиковых стакана виски из бутылки Wild turkey, три четверти которой уже было выпито.

– Привет, – сказала она. – Запрыгивайте.

Мы замешкались. Практически вся машина была забита вещами: чемоданами, коробками, кучей черных полиэтиленовых пакетов, одеждой и

ковриками с вышивкой. Машина и сама по себе была маленькой, им самим едва хватало в ней места.

– Даррен, почему бы тебе не освободить местечко для этих джентльменов? – велела девушка и затем добавила: – Это, кстати, Даррен.

Даррен вышел, улыбнулся в знак приветствия, открыл дверь заднего сиденья и начал тупо смотреть, пока до него также не дошло, что машина полностью забита. Он был до того пьяный, что я на минуту подумал, что он сейчас уснет стоя, однако он собрался с силами и нашел какую-то веревку, которой крайне ловко примотал наши рюкзаки к крыше. Потом, несмотря на все настойчивые советы и инструкции от девушки, он разбросал по салону вещи, чем каким-то чудом сумел создать небольшую лауну, в которую мы с Кацем и забрались, попутно всяческим образом высказывая извинения и благодарности.

Ее звали Донной, и они направлялись в место с ужасающим названием Turkey Balls Falls или «Кун Слик», или что-то типа того. Это было в пятидесяти милях отсюда, но они с радостью согласились добросить нас до Хайавасси. Даррен ехал со скоростью 200 км в час, держа один палец на руле и качая головой в такт какой-то бесконечной песне. Она же повернулась назад, чтобы поговорить с нами. Она была потрясающе красива, чарующе красива.

– Вы уж нас извините. Мы празднуем, – и она подняла свой пластиковый стакан, словно чокаясь.

– Что вы празднуете? – спросил Кац.

– Мы завтра женимся, – с гордостью сообщила она.

– Серьезно? – сказал Кац. – Поздравляем.

– Ага, Даррен сделает из меня честную женщину.

Она взлохматила своему спутнику волосы, в порыве наклонилась и поцеловала. Сначала поцелуй был просто долгий, потом стал глубоким, затем откровенно страстным. Вдобавок она опустила руки в совсем неожиданное место (во всяком случае, мы так предположили), потому что Даррен резко ударился головой о крышу и отправил нас на короткий, но захватывающий тур по встречной полосе. После она повернулась к нам с туманным и плотоядным взглядом, словно спрашивая: «Ну, кто следующий?» Как мы чуть позже подумали, оно того стоило, ведь руки у Даррена были заняты.

– Эй, давайте выпьем! – внезапно предложила она, хватая бутылку за горлышко и оглядывая пол в поисках стаканов.

– О нет, спасибо, – сказал Кац, однако по нему было видно, что ей удалось его искутить.

– Брось! – подстрекала она.

Кац поднял руку:

– Я завязал.

– Да ты что? Поздравляю. Но за это нужно выпить!

– Нет, правда.

– А что насчет тебя? – сказала она мне.

– О нет, спасибо, – ответил я. Я все равно не мог освободить свои сдавленные руки, даже если бы и хотел выпить. Мне казалось, что я выгляжу как тираннозавр.

– Ты же не в завязке?

– Ну, типа того. Решился отказаться от алкоголя из чувства солидарности на какое-то время.

Она посмотрела на нас:

– Вы, ребята, что-то вроде мормонов?

– Нет, просто туристы.

Видимо, он ее убедил. Она понимающе кивнула и сделала глоток. Затем опять заставила Даррена подпрыгнуть.

Они высадили нас у Mull's Motel в Хайавасси. Старомодный, без изысков, явно не принадлежащий никакой из известных сетей, отель стоял на повороте дороги в центре города. Мы отчаянно их благодарили, даже пытались всучить им деньги за бензин, которые они категорически отвергли. Мы смотрели вслед их машине, вновь устремившейся с космической скоростью на оживленную автостраду. Могу поклясться, что видел, как Даррен опять ударился головой, пока они не исчезли за небольшим холмом.

Так мы остались вдвоем на запыленной парковке отеля в забытом вшивом городишке на севере Джорджии.

Слово, которое врезается в память каждому туристу на севере Джорджии – избавление. В 1974 году Джордж Дикки написал книгу с таким названием, а затем по ней был снят фильм. Как вы можете помнить, в книге четверо мужчин средних лет из Атланты попали в беду, решив на выходные отправиться на каноэ по вымышленной реке Каулоосси (которая является пародией на реально существующую реку Чаттуга). «В каждой семье, которую я здесь встречал, как минимум один родственник сидит в тюрьме, – зловеще отмечает один из героев, подъезжая к городу. – Часть из них находится там за производство и продажу алкоголя, но большинство – за убийство. Они тут вообще ничего такого не видят в убийствах». И конечно же, все кончается тем, что их сначала обманывает, потом преследует, ловит и убивает пара сумасшедших фермеров.

Но до всех этих событий герои останавливаются в сонном, чахлам и просто некрасивом городишке, чтобы узнать дорогу. Могу предположить, что он писался с Хайавасси, потому что действие книги точно происходит в этом штате, а съемки проходили где-то в этом районе. Вдобавок известные музыканты-альбиносы, играющие на банджо в этом фильме, вроде как все еще живут в Клайтоне, который находится где-то рядом.

После публикации книга Дикки, как вы могли догадаться, вызвала в этом штате бурю недовольства. Один критик назвал ее «самым оскорбительным описанием жителей южных гор в современной литературе», что, если уж на то пошло, было преуменьшением, так как, по правде говоря, все остальные американцы всегда побаивались жителей северной Джорджии, уж за последних лет 150 я ручаюсь. Один историк XIX века охарактеризовал обитателей местных земель как «высоких, худых, мертвенно-бледных и столь же меланхолично-ленивых, как вареная треска». Другие свободно использовали эпитеты типа «развращенные», «грубые», «дикие», «отсталые», чтобы описать отчужденный и невоспитанный народ, проживающий в глубине темных лесов Джорджии и в его замшелых городишках.

Дикки сам был из Джорджии и хорошо представлял эти места. Он клялся, что описания в его книге являются чистой правдой.

Возможно, под влиянием книги, возможно, просто из-за времени суток, а может быть, лишь от того, что мы отвыкли от пребывания в маленьких селеньях, Хайавасси показался нам странным и несколько тревожащим. Примерно таким местом, где ты совсем не удивишься тому, что бензин в твою машину заливает циклоп. Мы пошли на стойку регистрации, которая была больше похожа на старую гостиную, чем на деловое место. Там мы увидели даму в возрасте с яркими белыми волосами и одетую в столь же яркое хлопковое платье, сидящую на диване у двери. Она была рада нас видеть.

– Здравствуйте, – сказал я. – Нам нужна комната.

Она улыбнулась и кивнула.

– Вообще, лучше две, если у вас есть.

Женщина опять улыбнулась и кивнула. Я ждал, что она встанет, но она не двинулась с места.

– На сегодня, – настойчиво пояснил я. – У вас есть свободные номера?

Ее улыбка стала еще шире, она схватила меня за руку и крепко вцепилась в нее, да так, что я почувствовал холод ее костлявых рук. Она просто смотрела на меня жадно и пристально, будто думала или, скорее, надеялась, что я швырну свою палку, чтобы она ее поймала.

– Скажи ей, что мы из Реального Мира, – прошептал мне на ухо Кац.

В эту секунду дверь раскрылась и в залу, вытирая руки о передник, вошла еще одна женщина с седыми волосами.

– С ней говорить бессмысленно, – сказала она вполне дружелюбно. – Она ничего не знает, ничего не говорит. Мама, отпусти мужчине руку. – Мама улыбнулась. – Мама, *отпусти* мужчине руку.

Моя рука была освобождена, и мы заселились в два номера. Мы взяли ключи и договорились встретиться через полчаса. Моя комната выглядела примитивно и потрепано: ожоги от сигарет были на всех мыслимых и немыслимых поверхностях, включая дверные косяки и туалетное сиденье; пятна на обоях и потолке рисовали в уме картину отчаянной смертельной схватки с участием большого количества кофе, но она показалась мне настоящим раем. Я позвонил Кацу и узнал, что его номер был еще хуже. Мы были безумно счастливы.

Мы приняли душ, надели самую чистую одежду, что смогли найти, и нетерпеливо направились к популярному соседнему ресторанчику под названием «Горный ресторан Джорджии». Парковка перед ним была заставлена грузовиками, а сам ресторан наполнен крупными мужчинами в бейсболках. У меня возникло чувство, что если бы я крикнул: «Братан, тебе тут звонят», то привстали бы все и сразу. Не скажу, что еда в этом ресторанчике была настолько вкусной, что определенно стоила посещения. Она была не лучшей даже по меркам Хайавасси, однако она точно имела разумную цену. За 5,5 долларов каждый из нас получил, как они это называют, «мясо и 3» (цифра три означала количество овощей), а также салат и десерт. Я взял курицу, фасоль, жареный картофель, и то, что в меню значилось как «брюква». До этого я никогда ее не ел и не уверен, что попробую когда-либо еще. Мы ели шумно, с удовольствием, и много раз просили добавки чая со льдом. Конечно, ключевым моментом пиршества стал десерт. В походе все мечтают о чем-то вкусном, обычно о сладком. Меня, например, поддерживала мысль о гигантском куске пирога. Его образ буквально завладел моим сознанием, и когда официантка подошла взять заказ, я с умоляющим взглядом, держа ее за руку, попросил принести самый большой кусок, который она могла бы отрезать, без риска быть уволенной. Она принесла мне громадный, липкий треугольник ярко-желтого лимонного пирога. Это был памятник всей пищевой технологии! Достаточно желтый для того, чтобы у вас разболелась голова, и достаточно сладкий, чтобы у вас закатились глаза – короче, все, что вы бы хотели получить от пирога при условии, что вкус и качество не входили в ваши требования. Как только я набросился на него, Кац нарушил долгое

молчание, сказав с какой-то странной нервозностью:

– Знаешь, что я не могу перестать делать? Я не могу перестать всматриваться, не вошла ли сюда Мэри Эллен.

Я остановил полную блестящей и тягучей начинки вилку на полпути ко рту, взглянул на него и сперва не поверил своим глазам: его тарелка с десертом уже была пуста.

– Ты же не собираешься сказать, что скучаешь по ней, Стивен? – холодно спросил я, поднося пирог ко рту.

– Нет, – раздраженно ответил он, не оценив шутку. Он бессильно пытался отыскать слова, чтобы описать все свои смешанные чувства. – Мы же ее вроде как, сам знаешь, бросили, – наконец выпалил он.

Я задумался над таким обвинением.

– Вообще-то мы не вроде как бросили. Мы ее просто бросили. – Я совсем не разделял его чувств. – Ну и?

– Я просто как-то неловко себя чувствую... как-то неловко себя чувствую из-за того, что мы оставили ее одну в лесу. – И он скрестил руки, будто говоря: «Вот, я все сказал».

Я отложил вилку и задумался над его словами.

– Она сама пришла в лес одна, – сказал я. – Вообще-то мы не несем за нее ответственности, ты же понимаешь. То есть мы же не нанимались за ней следить.

Пока я это говорил, к своему ужасу, сам начал осознавать, что он прав. Мы бросили ее, оставили наедине с волками и медведями, им на потеху. Я был настолько поглощен своей дикой жадной едой и нормальной кровати, что даже не успел задуматься о том, что ей может сулить наш внезапный уход. А сулил он, как вы понимаете, ночь в одиночестве среди шелестящих листьями деревьев, темноту и постоянное желание прислушиваться, не скрипнет ли где веточка или палка под тяжелой ногой или лапой. Я бы никому такого не пожелал. Мой взгляд упал на пирог, и я понял, что больше не хочу его.

– Может, она нашла кого-то, с кем можно было продолжить путь? – неубедительно предположил я.

– Ты сегодня кого-нибудь видел?

Он был прав. За весь день мы не встретили ни души.

– Она, наверное, все еще идет, – сказал Кац неожиданно возбужденно, – недоумевая, куда мы, черт возьми, пропали.

– Ой, перестань, – практически взмолился я, встревоженно отодвинув пирог еще на полдюйма.

Он сочувствующе кивнул, а после изменил выражение лица на

удивительно обвинительное, будто всем своим видом говорил мне: «Если она умрет, это будет на твоей совести». Он был прав, ведь это был мой план. Моя вина.

Затем он наклонился ко мне и совершенно другим голосом спросил:

– Ты ведь не собираешься доедать свой пирог, могу я его взять?

Утром мы позавтракали в Hardee's, который обнаружили через дорогу от нашего отеля, и поехали на такси до поворота на тропу. Мы больше не говорили о Мэри Эллен, да и вообще ни о чем не разговаривали. Одна мысль о возвращении в лес после городского комфорта отбивала всякое желание говорить. Нам сразу же предстоял крутой подъем, поэтому мы начали медленно, почти робко. Я всегда ужасно себя чувствую в первый день похода после перерыва. Впрочем, Кац ужасно себя чувствует каждый день. Все наши восстановленные городом силы куда-то улетучились прямо на первых шагах. Уже через пару минут мне показалось, что мы и не сходили с тропы. Вообще-то было даже хуже, ведь обычно мне не приходилось карабкаться вверх с желудком, забитым жирным завтраком из Hardee's», который при первой же возможности просился наружу.

Мы уже полчаса как шли, когда встретили другого туриста – мужчину спортивного вида, который шел нам навстречу. Мы поинтересовались, не видел ли он девушку по имени Мэри Эллен в красной куртке с довольно громким голосом.

На его лице мелькнула тень осознания:

– Я не хочу показаться грубым, но та девушка, о которой вы говорите, не имеет привычки часто делать так? – Он зажал нос и издал пару ужасных звуков.

Мы активно закивали.

– Да, я переночевал с ней и парой парней вчера у Plumorchard Gap Shelter. – Он внимательно нас осмотрел и с сомнением спросил:

– Она ваша подруга?

– Нет, что вы, – ответили мы, открепясь от нее, как поступил бы любой разумный человек на нашем месте. – Она вроде как прицепилась к нам на пару дней.

Он понимающе кивнул и улыбнулся:

– Тот еще фрукт, неправда ли?

Мы улыбнулись в ответ.

– Все было настолько плохо? – спросил я.

На его лице отразилось выражение искренней боли. Затем, сопоставив все, он неожиданно сказал:

– Вы, должно быть, те самые ребята, о которых она рассказывала.

– Правда? – удивился Кац. – Что именно она рассказывала?

– Да ничего, – ответил он, подавляя улыбку, которая вынудила нас снова его спросить:

– Так что она рассказывала?

– Ничего, ничего. – Он продолжал улыбаться.

– Да что такое?

Он немного замялся.

– Так и быть. Она назвала вас парой толстых слабаков, которые ничего не смыслят в походах, и что она устала весь путь тащить вас на себе.

– Что она сказала? – в шоке переспросил Кац.

– Вообще, мне кажется, она использовала слово «ссыкло».

– Она назвала нас ссыклом? – сказал Кац. – Теперь я ее точно убью.

– Думаю, вы с легкостью найдете людей, которые помогут вам ее удержать, – отрешенно промолвил наш собеседник, взглядываясь в небо, и добавил: – Говорят, будет снег.

Я издал звук полный боли. Это было последнее, чего мы хотели.

– Правда? Сильный?

Он кивнул:

– Сантиметров 12–16. Чем выше в горы, тем больше снега. – Он приподнял брови, разделяя мои опасения. – Снег – это не просто препятствие, это реальная опасность.

Он выдержал паузу, чтобы мы смогли оценить все наши радужные перспективы, а после сказал:

– Стоит поторопиться.

Я понимающе кивнул. Ради этого мы и были снова в горах. Я посмотрел ему вслед, повернулся и увидел, как Кац мотает головой.

– Как она могла? После всего, что мы для нее сделали? – потом он заметил на себе мой взгляд и надломленным голосом спросил: – Что? – и еще более надрывно: – Что?

– Никогда, слышишь, никогда больше не мешай мне наслаждаться моим пирогом. Ты понял?

Он вздрогнул.

– Ага, договорились. Черт возьми! – И он медленно потащился дальше, ворча себе под нос.

Через два дня мы узнали, что Мэри Эллен выбралась из леса с полностью сбитыми ногами, попытавшись преодолеть 56 км за два дня. Это была плохая идея.

Глава VI

Франклин

Восприятие расстояния кардинально меняется, когда ты проходишь его пешком. Полтора километра ощущаются нормально, пять километров уже кажутся довольно значительным путем, а пятнадцать – целой бесконечностью, восемьдесят – так совсем за пределами добра и зла. Только небольшая группа людей осознает, насколько действительно огромен мир, и эти люди – походники. И это восприятие в планетарных масштабах – наш маленький секрет.

Жизнь тоже становится предельно простой. Время перестает иметь какое-либо значение. Когда темно, ты идешь спать; когда встает солнце – ты начинаешь путь, а то, что между, то просто между.

Это и правда удивительно. Не иметь никаких обязательств, договоренностей, долгов или просто дел, никаких особых амбиций, только короткий список простых желаний. Ты существуешь в тихой монотонности, вне всякого гнева, «вдали от борьбы за место под солнцем» – как выразился путешественник и ботаник Вильям Бартрам. Все, что от тебя требуется, так это желание продолжать свой путь.

Нет никакого смысла спешить, потому что ты вообще-то никуда не направляешься. Насколько бы далеко ты ни продвинулся, ты всегда будешь в одном и том же месте – в лесу. Там, где ты был вчера, и там, где ты будешь завтра. Лес – это бесконечная черная дыра. Каждый изгиб дороги открывает новую панораму, неотличимую от других; при каждом взгляде на деревья ты наблюдаешь все еще единую переплетенную массу. И ты знаешь, что твой путь является огромным и бессмысленным кругом. И главное, что отчасти и это не важно.

Порой ты просто уверен, что карабкался по этому склону три дня назад, еще вчера пересекал этот ручей или забирался по этому поваленному дереву как минимум уже два раза за сегодняшний день. Но по большей части ты вообще ни о чем не думаешь. В этом нет смысла. Взамен ты пребываешь в состоянии передвижного дзена, в котором твой мозг, подобно воздушному шару, привязан к тебе невидимой нитью. Он лишь сопровождает тебя, но не связан с иными частями тела. Ходить часами становится занятием автоматическим, незаметным, как процесс дыхания. В конце дня ты уже не думаешь: «Эй, за сегодня я прошел 26 км». Это будто

говорить: «Эй, сегодня я вдохнул и выдохнул восемь тысяч раз». Это просто то, что ты делаешь.

Так мы и шли, час за часом, по крутым холмам, вдоль острых как нож обрывов, вдоль травянистых вершин, через бескрайние ряды дубов, ясеней, каштанов и сосен. Небо становилось все мрачнее, а воздух прохладнее, но только на третий день выпал снег. Он начался утром, падая редкими, едва уловимыми тонкими хлопьями. Но затем ветер усилился, а потом стал еще сильнее, пока стал настолько свирепым, что даже деревья выглядели испуганными. Это был не просто снег, это была целая уйма снега. К обеду мы очутились посреди резкого, холодного и сильного шторма. А вскоре дошли до тропинки, ведущей к узкой полке (до прижима) горы Биг-Батт.

Даже в идеальных погодных условиях путь через Биг-Батт требовал предельного внимания и осторожности. Это можно сравнить с попыткой балансировать на подоконнике небоскреба, потому что полка здесь составляет 35–40 см, да еще кое-где и осыпается. С одной стороны ее обрамляет крутой двадцатипятиметровый обрыв, а с другой – угрожающе покатая гранитная стена. Раза два я сталкивал с тропы небольшого размера камни, чтобы с ужасом наблюдать, как они, падая, разбивались, а затем находили покой где-то невероятно далеко подо мной. Путь был усыпан камнями и пронизан извилистыми корнями деревьев, о которые мы постоянно спотыкались, но самым ужасным было то, что полка была покрыта гладким льдом и припорошена тонким слоем снега. Вдобавок на тропе то и дело возникали крутые валуны, плотно покрытые льдом, что только затрудняло наше и без того не сильно элегантно ползание. И на протяжении всего времени, пока мы едва тащились по этой нелепо узкой и опасной полке, наши глаза застигал непрекращающийся снег, усиленный порывами ветра, который ревел меж качающихся деревьев и трепал наши рюкзаки и нас самих. Это была не обычная метель, это была самая настоящая буря. Мы старательно и осторожно продвигались вперед, отрывая каждую ногу только точно удостоверившись, что другая крепко стоит на земле. Даже так Кац дважды сумел издать полные искреннего ужаса и вместе с тем немного мультяшные звуки, что-то вроде: «А-Я-Я-Я-АЙ» и «И-И-И-А-А». Услышав их, я повернулся и увидел, что он повис на дереве. При этом его ноги пытаются найти землю, а огромные глаза полны ужаса. Это было безумно пугающе.

На какие-то несчастные сто метров мы потратили два часа. Когда наши ноги оказались на твердой земле в местечке под названием Бирпен-Гэп, снежный покров уже достигал 10–12 см, а снег совсем не желал прекращаться. Все кругом было белым от снежных хлопьев величиной с

монету, которые не успевали коснуться земли, прежде чем порыв ветра уносил их в звенящую даль. Мы ничего не видели дальше трех или пяти метров, иногда и того меньше.

Тропа пересекалась с лесовозной дорогой, а затем вела к горе Элберт. Это была огромная глыба высотой 1600 м над уровнем моря, где ветра были столь дикими и злыми, что со свистящим звуком разбивались о нее, вынуждая нас кричать, чтобы услышать друг друга. Мы начали подъем, но поспешно отступили. Из-за рюкзаков мы не могли найти привычный центр тяжести, нас буквально сносило ветром. Сбитые с толку, мы стояли у нижней части вершины и смотрели друг на друга. Мы были в смертельной опасности. Застрявшие между горой, на которую не могли взобраться, и полкой, на которую мы даже не хотели смотреть. Единственным выходом из этой ситуации было каким-то образом поставить прямо здесь наши палатки (при таком-то ветре), забраться внутрь и надеяться на лучшее. Я не хотел бы звучать в этом месте моего рассказа излишне драматично, но люди погибали и при куда менее опасных обстоятельствах.

Я сбросил рюкзак и начал в нем рыться в надежде найти карту. Карты Аппалачской тропы настолько бесполезны, что я уже забыл, когда в последний раз ими пользовался. Они, конечно, немного отличаются друг от друга, но большинство из них имеет дурацкий масштаб 1:100 000, который смехотворно сжимает каждый километр пути в один сантиметр. Представьте себе один квадратный километр реальной местности и все, что там может находиться: лесовозные дороги, ручьи, вершины гор, возможно даже, пожарная каланча, холмы или травянистые вершины, извилистые тропы или парочка важных ответвлений от дороги. И все это должно уместиться на площади меньше ногтя на мизинце. Это и представляет из себя карта Аппалачинской тропы.

По правде говоря, все намного, намного хуже, потому что карты тропы – по совершенно непонятным для меня причинам – плохо детализированы даже для своего скудного масштаба. На 15 км дороги на карте будет отмечено и подписано, дай бог, три горы из десяти. Долины, озера, ущелья, родники и другие жизненно важные топографические объекты оставлены на ней без подписи. Дороги лесной охраны чаще всего вообще не изображены на карте, а если даже они есть, то отмечены неправильно. Зачастую там отсутствуют даже соседние дороги. Никаких координат, никакой возможности объяснить спасателям определенное место, никаких указателей на города. Словом, это весьма некорректные карты. В нормальных обстоятельствах это лишь немного выводит из себя. Однако сейчас, в буре, это воспринималось как удивительная халатность. Я

вытащил карту из рюкзака. Мне потребовалась пара минут, чтобы раскрыть ее, борясь с ветром. Тропа была отмечена красной линией. Рядом с ней вилась какая-то черная линия. Я предположил, что это лесовозная дорога, с которой мы сошли. Судя по карте, дорога (если она на самом деле существовала) начиналась из ниоткуда и кончалась через пару километров также бог знает где, что абсолютно не имело смысла, потому что такое вообще невозможно (вы же не можете начать строить дорогу посреди леса, ведь необходимая техника не может ни с того ни с сего возникнуть посреди лесов). Как бы то ни было, с этой картой точно было что-то не так.

– Я отдал за нее 11 долларов, – сказал я Кацу, яростно трясая перед ним картой, потом скомкал ее до относительно плоского состояния, чтобы та вместились в карман.

– Так что мы будем делать? – спросил он.

Я неуверенно вздохнул, затем с отвращением вырвал карту из кармана и вновь ее изучил. Я осмотрел лесовозную дорогу вдоль и поперек.

– Что же, кажется, будто дорога идет вокруг горы и выходит на тропу с другой стороны. Если это правда, то мы сможем найти ее, а там поблизости и приют есть. Если не сможем прорваться, то не знаю, думаю, придется возвращаться обратно к нижнему склону горы и пробовать найти там место для лагеря. – И я обреченно пожал плечами. – Не знаю. Что ты об этом думаешь?

Кац глядел в небо, наблюдая, как летит снег.

– Ну, я думаю, – начал он задумчиво, – что я бы хотел поотмокать в джакузи, съесть большой стейк с запеченной картошкой и сметаной, с кучей сметаны, а затем заняться сексом с чирлидершами из «Даллас Ковбойз» на таком тигровом ковре перед камином, который всегда бывает в домиках на лыжных курортах. Понимаешь, о чем я? – И он посмотрел на меня. Я кивнул в ответ. – Вот, чего я хочу. Но я не против попробовать сделать все по твоему плану, если ты обещаешь, что будет веселее, – и он стряхнул снег со своих бровей, – кроме того, жалко напрасно тратить такой чудесный снег. – Он горько хмыкнул и вернулся в царство бушующего снега. Я закинул рюкзак на плечи и последовал за ним.

Мы медленно тащились по дороге, борясь с ветром и согнувшись почти до земли. В местах, где снег не сдувало ветром, он был влажным и тяжелым, а вскоре стал таким глубоким, что нам срочно нужно было найти укрытие, хотелось нам этого или нет. Но вокруг совершенно не было места даже для одной палатки. Я видел только крутой склон: с одной стороны ведущий вверх, с другой – вниз. На сотни метров вперед на дороге не было ответвлений. Даже если дальше она и сворачивала к тропе, не факт, что мы

бы это заметили. В таком заснеженном лесу ты можешь быть в трех метрах от тропы и ее не увидеть. Было бы безумием в поисках нее сойти с дороги. Впрочем, идея следовать по пути лесовозов на возвышенности в бурю была не менее безумной.

Мало-помалу, а потом и все более решительно дорога начала обвиваться вокруг горы. Мы тащились как улитки через непрекращающийся шквал снега и ветра еще с полчаса, когда вышли к высокой, продуваемой со всех сторон точке, где тропа появлялась с задней части горы Эльберт и уходила дальше в лес. Я с недоумением пялился на карту. На ней ничего такого и в помине не было, но Кац заметил просвет в двадцати метрах к лесу, и мы с радостью поспешили туда. Мы вновь нашли тропу Аппалачи. Приют оказался всего в паре сотен метров. Мы поняли, что, похоже, проживем еще один день. И проведем его в походе.

Снег был примерно по колено, и мы жутко устали, но при этом почти скакали через сугробы. Кац вновь завопил от радости, когда мы достигли знака, стрелка которого указывала вниз, а на ней было выведено: Приют «Биг-Спринг». Стоявший на заснеженной поляне приют представлял из себя простой деревянный домишко, открытый с одной стороны – будто мы лишь в 130 м от главной тропы очутились в настоящей зимней сказке. Даже издалека мы видели, что внутрь намело снега до уровня лежанок. Тем не менее домик все же мог стать нашим убежищем.

Мы пересекли поляну и поставили рюкзаки на порог и в это же мгновение узнали, что помимо нас здесь находилось еще два человека – мужчина и парень четырнадцати лет. Это были Джим и Хит, отец и сын, они были родом из Чаттануги, выглядели бодро, дружелюбно и, казалось, не были напуганы погодными условиями. Они приехали в поход на выходные (я даже не знал, какой сегодня день недели). По их словам, они догадывались, что погода, вероятно, будет плохой, но не настолько. И все же они были подготовлены. Джим взял прозрачный лист пластика, который иногда используют дизайнеры для отделки пола, и попытался законопатить им открытый участок стены. Вопреки обыкновению, Кац бросился ему помогать. Лист пластика был слишком мал, однако мы поняли, что один коврик способен закрыть весь проем. Ветер свирепо громыхал по пластику и время от времени срывал его часть со звуком, похожим на выстрел, пока кто-то из нас не вставал и не прижимал его обратно. Везде сквозило: дощатые стены и пол были испещрены щелями, и через них пробивался холодный ветер, иногда даже снег, но в любом случае здесь было бесконечно уютнее, чем снаружи.

Так мы устроились в приюте, расстелили коврики и спальники, надели

всю одежду, что смогли найти, и поужинали, не вставая с лежанок. Сумерки быстро сгустились, от чего буря за окном казалась еще более дикой. Джим и Хит поделились с нами шоколадным пирогом, который показался мне слаще божественной амброзии, затем все четверо потонули в долгой, холодной ночи на жестких досках, слушая смертельные вопли ветра и треск ломающихся веток.

Когда я проснулся, все было тихо, так тихо, что я забыл, где я. Кусок пластика передо мной отошел от проема на метр, и через него сочился слабый свет. Снег был выше порога на два сантиметра, он плотным слоем покрывал нижнюю часть моего спальника. Я потряс ногами, чтобы сбросить снег. Джим и Хит уже копошились, а Кац крепко спал. При этом одна его рука лежала на лбу, а рот был широко открыт. Еще не было и шести.

Я решил провести разведку и понять, насколько все плохо. Я немного замешкался на пороге, а потом спрыгнул прямо в сугроб. Тот оказался настолько глубоким, что я увяз по пояс. Снег проник под одежду и коснулся голой кожи. От этого ощущения я вытаращил глаза. Я протолкнулся к поляне, где было чуть менее глубоко – но только на чуточку. Даже под сосновыми зонтиками на поляне снега было по колено, и через него было сложно пробраться. Но куда ни глянь, все поражало воображение. Каждое дерево было облачено в толстую белую шубу, на каждом пне или бульжнике красовалась изящная снежная шапка, везде царило такое безупречное, бескрайнее спокойствие, которое можно встретить только в чаще леса после сильного снегопада. То там, то сям огромные снежные глыбы спадали с веток деревьев. Кроме этого не было слышно ни звука. Я пошел по дорожке, ведущей к тропе. Надо мной нависали ветки, согнувшиеся под тяжестью снега. Тропа казалась мягким пуховым одеялом с голубым отливом, стелющимся под тоннелем из согнутых рододендронов. Снег выглядел глубоким и предвещал трудный путь. Я прошел на пробу пару метров. Это было действительно непросто.

Когда я вернулся в приют, Кац уже проснулся и медленно двигался под звуки своего обычного утреннего ворчания. Джим изучал свои карты, которые были намного лучше моих. Я присел рядом, и он подвинулся, чтобы мне было удобнее смотреть. Мы были в десяти километрах от Воллас-Гэпа и от старой доброй асфальтированной дороги – трассы 64. Через полтора километра от дороги находился частный кэмпинг «Рейнбоу-Спрингс», там были душевые кабины и магазин. Я не знал, каковы шансы пройти одиннадцать километров по глубокому снегу, и не был уверен, что кемпинг будет открыт в несезон. Но было ясно, что снег не собирается

таять в ближайшие пару дней, и нужно куда-то двигаться. Лучше всего это сделать сейчас, когда ветер утих и стало относительно спокойно. Черт знает, когда начнется следующая буря, которая может окончательно нас сломить.

Джим решил, что они с Хитом пару часов будут идти вместе с нами, а потом свернут на дорогу под названием «Лонг-Бранч», которая резко спускалась по ущелью на четыре километра и выходила на парковку, где они оставили свою машину. Он уже несколько раз ходил этой тропой и знал, что от нее можно ожидать. Однако мне было как-то беспокойно на душе, и я взволнованно спросил, действительно ли он считает, что им нужно сходить с основной тропы, не понимая, какая там обстановка, ведь никто не сможет им помочь, если они с сыном попадут в беду. Кац, к моему облегчению, согласился со мной.

– По крайней мере, на Аппалачинской тропе всегда есть люди, – поддержал он. – Вы не знаете, что может с вами случиться на той дороге. – Джим задумался и ответил, что они повернут обратно, если дела будут настолько плохи.

Кац и я заварили себе по чашке кофе, чтобы согреться. Джим и Хит поделились с нами овсянкой, что еще больше взбодрило Каца. Затем мы все вместе двинулись в путь. Идти было трудно и вдобавок еще и холодно. Тоннель из рододендронов, который так маняще выглядел со стороны, при каждом соприкосновении с рюкзаками обрушивал снежные пласты на наши спины и шеи. Мы договорились идти первыми поочередно. Первому всегда тяжелее всего, ведь ему приходится протаптывать путь себе и другим через глубокий слой снега.

Дорога Лонг-Бранч, когда мы до нее дошли, оказалась крутым спуском меж склоненных сосен – слишком крутым, как мне показалось, но вернуться обратно на главную тропу было просто невозможно. Мы с Кацем попросили своих спутников одуматься, но Джим ответил, что ниже дела обстоят намного лучше и что там есть указатели, убеждая нас, что с ними все будет в порядке.

– А знаете, какой сегодня день? – ни с того ни с сего спросил Джим и, судя по нашим тупым взглядам, решил ответить сам: – Двадцать первое марта.

Мы все так же тупо глазели на него.

– Первый день весны, – сказал он.

Мы улыбнулись такой иронии судьбы, пожали руки и, пожелав друг другу удачи, разошлись.

Мы с Кацем шли еще добрые три часа, беззвучно и медленно

продираясь через холодный белый лес. Примерно в час дня мы дошли до старого шоссе 64, одиноко тоскующей на пенсии дороги, ведущей через горы. Она не была расчищена, но следов от колес на ней видно не было. Снег начал опять картинно и уверенно падать. Мы направились в сторону кемпинга и прошли уже где-то около полукилометра, когда за нами послышался рев машины, аккуратно прокладываяющей себе путь через заснеженную дорогу. Мы оглянулись и увидели позади себя огромный джип. Окошко водителя открылось. Это были Джим и Хит. Они специально приехали, чтобы показать, что у них все в порядке, и удостовериться, что у нас дела не хуже.

– Мы подумали подбросить вас до кемпинга, – сказал Джим.

Мы с благодарностью залезли внутрь, заполнив их чудеснейшую машину снегом, и поехали в сторону лагеря. Джим сказал, что они проезжали его по пути сюда и что он вроде работал, но если он окажется закрытым, то они довезут нас до ближайшего города – Франклина. Прогноз погоды по радио поведал, что снег не прекратится еще пару дней.

Они высадили нас у лагеря – он был открыт, – помахали из окна руками и скрылись.

Рейнбоу-Спрингс был скромным частным кемпингом с парой небольших домиков, душевой и несколькими непонятного вида постройками, расположенными вокруг большой поляны, предназначавшейся для жилых фургонов и машин постояльцев. У входа стоял большой белый старый дом, в котором находилась администрация лагеря, но большую его часть занимал магазин. Мы зашли внутрь и обнаружили, что все туристы из округи уже были здесь. Многие из них уже сидели вокруг деревянной сушилки с розовыми щеками, обогретые и чистые, поедая острый суп или мороженое. С тремя или четырьмя из них мы уже были знакомы. Лагерем занимались Бадди и Дженсайдн Кроссман, которые выглядели приветливо и доброжелательно. Скорее всего, обычно в марте их бизнес был далек от процветания. Я поинтересовался насчет свободных домиков.

Дженсайдн затушила сигарету и посмеялась над моей наивностью, из-за чего начала кашлять.

– Голубчик, домики уже два дня как заполнены. Осталось еще два места в бараке. Остальным придется спать на полу.

Барак – это не то слово, которое я хотел сейчас услышать, но у нас не было других вариантов. Мы зарегистрировались, получили два маленьких жестких полотенчика для душа и направились на другой конец лагеря, чтобы понять, за что мы заплатили по одиннадцать долларов. Ответ –

практически ни за что.

Барак был простенький и безумно уродливый. В нем находилось двенадцать узких деревянных лежанок в три яруса, на каждой лежал голый матрас и скомканная грязная подушка без наволочки, наполненная пенопластом. В углу, нежно посвистывая, стояла пузатая печка, окруженная рядом бесформенных ботинок и обвешанная сырыми шерстяными носками, от которых шел пар. Крохотный деревянный столик и два хлипких стула без подушек довершали интерьер. Повсюду валялось барахло – палатки, одежда, рюкзаки, дождевики. Все было оставлено сушиться, и со всех вещей медленно капала вода. На полу не было ничего, а стены не были обшиты фанерой. Все было необыкновенно невзрачным, будто ты находишься в гараже.

– Добро пожаловать в Шталаг, – произнес мужчина с иронической улыбкой и британским акцентом. Его звали Питер Флеминг, он преподавал в колледже Нью-Брансуика и выбрался на недельку в горы, чтобы отдохнуть и сменить обстановку. Как и всех остальных, его сюда занес снег. Он нас представил. Все поприветствовали нас дружелюбным, но бессильным кивком и указали на свободные койки: одна была на третьем ярусе у самого потолка, вторая в другом конце комнаты внизу.

– Посылки из Красного Креста приходят каждую последнюю пятницу месяца, собрание по эвакуации будет заседать в пять часов сегодня вечером. Думаю, это все, что вы должны знать.

– А, и не заказывайте чизстейк, если вы, конечно, не хотите провести всю ночь рядом с унитазом, – послышался изнуренный, но искренний голос из темного угла.

– Это Текс, – объяснил Флеминг.

Мы кивнули. Кац выбрал койку на третьем ярусе и стал пытаться понять, как на нее взобраться. Я повернулся к своей лежанке и замер в очаровании. Пятна на матрасе были мне не в новинку, но прошлый хозяин, видимо, не просто страдал недержанием, он им наслаждался. Подушку он тоже осчастливил. Я поднял ее и понюхал. Это оказалось плохой идеей. Я развернул свой спальник, положил носки и другие вещи на печку сушиться и уселся на край кровати, чтобы провести прелестные полчаса, наблюдая вместе со всеми, как Кац упорно пытается залезть на свое место. Его попытки в основном состояли из кряхтения, перебирания ногами и приглашения всех наблюдателей и помощников пойти на хрен. С моего места я мог видеть только его гигантский зад и неуклюжие беспокойные ноги. Он выглядел как жертва кораблекрушения, отчаянно цепляющаяся за обломки судна посреди бушующего моря, или как тот, кто неожиданно для

себя поднялся в небо на воздушном шаре. Так или иначе, он был похож на человека, сражающегося за жизнь в опасных условиях. Я взял подушку и подлез к нему, чтобы спросить, не хочет ли он поменяться местами.

На его красном лице виднелся звериный оскал, и я даже не был уверен, что он сразу понял, что это я.

– Тепло поднимается вверх, старина, – сказал он, – и когда я заберусь сюда, если я, черт возьми, это сделаю, то буду в шоколаде.

Я кивнул. Не было ни малейшего смысла перечить Кацу, когда он был на что-то нацелен. И, воспользовавшись случаем, подменил подушки.

В конечном счете, когда на его муки стало невозможно смотреть без слез, я с парой помощников затащил его на койку. Он грузно повалился на нее, и доски под ним тревожно затрещали, приводя в панику бедного, тихого мужчину, лежащего ниже. Объявив, что не имеет никакого желания покидать свое место до тех пор, пока не сойдет снег и весна не придет в горы, Кац повернулся к нам спиной и заснул.

С трудом дошагав до душевой, где с удовольствием помылся ледяной водой, я пошел в магазин и уселся у печки вместе с десятком остальных туристов. Ничего другого сделать было нельзя. Я съел две порции фирменного острого супа чили и послушал, о чем болтают собравшиеся. Говорили в основном Бадди и Дженсайдн, причем это были гадости про предыдущих постояльцев, но все равно мне было приятно слышать любой другой голос помимо Каца.

– Вы бы их видели, – проворчала Дженсайдн, убирая кусочек табачного листа с языка. – Ни спасибо тебе, ни пожалуйста. Не такие, как вы, парни. Вы, по сравнению с ними, это как глоток свежего воздуха, поверьте. Они засвинаячили весь барак, не правда ли, Бадди? – И она передала эстафету Бадди.

– Мне пришлось с утра его драить целый час, – хмуро произнес он.

Нужно сказать, что его слова меня удивили, потому что барак выглядел так, будто в нем не убирались лет сто. Лужи стояли по всему полу, и кто-то, я не знаю кто, оставил старую грязную фланелевую рубашку, которая выглядела отвратительно.

– А еще они сожгли все дрова. Это были дрова на три дня, а они их сожгли за вчерашний день, ни веточки не оставили, – продолжил он.

– Мы были рады, когда они ушли, – подхватила Дженсайдн. – Безумно рады. Совсем не такие, как вы, парни. Вы как глоток свежего воздуха, поверьте, – сказала она и отошла, чтобы ответить на телефонный звонок. Я сидел рядом с пацанами из Ратгерского университета, с которыми мы постоянно сталкивались со второго дня похода. Они сейчас жили в хижине,

однако прошлую ночь провели в бараке. Один из них наклонился ко мне и прошептал:

– Она то же самое говорила вчера о людях, что были за день до этого. Она и завтра так про нас говорить будет. Вы знаете, нас вчера в том бараке набилось пятнадцать человек.

– Пятнадцать? – удивленно повторил я. Сегодня здесь нас было всего двенадцать. И это оказалось невыносимо. – Где же эти трое спали?

– На полу. И с них также потребовали по одиннадцать баксов. Как суп? Я посмотрел на суп, будто до этого и не думал о нем. Впрочем, я и на самом деле действительно о нем не думал.

– Довольно дерьмовый вообще-то.

Он кивнул:

– погоди, посмотрим на тебя, когда тебе придется его есть второй день кряду.

Когда я зашагал обратно к бараку, снег все еще шел, но уже гораздо слабее. Кац не спал. Он лежал на боку, курил выцыганенную сигарету и просил людей по мере надобности все ему передавать – ножницы, платок, спички, – а потом, когда он всем этим по очереди воспользовался, столь же последовательно забирать. Трое туристов стояли у окна и смотрели на снег. Беседа велась только о погоде. Было невозможно понять, когда мы выберемся отсюда. Все мы были в ловушке.

Мы безотрадно провели ночь, лежа на койках, едва освещенных отблеском танцующего в печке огня, поддерживаемого тем тихим мужчиной, который не мог или не изъявлял желания спать в кровати под покоившейся над ним храпящей тушей Каца. Он топил печь, погруженный в общую симфонию звуков ночи – вздохи, усталые выдохи, глубокий храп, нескончаемый предсмертный стон, исходящий от мужчины, который все-таки отведал чизстейка. И все это под монотонный свист поленьев в печи, будто исходящий из звуковой дорожки старого фильма. Мы проснемся совсем не отдохнувшими: в холоде, на угрюмой заре с падающим снегом, с перспективой весь день ничего не делать, разве что тусоваться в магазинчике или лежать на койке и читать старые выпуски «Ридерс дайджест», которыми была забита полка у двери. Потом прошел слухок, что энергичный парень по имени Зак, живущий в одной из хижин, каким-то образом добрался до Франклина, арендовал там мини-фургон и за скромную плату в пять долларов согласен подбросить нас до города. К сожалению и недовольству Бадди и Дженсаян, все мы решили спасаться бегством – заплатили и выехали. Четырнадцать человек погрузились в фургон и отправились навстречу далекому бесснежному городу Франклину.

Так мы обеспечили себе небольшие каникулы. Город оказался маленьким, скучным, удивительно невзрачным, но по большей части просто скучным – такое место, где ты ничего лучше не можешь придумать, чем пойти поглазеть на парней в погрузчиках, передвигающих бревна на складе лесоматериалов. В нем не было ни одной достопримечательности, негде было купить книжку или хотя бы журнал, который не был бы посвящен гоночным катерам, тачкам или пистолетам и боеприпасам. Город был заполнен туристами, которые спустились с гор и могли только апатично прогуливаться от закусочной до прачечной или раза два за день совершать паломничество до конца главной улицы, чтобы с отчаянием поглазеть на далекие, непроходимые, покрытые снегом вершины. Прогнозы не сулили ничего хорошего. Ходили слухи о двухметровых сугробах в Смоки. Было вполне вероятно, что потребуется еще несколько дней, чтобы тропа вновь стала проходимой.

Из-за одной этой мысли я впал в депрессию, которая усиливалась от понимания того, что для Каца такой расклад был раем: несколько дней праздного отдыха, в свободе от напряжения и проблем. К моему бескрайнему ужасу, он даже купил себе программу телепередач, дабы максимально эффективно провести ближайшие дни.

Мне не терпелось вернуться обратно на тропу и вновь ощутить вес рюкзака за спиной. Это то, зачем мы сюда пришли. Помимо того, мне было так скучно, что я мог в скором времени рехнуться. Я читал рекламные листовки в кафе, а после переворачивал их в надежде обнаружить еще хоть какой-нибудь текст. Еще я развлекался тем, что на складе лесоматериалов болтал с рабочими через забор. На третий день я стоял в «Бургер-Кинге» и внимательно изучал фотографии руководства и работников (отметив для себя забавный факт, что люди, работающие в общепите, всегда выглядят так, будто их мамы переспали с мультяшным псом Гуфи), затем сделал шаг в сторону, чтобы рассмотреть доску почета с работниками месяца. Именно в тот момент я понял, что хочу как можно скорее выбраться из Франклина.

Двадцать минут спустя я объявил Кацу, что мы возвращаемся на тропу следующим утром. Услышав такое, он сначала изумился, а потом ужаснулся.

– Но в пятницу будут «Секретные материалы», – пробормотал он. – И я только что купил «Крем-соду».

– Какая душераздирающая трагедия! – ответил я с неподдельной улыбкой.

– Но ведь там снег. Мы никогда в жизни через него не продеремся.

Я пожал плечами, стараясь вложить оптимизм в это движение, но со стороны это казалось скорее жестом безразличия.

– Думаю, что у нас получится, – сказал я.

– А что, если нет? Что, если опять начнется буря? Как по мне, нам еще повезло, что мы выбрались оттуда живыми. – В его взгляде читалось отчаяние. – У меня восемнадцать банок «Крем-сода» в номере, – ляпнул он и сразу же пожалел о сказанном.

Я поднял бровь в изумлении:

– Восемнадцать? Ты что, решил здесь поселиться?

– На них была акция, – проворчал он в свою защиту и надулся.

– Слушай, Стивен, мне неприятно нарушать твои праздничные планы, но мы проделали весь этот путь не для того, чтобы пить газировку и смотреть телевизор.

– Но и не для того, чтобы подохнуть, – сказал он, но больше не спорил.

Мы отправились в путь, и нам повезло. Снег был глубоким, но через него можно было идти. Какой-то одинокий турист, видимо, еще более нетерпеливый, чем я, успел пройти впереди нас и проделал небольшую дорожку, что значительно облегчило наш путь. На крутых подъемах было довольно скользко. Кац постоянно тащился позади, падал и не переставал смачно материться. Время от времени на более высоких участках нам приходилось обходить огромные сугробы, но ни разу нам не встретилось место, где бы мы не смогли пройти.

А погода неожиданно оживилась. Вышло солнце, воздух становился все теплее и приятнее, небольшие горные ручейки ожили, наполнившись журчащей талой водой. Я даже услышал робкое пение птиц. На высоте больше тысячи метров снег все еще лежал, воздух все еще был прохладным, но ниже снег с каждым днем все уменьшался и уменьшался, а уже на третий день он остался лежать лишь в самых темных расщелинах. Все действительно было не так уж и плохо, однако Кац не хотел этого признавать. Я же просто шел вперед. Я был безумно счастлив.

Глава VII

Грейт-Смоки-Маунтинс

Следующие два дня Кац почти не говорил со мной. Через день в девять вечера из его палатки раздался небывалый звук. Это был хлопок открывающейся банки. Он произнес с вызовом:

– Знаешь, что это было, Брайсон? «Крем-сода». А знаешь, что еще? Я ее сейчас выпью и не дам тебе ни капли. А знаешь, что еще? Она безумно вкусная. – Затем последовал намеренно громкий причмокивающий звук. – М-м-м, м-м-м, пре-лест-но. – И еще один глоток. – Знаешь, почему я пью ее сейчас? Потому что уже девять вечера. А это время «Секретных материалов» – моего любимого сериала всех времен.

Громко прозвучал звук еще одного весьма продолжительного глотка, затем послышался скрип раскрывающейся молнии на палатке, за ним последовали глухой удар пустой банки о землю и звук закрывающейся молнии.

– Дружище, это было так классно, а теперь пошел в жопу и спокойной ночи.

На этом все закончилось. Наутро он был полностью в порядке.

Кац так и не проникся нашими походами, но все же чертовски старался это сделать. Временами, я думаю, он видел в этом что-то – нечто неуловимое, фундаментальное – то, что делало наше пребывание в лесу почти приятным. Иногда он мог восхититься видом или понаблюдать за удивительными красотами природы, но в основном поход для него являлся долгим, утомительным, грязным и бессмысленным занятием, находящимся весьма далеко за пределами его зоны комфорта. Тем временем я был всецело погружен в сам процесс преодоления и продвижения вперед, который приносил мне подлинное удовлетворение. Моя врожденная рассеянность, особенно сильно проявившаяся в походе, порой поражала Каца, иногда забавляла, но чаще всего доводила его до белого каления.

На четвертый день после расставания с Франклином я сидел на большом зеленом камне в ожидании Каца, когда осознал, что уже слишком давно его не видел. И тут он наконец появился. При этом выглядел мой компаньон еще более потрепанным, чем обычно. Куски веток в волосах, новая заметная дыра на рубашке и следы крови на лбу. Он скинул рюкзак и сел рядом со мной, держа в руках бутылку воды. Отхлебнув приличный

глоток и вытерев лоб, он посмотрел на оставшуюся кровь на руке и в конце концов спросил:

– Как ты умудрился пройти мимо того дерева?

– Какого дерева?

– Того упавшего дерева, что лежит на выступе.

На минуту я задумался:

– Я такого не помню.

– Как ты можешь его не помнить? Оно преграждало путь, черт возьми!

Я вновь задумался, а затем с извиняющимся видом покачал головой. Я видел, что его сейчас разорвет от злости.

– Примерно в трехстах метрах от нас, – он остановился в ожидании моего осознания, которое, к его удивлению, не приходило. – С одной стороны крутой обрыв, с другой – заросли колючего кустарника, через которые невозможно пройти, а посередине – большое упавшее дерево. Ты должен был его заметить.

– Где именно это было? – спросил я, пытаюсь тянуть время.

Кац не мог сдержать свой гнев:

– Боже мой, да там, где с одной стороны обрыв, с другой заросли, а между ними огромный поваленный дуб, примерно вот столько от земли, – и он показал расстояние сантиметров в тридцать пять. И вновь оказался поражен моим озадаченным видом.

– Брайсон, я не знаю, что за таблетки ты принимаешь, но я должен их попробовать. Дерево было слишком высокое, чтобы забраться на него, и слишком низко лежало, чтобы проползти под ним, и никакого другого пути не было. Я потратил полчаса, чтобы перелезть через него, я весь и везде порезался, пока делал это. Как ты мог не запомнить?

– Может, я вспомню это дерево немного позже, – с робкой надеждой в голосе ответил я. Кац покачал головой с грустным видом. Я никогда не понимал, почему именно его так выводила из себя моя рассеянность: он либо считал, что я специально притворяюсь тупым, чтобы раздражать его, либо пытался таким образом обмануть трудности – просто не замечая их. После этого разговора я пообещал себе некоторое время быть более наблюдательным и не уходить в себя, чтобы не усиливать его гнев.

И это оказалось правильным решением, потому что через два часа нам посчастливилось испытать тот самый момент облегчения, который так редок в любом походе. Мы шли вдоль вершины горы под названием Хайтоп, когда вдруг деревья расступились, и перед нами предстал вид, от которого захватывало дух. Внезапно мы перенеслись в другой мир, в мир, наполненный высокими и массивными скалистыми горами, мир с

погруженными в туман и уходящими где-то вдали в хмурые облака вершинами. Эта картина одновременно пугала и манила. Перед нами предстали Смоки-Маунтинс.

Ниже, сжатое между долинами, лежало озеро Фонтана. Длинное и похожее на фьорд, оно поблескивало светло-зеленой водой. В западной части, где в него впадает река Литл-Теннесси, возвышалась 150-метровая плотина построенной еще в тридцатых годах прошлого века гидроэлектростанции. Это была самая высокая дамба к востоку от Миссисипи, привлекающая внимание людей, влюбленных в поэтику бетона. Мы поспешили вниз по тропе к плотине с надеждой найти там туристический центр, в котором, скорее всего, имелось кафе и другие радости цивилизованного мира. По крайней мере, мы мечтали, что там найдутся автоматы с едой и туалеты, где можно постирать вещи, набрать воды, взглянуть на себя в зеркало и наконец привести себя в порядок.

Там действительно оказался туристический центр, но он был закрыт. Объявление на стекле гласило, что он будет закрыт еще месяц. Автоматы с едой были пусты и вообще не подключены к сети. А главное, к нашему ужасу, туалеты были заколочены. Кац нашел кран с внешней стороны здания, но вода была перекрыта. Мы вздохнули, обменялись мужественным, но при этом глубоко трагичным взглядом и продолжили путь.

Тропа пересекала озеро в высшей точке плотины. Горы перед нами оказались не такими уж и высокими, но те, что были позади, возвышаясь, были похожи на очертания неведомого зверя. С одного лишь взгляда стало понятно, что мы находимся на тропе в царство красоты и трудностей. Граница национального парка Грейт-Смоки-Маунтинс проходила по дальнему берегу озера. Впереди лежали две тысячи квадратных километров густого высокогорного леса, семь дней пути и 115 км сурового похода, прежде чем мы снова сможем познать радости цивилизации – от чизбургеров и колы, до унитазов и теплого душа. По крайней мере, мы мечтали отправиться обратно свежими и умытыми. Я не признался Кацу, что нам предстояло пройти траверсом 16 вершин высотой свыше полутора тысяч метров, включая Клингманс-Доум – самую высокую точку Аппалачской тропы, находящуюся на высоте 2025 м (что лишь на 12 м ниже рядом стоящей горы Митчел, самой высокой на востоке США). Я был возбужден и прямо горел желанием. Казалось, даже Кац был взбудоражен. И если честно, тут было от чего возбудиться.

Во-первых, мы вошли уже в третий по счету штат – Теннесси, что всегда приносит чувство удовлетворения проделанным путем. Практически

на протяжении всей тропы вдоль Смокис была обозначена граница Северной Каролины и Теннесси. Мне это очень нравилось. Нравилась сама возможность стоять правой ногой в одном штате, а левой в другом в любой момент, когда мне этого захочется (а это случалось частенько), сидеть во время привала на бревне в Теннесси или на камне в Северной Каролине, или же мочиться поперек границы и так далее. Во-вторых, у нас вызывали интерес все те вещи, которые могли встретиться в этих огромных, темных, легендарных горах: гигантские саламандры, высокие тюльпанные деревья, знаменитые грибы, похожие на вырезанные из тыквы на Хеллоуин фонари. Эти грибы светятся в темноте зеленым флюоресцентным цветом, который еще называют «ложным огнем». Возможно, мы могли бы повстречать медведя (с подветренной стороны, на безопасном расстоянии, который бы не замечал меня и был заинтересован лишь Кацем или никем из нас). Но в первую очередь в нас горела надежда или даже уверенность, что родник где-то близко, что с каждым днем мы оказываемся все ближе и ближе к нему и что сейчас в раю гор Смоки он наконец вырвется из скал.

Грейт-Смоки-Маунтинс – это действительно рай. Мы оказались в лесу, который ботаники называют «лучшим смешанным мезофитным лесом в мире». В этом краю имеется поразительное разнообразие растительного мира: более полутора тысяч видов полевых цветов, тысяча наименований кустарника, 530 мхов и лишайников, две тысячи разновидностей грибов. Здесь произрастает 130 видов деревьев, когда во всей Европе их насчитывается лишь 85.

Такому чрезмерному изобилию эти леса обязаны глубокой глинистой почве, укрытым от ненастий долинам (местные называют их убежищами), а также теплоте и влажному климату, что создает тот самый синеватый туман, который дал название всему краю – краю Туманных гор. А еще самое важное – это направление самих Аппалачей с севера на юг. Дело в том, что в последний ледниковый период льды шли из Арктики, поэтому северная растительность по всему миру распространилась на юг. Но в Европе бесчисленное количество видов растений разбились о непроходимые Альпы и другие горы, поэтому северные растения для Запада были утрачены навсегда. А на востоке Северной Америки не было подобных препятствий, так что деревья и другие растения шли через реки, долины и горы до тех пор, пока не попали в благоприятное убежище Грейт-Смоки-Маунтинс. Когда же ледяные покровы отошли назад, северные деревья начали свой долгий путь в родные земли. Некоторые деревья, такие как туя и рододендрон, только сейчас достигли дома, что указывает на то, что ледяной покров исчез здесь совсем недавно.

Богатая растительная жизнь, в свою очередь, образует столь же богатый животный мир. В этом крае насчитывается 67 видов млекопитающих, более 200 типов птиц и 80 видов рептилий и амфибий – это больше, чем где бы то ни было на Земле. Но прежде всего Грейт-Смоки-Маунтинс известны обитающими здесь медведями. По расчетам, на данной территории живет примерно от 400 до 600 бурых медведей. Это не такое уж и большое число, но они доставляют массу проблем из-за того, что полностью потеряли страх перед людьми. Практически девять миллионов людей в год приезжают в этот район, многие из них устраивают пикники. И поэтому медведи начали ассоциировать людей с едой. По правде говоря, для медведей люди – большие существа в бейсболках, которые выставляют кучу еды на столы, немного вопят, а затем неспешно берут камеру, чтобы запечатлеть, как «мишка» залезает на стол и начинает уминать их картошку и шоколадный торт. И хотя медведю глубоко безразлично внимание людей с видеокамерами, зевакам так и хочется пообщаться со зверем поближе. И увы, но обычно какой-нибудь дурак рано или поздно решает подойти к медведю и пробует погладить его или угостить печеньем. Описан даже случай, когда женщина специально намазала медом руки своему ребенку, чтобы медведь облизнул их на видео. Не осознав гениальной режиссерской находки дамы, медведь откусил ребенку руку.

Примерно 12 человек ежегодно получают травмы, как правило – на пикниках, обычно – по глупости или в случаях, когда медведь становится агрессивен и опасен. Егерям приходится усмирять и пичкать их транквилизаторами, связывать и перевозить в отдаленные районы, подальше от дорог и пикников, и уже там выпускать на волю. Короче, здешние медведи полностью привыкли и к людям, и к человеческой еде. У кого же они пытаются отобрать еду в дикой местности? Правильно, у таких бедолаг, как мы с Кацем. В истории походов по Аппалачской тропе известно множество случаев нападения медведей на походников именно в отдаленных районах Грейт-Смоки-Маунтинс.

С этими веселыми мыслями мы и отправились в высокий и густой лес, покрывающий гору Шакстек. Я держался к Кацу ближе, чем обычно, держа свою трость как дубинку. Он, конечно, в этой связи считал меня полным идиотом.

Несмотря на легендарных медведей, правильнее было бы считать истинным хозяином этих краев саламандру, ведущую отшельническую и немного недооцененную жизнь. Всего здесь насчитывается 25 видов саламандр, больше, чем где бы то ни было на Земле. Саламандры очень

интересны, и вы даже не пытайтесь это оспорить. Начнем с того, что они являются древнейшими из позвоночных. Когда первобытные существа впервые выползли из морей, они стали саламандрами. И они практически не изменились с тех времен. У некоторых видов саламандр, встречающихся в этих горах, даже не развились легкие: они дышат через кожу. Большинство саламандр совсем крошечные, длиной от трех до пяти сантиметров, но существует редкий и ужасно некрасивый вид саламандр – аллеганский скрытожаберник, который может достигать более 60 см в длину. По правде, мне не терпелось увидеть этого самого скрытожаберника.

Еще более разнообразны и недооценены пресноводные моллюски. Всего существует 300 типов моллюсков, треть из них обитает в Грейт-Смоки-Маунтинс. Моллюски, живущие в этих краях, имеют потрясающие названия, например, фиолетовый бородавчатоспин, глянцевитое свиное копытце, обезьяновидная жемчужница. К сожалению, на этом вся их занимательность кончается. Я предполагаю, что из-за того, что за ними не наблюдают даже биологи, моллюски и вымирают, причем в огромных количествах. Практически половине моллюсков, обитающих там, угрожает опасность в скором времени исчезнуть, а двенадцать видов уже считаются вымершими.

Думаю, вам удивительно слышать, что такое происходит в заповеднике. Я не говорю, что моллюски бросаются под колеса проезжающих машин. Но все же Грейт-Смоки-Маунтинс скоро потеряет большинство моллюсков. Управление по национальным заповедникам вообще имеет тенденцию оставлять все умирать. Самым ярким примером может служить национальный парк «Брайс-Каньон», во всяком случае, его пример самый увлекательный. Он был основан в 1923 году, и меньше чем за полвека под чутким руководством управления в парке вымерло семь видов млекопитающих – белохвостые зайцы, луговые собачки, вилороги, белки-летяги, бобры, красные лисицы и пятнистые скунсы. Что сказать? Вполне достойный результат.

Неподалеку от того места, где мы шли, в 1957 году управление парка решило «обустроить» для радужной форели приток реки Литл-Теннесси Абрамс Крик.

С этой целью биологи высыпали непомерное количество яда ротенона в устье реки. Уже через пару часов десятки тысяч мертвых рыб, как осенние листья, плавали на поверхности воды. Ах, какая отрада для дипломированных натуралистов! В числе 31 вида уничтоженных рыб находился дымчатый каменный сомик, которого никто из ученых раньше не

видел. Таким экстравагантным образом биологи из Управления по заповедникам смогли сразу открыть и истребить неизвестный ранее вид рыбы (в 1980 году другая колония дымчатых каменных сомиков была найдена в ближайшей реке).

Нужно заметить, что это произошло сорок лет назад, и, пожалуй, такое безрассудство сложно представить в наши просвещенные времена. Сейчас Управление по заповедникам использует более искусные подходы для сохранения дикой природы, а именно – забвение. Меньше трех процентов от своего бюджета оно тратит на исследования, именно поэтому никто не знает точно, сколько вымерло моллюсков, и даже не знает причин их исчезновения.

Куда бы вы ни посмотрели – в восточных лесах деревья вымирают в безумных масштабах. В Грейт-Смоки-Маунтинс более 90 % пихт Фрейзера – величественных деревьев, редких для южных высот Аппалачи – болеют или умирают от воздействия кислотных дождей и насекомых под названием живичные мохнатые хермесы. Если спросить у руководства, что они с этим делают, то вы услышите: «Мы тщательно следим за данной проблемой». Что означает: «Мы наблюдаем, как они умирают».

Возьмем, к примеру, травянистые вершины – поляны без деревьев на вершине гор площадью до ста квадратных километров, что является удивительной редкостью для Южных Аппалачей. Никто не знает, почему они здесь находятся и как давно появились, не знает даже о том, почему они появляются на одних вершинах, а на других нет. Некоторые полагают, что они являются природными объектами, вызванными пожарами; другие же считают, что они появились антропогенным путем, с целью подготовки территории для пастбищ летом. Точно известно только то, что они располагаются в центре Грейт-Смоки-Маунтинс. Представьте, вы взбираетесь четыре часа по холодному, темному лесу и наконец выходите на открытую солнечную площадку под голубым небом с возможностью все рассмотреть, и это ощущение невозможно забыть. Их особенности на этом не заканчиваются. По мнению известного натуралиста Хайрама Роджерса, травянистые растения составляют лишь 0,015 % от территории этого края, однако 29 % растительного мира долины сосредоточено именно здесь. Бесчисленное количество лет травянистые вершины использовались индейцами, а затем европейскими поселенцами в качестве летних пастбищ для скота. А сейчас, когда выгул скота оказался под запретом, а руководство парка просиживает штаны, боярышник и ежевика уверенно заполняют горные высоты. Через два десятка лет здесь, возможно, не будет и следа травянистых вершин. Девяносто видов растений уже исчезли с полей с тех

пор, как парк был открыт. Считается, что не менее 25 видов растений будут утрачены в ближайшие годы.

И что самое ужасное, так это то, что не существует никакого плана по их сохранению.

После того что вы только что здесь прочли, вы можете подумать, что я не очень люблю сотрудников заповедника, но это не совсем так. Мне ни разу не встретился лесник, который бы не помог нам или не был бы поглощен своей работой. Впрочем, я видел не так много этих лесников, так как большинство из них давно уволились со своей работы, но те, с кем мне пришлось общаться, были вполне нормальными. Нет, проблема не в персонале, а в самом руководстве парка. Многие его защищают, говоря, что управлению урезали бюджет, и это правда. С учетом инфляции бюджет уменьшился на 200 млн долларов по сравнению с суммой, выделявшейся десять лет назад. В результате, несмотря на то, что число посетителей парка возросло с 207 млн в 1983 году до 300 млн на сегодняшний день, кемпинги и краеведческие центры закрыты, количество зрителей урезано, необходимое обслуживание сократилось до смехотворного уровня. К 1997 году невыполненная работа по восстановлению национальных парков достигла шести миллиардов долларов. Довольно позорно.

Но задумайтесь. В 1991 году, в то время как умирали деревья, а здания разрушались, посетителям не давали поставить палаточные лагеря из-за отсутствия денег на обеспечение, а работников увольняли пачками, Управление по национальным заповедникам закатило вечеринку в честь своего семидесятилетия в городе Вейл, штат Колорадо. На это мероприятие было потрачено свыше полумиллиона долларов. Эта история не настолько дикая, как инцидент с растворением яда в реке, но в ней определенно чувствуется тот же дух.

Впрочем, давайте мы с вами не будем на этом заикливаться. Это место получило свое природное великолепие от Бога, без чуткого руководства Управления по национальным заповедникам, и, если честно, то это самое управление им и сейчас не очень-то нужно. Более того, принимая во внимание странное и неразумное поведение руководства на протяжении многих лет (вот еще один факт: в 1960 годах они пригласили компанию «Уолт Дисней», чтобы построить парк аттракционов в национальном заповеднике «Секвойя» в Калифорнии), возможно, что идея урезать им бюджет не столь и плоха. Я более чем уверен, что если им вернуть эти 200 миллионов, то все деньги ушли бы на автомобильные парковки и на удобства для автофургонов, а не на спасение деревьев, и уж точно не для восстановления бесценных и прекраснейших травянистых вершин.

Возможно, что это вообще такая разработанная руководством парка стратегия – позволить лесам исчезнуть. Столько лет они позволяли всем, кому не лень, вторгаться в дела природы, а затем приняли решение не предпринимать вообще ничего, даже если бы их действия приносили бы плоды. Я же говорил вам, что это удивительные люди.

Уже вечерело, когда мы дошли до приюта «Берч Спринг Гэп», который находился неподалеку от илистого ручейка чуть ниже тропы. В серебристом полумраке ночи он выглядел поразительно. В сравнении с практичными фанерными домишками, встречающимися в других местах, приюты в Грейт-Смоки-Маунтинс были построены в причудливом деревенском стиле из прочного камня, поэтому даже издали приют смотрелся по-домашнему уютно и привлекал к себе внимание. Однако вблизи он не выглядел таким уж очаровательным. Интерьер был темноват, потолок прохудился, глиняный пол был похож на шоколадный пудинг, спальные места были совсем небольшими и грязными, остатки сырого мусора лежали повсюду. Вода стекала по стенам и образовывала на лежанках целые озера. Снаружи, как и в большинстве приютов, не было никакого стола, а уж туалета не было и в помине. Даже по невзыскательным стандартам АТ это место было слишком суровым. Но, по крайней мере, оно было нашим.

Как и в других приютах, здесь не было двери, зато вместо нее перед зданием мы обнаружили ограду из проволоки, назначения которой я так и не понял. Табличка на заборе гласила: «ЗОНА АКТИВНЫХ МЕДВЕДЕЙ. НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ДВЕРЬ ОТКРЫТОЙ». Меня заинтересовало, насколько они активны, и я пошел посмотреть журнал регистрации, пока Кац кипятил воду для лапши. В каждом приюте есть такой журнал, в котором посетители оставляют заметки о погоде, высказывают свои идеи и пишут о всяких необычных происшествиях. В здешнем сообщалось про странные ночные звуки, которые показались туристам очень похожими на рев медведя, однако посетителей этого приюта больше интересовала удивительная живучесть обитающих здесь мышей и крыс, в чем я потом сам сполна удостоверился.

Как только наши головы коснулись лежанки, все вокруг зашуршало и забегало. Грызуны ничего не боялись и беспрепятственно шмыгали по рюкзакам и даже по нашим головам. Не переставая ругаться и громохатать бутылкой воды, Кац бегал за ними и не знал, что бы еще придумать. Когда я включил налобный фонарь, то обнаружил в спальнике на уровне моей груди где-то за 15 см до подбородка сидящую на задних лапах и пристально смотрящую на меня мышшь. Я машинально ударил по спальнику изнутри,

чем отключил несчастного грызуна окончательно и бесповоротно.

– Поймал одну, – вскрикнул Кац.

– Я тоже, – с гордостью поведал я.

Кац ползал на четвереньках, будто сам пытался сойти за мышь, озаряя темноту блуждающим светом фонаря. Периодически он останавливался, чтобы нанести удар ботинком или бутылкой. Затем он залезал на лежанку, немного утихал, но через какое-то время вновь стряхивал с себя спальник и, сильно ругаясь, снова рвался в бой. Я же зарылся поглубже в спальник и крепко затянул его у себя над головой. Так прошла ночь: погоня Каца, минута тишины, шуршание и вновь погоня. Несмотря на все это, я отлично выспался.

Я ожидал, что Кац проснется в ужасном настроении, однако он держался бодренько.

– Нет ничего лучше, чем хороший сон. А еще, это точно была не лучшая ночь в моей жизни, – сказал он наутро и призывно хмыкнул. Оказалось, его веселое настроение объяснялось тем, что он смог убить целых семь мышей и был очень этому горд, просто ощущал себя гладиатором. На дне его бутылки остались клочки шерсти и чего-то розового. Я заметил это, когда он поднес ее к губам. Иногда меня, как и всех туристов, ужасало, на что способен человек вдали от цивилизации. Сейчас был тот самый момент.

Снаружи туман неумоимо пробирался между деревьями. Это утро сложно было назвать обнадеживающим. Когда мы вышли, дождь начал моросить, прежде чем превратился в опасный и безжалостный ливень.

Дождь портит все. Нет никакого удовольствия ходить в дождевике. Есть что-то удручающее в этом плотном, шелестящем куске нейлона и постоянно усиливающимся звуке его соприкосновения с каплями дождя. Самое отвратительное, что ты даже не остаешься сухим. Дождевик сохраняет тебя от дождя, но под ним ты жутко потеешь, и вскоре все равно оказываешься липким и мокрым. К обеду дождь только усилился. Мои ботинки не смогли сдержать своего обещания остаться сухими. Я промок насквозь, ботинки хлюпали при каждом моем шаге. В этом районе выпадает до трех метров осадков в год. Три метра. Это очень много. И нам досталось вдоволь.

Мы прошли 15,5 км до приюта «Спенс Филд», что было весьма скромным даже для нас, но мы промокли и безумно замерзли, тем более что до следующего приюта было слишком далеко. Почему руководство парка до сих пор не задумалось об этом? Оно прописывает строгие весьма идиотские правила для туристов, в которых сказано, что надо постоянно

двигаться вперед, никогда не сходить с тропы и каждый день ночевать в приюте. По сути это означает не только то, что вы обязаны проходить определенное количество километров в день, но и то, что вам придется ночевать с незнакомцами. Мы сняли всю мокрую одежду и полезли в рюкзаки за сухой, но даже вещи, лежавшие в самой их середине, были сырыми. В убежище имелся камин, и какой-то добрый человек оставил рядом с ним немного веток и поленьев. Кац попытался разжечь костер, но дрова и ветки были сырыми, поэтому напрочь не желали гореть. Даже спички не высказали ни малейшего желания зажечься. Кац с отвращением вздохнул и сдался. Я решил сварить кофе, чтобы согреться, но горелка повела себя столь же капризно.

Пока я возился с горелкой, послышалось знакомое шуршание дождевиков, вошли две испачканные и промокшие женщины. Они были из Бостона и начали свой путь со стороны Кейдз Ков. Через пару минут пришли еще четверо парней из университета «Уэйк Форест», потом к этой многочисленной компании присоединился уже знакомый нам Джонатан и, наконец, пришла пара бородатых мужчин средних лет. За последние пять дней мы не видели ни души, а тут внезапно оказались в толпе.

Все были вежливы и дружелюбны, но это не отменяло того факта, что в приюте не было места для всех нас. Мне уже не в первый раз пришло в голову, насколько прекрасно, действительно прекрасно было бы, если бы план МакКая был воплощен в жизнь. Ведь по его задумке вместо приютов на тропе должны были располагаться hostels с горячим душем, отдельными спальными местами и, конечно же, с занавесочками для уединения и светильниками, чтобы почитать книжку. В каждом таком hostele был бы комендант или повар, который должен был поддерживать огонь в камине и приглашать всех путников к столу, на котором стояло бы жаркое, пельмени, кукурузный хлеб и, допустим, персиковый коблер. Снаружи находилась бы веранда с креслом-качалкой, где можно было бы сидеть, курить трубку и смотреть, как вдалеке солнце заходит за очаровательные холмики. Как было бы чудесно! Обо всем этом я мечтал, сидя на краю лежанки и отчаянно пытаюсь вскипятить немного воды, когда один мужчина средних лет наклонился ко мне и представился Бобом. Я предчувствовал, что он заговорит о снаряжении, просто чувствовал это. А я ненавижу разговоры о снаряжении.

– И почему ты купил рюкзак Gregory? – спросил он.

– Ну, я подумал, что это будет удобнее, чем носить все в руках. – Он глубокомысленно кивнул, будто задумавшись над моим ответом, а затем сказал:

– У меня вот Kelty.

Меня жутко подмывало сказать: «У меня есть одна мысль, Боб. Мне глубоко на это насрать», но разговоры об экипировке – это то, чем тебе приходится заниматься, это как общаться с мамиными друзьями при встрече в магазине, поэтому я спросил:

– О правда? И как тебе?

– Очень нравится, – искренне ответил он, – и вот почему. – Он принес свой рюкзак, чтобы показать его во всей красе: карманы на застежках, отделение для карты, восхитительная способность хранить содержимое. Особенно он гордился раскрывающимся прозрачным карманом со встроенным зеркальцем, до краев заполненным лекарствами и витаминами.

– Это позволяет посмотреть, что находится внутри, не открывая сам карман, – объяснил он и посмотрел на меня, ожидая увидеть щенячий восторг.

Но в этот самый момент подошел Кац. Этот мастер по выклянчиванию еды уже жевал чью-то морковку. Он хотел было что-то спросить у меня, когда его взгляд упал на прозрачный карман Боба, и он сказал:

– Эй, погляди – кармашек с окошком. Это что, для людей, которые настолько тупы, что не знают, как его правильно открыть?

– Вообще-то это очень удобная функция, – сказал Боб выверенным тоном. – Это позволяет посмотреть, что находится внутри, не расстегивая карман.

Кац оглядел его по-настоящему недоверчивым взглядом:

– Ты что, типа так занят во время пути, что не можешь потратить бесценные три секунды, чтобы расстегнуть молнию и посмотреть внутрь? – И он повернулся ко мне: – Эти студентики хотят обменять печенье на «Сникерсы». Что думаешь?

– Вообще-то мне кажется, что это очень удобная функция, – повторил Боб себе под нос, взял свой рюкзак и больше нас не беспокоил.

К сожалению, все мои беседы о снаряжении всегда заканчивались примерно так: собеседник оскорбленно уходил, прижимая к груди свое драгоценное хозяйство. И поверьте, это никогда не входило в мои планы, правда.

Впечатления от Грейт-Смоки-Маунтинс буквально катились под гору. Мы шли четыре дня, и все четыре дня неустанно, отбивая бесконечный ритм, шел дождь. Тропа стала болотистой и скользкой. Лужи заполняли каждую впадину и каждый выступ. Грязь стала неотъемлемым атрибутом нашей жизни. Мы пробирались через нее, скользили и падали в эту самую грязь, вставляли на нее коленями, ставили на нее рюкзаки и оставляли ее

следы везде, где только можно. И конечно же, каждое наше движение всегда сопровождал монотонный и раздражающий звук дождевика. Он был настолько невыносимым, что я уже просто мечтал сжечь его по окончании похода. Ни медведя, ни саламандры, ни лисы. Я вообще ничего не увидел – только нескончаемые капли дождя, бьющие по моим очкам.

Каждую ночь мы останавливались в сырых приютах, готовили еду и спали с незнакомцами: кучей замерзших, промокших и уставших путников, которые были измождены и немного безумны из-за непрекращающегося ливня и безрадостного восхождения. Это было ужасно. Чем хуже была погода, тем теснее становилось в приютах. Весенние каникулы были в разгаре, и всем студентам с востока страны приспичило пойти в поход. Приюты в Смоки предназначались для участников многодневных походов, а не однодневных вылазок, тут редко обменивались словами. Это совсем не типично для Аппалачской тропы. И это было просто ужасающе.

На третий день у нас уже не было ни одной сухой вещи, и мы не переставая тряслись от холода. Наконец мы взобрались по грязи на высшую точку нашего пути – вершину Клингманс-Доум, от видов с которой в ясный день замирает сердце. Мы же ничего не увидели, ничего, кроме мутных очертаний умирающих деревьев в море тумана.

Промокшие до нитки, грязные с головы до ног, мы отчаянно нуждались в чистой и сухой одежде, сытном обеде и каком-нибудь досуге, не связанном с физическим или интеллектуальным напряжением. Пришло время отправиться в Гатлинбург.

Глава VIII

Новый маршрут

Но для начала нам надо было туда добраться.

От Клингманс-Доум до трассы US441, первой за последние четыре дня асфальтированной дороги после плотины Фонтана, было 13 км. Гатлинбург находится в 24 долгих и закрученных холмистых километрах к северу от нее. Это было слишком далеко для того, чтобы идти, но совсем маловероятно, что мы смогли бы найти того, кто согласился бы захватить нас с собой и подвезти. И тут на парковке неподалеку я заметил трех собирающихся домой молодых людей, загружающих рюкзаки в большую классную машину с номерами Нью-Гэмпшира. Сгоряча я подошел и представился им жителем Гранитного Штата, а также поинтересовался, смогут ли они позволить себе подкинуть двух измотанных стариков в Гатлинбург. Еще до того, как они начали возражать (а они точно собирались), мы поблагодарили их и залезли на задние сиденья. Так мы обеспечили себе удобный, но несколько мрачноватый проезд до Гатлинбурга.

Гатлинбург – шок для всех органов чувств, как на него ни посмотри, но только не когда ты натыкаешься на него после многих дней, проведенных в сыром и грязном одиночестве в лесу. Городок находится прямо напротив основного входа в парк Грейт-Смоки-Маунтинс и специализируется на предоставлении посетителям всех тех вещей, которых нет в парке, в основном – мерзкой еды, мотелей, сувенирных лавок и пешеходных дорожек, по которым можно бесцельно шляться. И большинство из этих вещей раскидано по его поразительно уродливой главной улице. На протяжении многих лет город преуспевает в понимании того, что когда американцы нагружают свои машины и едут на гигантские расстояния к месту расположения природного великолепия, единственное, чего хочет большинство из них, добравшись в Гатлинбург, так это сыграть в мини-гольф и съесть какой-нибудь гадкой еды. Национальный парк Грейт-Смоки-Маунтинс – самый популярный парк в Америке, но Гатлинбург, в это даже сложно поверить, популярнее парка.

Это место повергает вас в ужас. Но это нормально. После восьми дней на тропе мы были готовы ужаснуться, даже желали этого. Мы заселились в мотель, где были приняты с заметной теплотой, перешли главную дорогу,

при этом проезжающие по ней машины просигналили нам целых два раза (уввы, мы потеряли ловкость, пока были на тропе), и наконец остановились у заведения, называвшегося рестораном «Джерси Джо», где заказали себе чизбургеры и колу у непривлекательной, надувающей пузырями из жвачки официантки, которая просто отказывалась быть чуть доброжелательнее, несмотря на все наши широкие улыбки. Мы уже наполовину закончили свою простую и унылую трапезу, когда, проходя мимо, официантка положила нам на стол чек. В сумме вышло 20,74 доллара.

– Да вы шутите, – пробормотал я.

Официантка (давайте назовем ее Бетти Шлютц) остановилась и посмотрела на меня, затем подошла с важным видом к столику, оглядывая меня с величайшим презрением.

– У вас какие-то проблемы?

– Двадцать долларов – это слишком дорого за пару бургеров, не думаете? – пропищал я незнакомым мне голосом, смахивающим на голосок Берти Вустера. Она еще на секунду задержала на мне свой взгляд, затем взяла в руки чек и начала читать вслух, смакуя каждое слово:

– Два бургера. Две газировки. Налог на продажу от Штата. Городской налог на продажу. Налог на напитки. Чаевые. Итого: двадцать долларов и семьдесят четыре цента. – Она кинула чек обратно на стол и удостоила нас усмешкой: – Добро пожаловать в Гатлинбург, господа.

Действительно, добро пожаловать.

А потом мы пошли осмотреть город. Особенно мне хотелось посмотреть на Гатлинбург, потому что я читал о нем в прекрасной книге под названием «Затерянный континент». В ней автор описал главную улицу следующим образом: «По улице неспешно прогуливаются туда-сюда толпы толстых туристов в кричаще-яркой одежде, с камерами, подпрыгивающими на их брюхах, пожирающие мороженое, сахарную вату и горячую кукурузу, порой даже все вместе». Так было и сегодня. Те же кучи грушеобразных людей в кроссовках, блуждающие между ароматами еды, сжимающие в руках съестное и гигантские ведра напитков. Это было все то же убогое, отвратительное место, что и девять лет назад (кажется, пришло время признаться, что автором вышеназванной книги был я). И хотя толпа туристов внешне не претерпела особых изменений, город после стольких лет отсутствия я, признаюсь, едва узнал. Почти все здания, которые я помнил, были снесены и заменены новыми, в основном – небольшими торговыми центрами и магазинами, которые покрыли всю улицу и предоставили людям целую вселенную шопинга и еды.

В «Затерянном континенте» я перечислил все основные

достопримечательности Гатлинбурга такими, какими они были в 1987 году: «Зал славы Элвиса Пресли», «Национальный музей Библии», «Музей восковых фигур звезд Голливуда», «Музей Рипли «Верьте или Нет», «Музей исторических восковых фигур», гатлинбургская «Спейс-Нилл», кантри-шоу «Бонни Лу и Бастер», «Музей полиции Карло», «Выставочный центр Книги рекордов Гиннесса», «Зал звезд Ирлен Мандрелл» с торговым центром, парочка домов с привидениями и три других достопримечательности: «Хиллбилли вилладж», «Райский остров» и «Мир иллюзий». Из этих пятнадцати увеселительных заведений сохранились только три. Конечно, вместо них появились другие, к примеру, «Загадочный особняк», «Хиллбилли гольф», аттракционы «Моушн мастер». Я уверен, что и они будут заменены чем-нибудь еще через девять лет. Это ведь так по-американски.

Я знаю, что мир всегда находится в движении, но скорость изменений в США просто поражает. В 1951 году, в котором я родился, в Гатлинбурге был всего один торговый бизнес – магазин, называвшийся «Огл». Потом, когда послевоенная шумиха улеглась, люди начали приезжать посмотреть на Грейт-Смоки-Маунтинс на машинах. Стали открываться мотели, рестораны, заправки и сувенирные лавки. К 1987 году в Гатлинбурге было 60 мотелей и 200 сувенирных магазинов. Сейчас там уже 100 мотелей и 400 сувенирных магазинов. И самое удивительное, что в этом нет вообще ничего удивительного.

Учтите следующее: половина всех офисов и торговых центров, находящихся в Америке, была построена после 1980 года. Половина. Восемьдесят процентов всего жилищного фонда в стране датируется 1945 годом и последующими. Все эти комнаты мотелей в Америке (230 тысяч) были построены в последние пятнадцать лет. Выше по дороге из Гатлинбурга находится город Пиджен Фордж, который всего-то двадцать лет назад был тихой деревушкой. Нет, который пытался быть тихой деревушкой, известной только благодаря тому, что это родина королевы кантри Долли Партон. Как-то раз уважаемая мисс Партон построила там парк развлечений, который назвала «Долливудом». Теперь в Пиджен Фордж располагается примерно 200 фирменных магазинов, тянувшихся на три мили вдоль трассы, и он еще уродливее и больше, чем Гатлинбург, хотя там намного лучше парковка, и, конечно, там всегда больше туристов.

А теперь сравните все это с Аппалачской тропой. Ко времени нашего похода ей было пятьдесят девять лет. Это по американским стандартам довольно много. Орегонская тропа и тропа «Санта-Фе» не выдержали так долго. Трасса 66 не выдержала так долго. Даже простирающаяся от берега

до берега старая магистраль «Линкольн Хайвэй»; дорога, которая принесла жизнь и достаток в сотни маленьких городов, такая важная и дорогая сердцам американцев, известная как «главная улица Америки», не протянула так долго. Как и ничто в Штатах. Если продукт или фирма постоянно не меняется, то его упраздняют и отбрасывают без раздумий в пользу чего-то более крупного, нового и, несомненно, более уродливого. И все же у нас есть старая добрая Аппалачская тропа, до сих пор справляющаяся со всеми происходящими изменениями, просуществовавшая уже шесть десятилетий, незаменимая, прекрасная и верная своим начальным принципам, дающая забыть о том, что мир сильно меняется. Это действительно чудо.

Кацу нужны были шнурки, так что мы пошли в магазин одежды. И пока мы были в отделе шнурков, я немного осмотрелся. К стене была прикреплена карта Аппалачской тропы длиной в четырнадцать штатов, но с перевернутым восточным побережьем, что сделало тропу ориентированной на север и юг и позволило автору вместить ее в прямоугольник размером примерно в 15 см в ширину и 120 см в высоту. Я посмотрел на карту с вежливым, почти собственническим интересом: впервые после того, как мы покинули Нью-Гэмпшир, я увидел тропу полностью, а затем, с широко раскрытыми глазами и открытым ртом, подошел к ней поближе. Из 120 см карты, которая висела напротив меня от макушки до моих колен, мы прошли только верхние пять см.

Я вернулся, позвал Каца, привел его к карте, остановился и закатал рукава.

– Что? – спросил он. – Что?

Я показал ему карту.

– Ну да. И что? – Кацу не очень нравились загадки.

– Посмотри на карту, а потом посмотри, сколько мы прошли.

Он поднял глаза и посмотрел, потом посмотрел еще раз. Я пристально наблюдал за тем, как менялось выражение его лица.

– Господи... – вздохнул он наконец. Потом повернулся ко мне с ярко выраженным на лице изумлением. – Так мы вообще ничего не сделали.

Мы вышли, выпили по чашечке кофе, некоторое время посидели в полнейшей тишине. Все, что мы прошли, в чем преуспели, все наши усилия и труды, вся боль, сырость, горы, ужасные головные боли, бури, мрачные вечера с Мэри Эллен, бесконечная усталость, тяжело пройденные мили – все это оказалось всего двумя дюймами на карте. Да у меня волосы отросли больше за это время. Мы не понимали: как это?

Только одно было очевидно. Мы никогда не дойдем до Мэна.

С одной стороны, это было облегчением. Если мы не сможем пройти всю тропу, то и не надо. Ведь это было всего-навсего сюжетом, который просто казался нам все более привлекательным по мере его обсуждения. Мы были свободны от обязательств. Весь наш адский труд, все это скучное, сумасшедшее и довольно бессмысленное ползание по каждому дюйму горной местности между Джорджией и Мэном все закончено. Теперь мы могли заняться самими собой.

Так что на следующее утро после завтрака мы разложили карты на моей кровати и попытались изучить свои возможности. В итоге мы решили вернуться на тропу не к Ньюфанд-Гэп, где с нее сошли, а немного дальше, к месту под названием Спайви-Гэп, находившемуся недалеко от Эрнствиля. Так мы будем за пределами Грейт-Смоки-Маунтинс с их людными приютами и дурацкими правилами, а значит, сможем оказаться там, где будем предоставлены сами себе. Я открыл телефонный справочник, чтобы найти такси. В Гатлинбурге работало три компании. Я позвонил в первую.

– Сколько стоит поездка на двоих до Эрнствиля? – спросил я.

– Не знаю, – таков был ответ.

Это меня немного обескуражило.

– А как вы думаете, сколько это выйдет?

– Не знаю.

– Но это просто дальше по дороге.

Возникла многозначительная пауза, а затем голос сказал:

– Ага.

– Вы туда кого-нибудь возили раньше?

– Не-а.

– Ну... По карте это примерно двадцать миль. Это так?

Еще пауза:

– Возможно.

– И сколько будет стоить проехать эти двадцать миль?

– Не знаю.

Я посмотрел на телефон:

– Простите, но я должен это сказать. Вы тупее золотой рыбки.

И я повесил трубку.

– Может, это и не мое дело, – задумчиво протянул Кац, – но я не уверен, что это лучший способ для того, чтобы обеспечить себе хорошее обслуживание.

Я позвонил в другую компанию и спросил, сколько будет стоить поездка до Эрнствиля.

– Не знаю, – ответили мне.

(О боже ты мой!)

– А зачем вам туда? – спросил голос.

– Простите?

– Зачем вам в Эрнствиль? Там ничего нет.

– Ну, вообще-то мы хотим пойти в Спайви-Гэп. Мы путешествуем по Аппалачской тропе, понимаете?

– До Спайви-Гэп оттуда еще пять миль.

– Да, но я не понимаю...

– Вам надо было сказать это, потому что до Спайви-Гэп еще пять миль.

– Ладно, тогда сколько будет стоить поездка до Спайви-Гэп?

– Не знаю.

– Простите, а обязательно надо быть очень тупым, чтобы стать таксистом в Гатлинбурге?

– Что?

Я повесил трубку и посмотрел на Каца:

– Что-то не так с этим городом? Даже в тряпке больше интеллекта!

Я позвонил в третью и последнюю компанию и спросил, сколько стоит доехать до Эрнствилия.

– А сколько у вас есть? – по-боевому пролаял голос.

Вот с этим парнем можно будет делать дела. Я ухмыльнулся и сказал:

– Я не знаю. Полтора доллара?

В ответ голос только фыркнул:

– Ну, это будет стоить намного больше. – Пауза и звук отодвигающегося стула. – Конечно, все зависит от счетчика, понимаете, но я думаю, что выйдет двадцать баксов или около того. А зачем вам в Эрнствиль?

Я объяснил ему про Спайви-Гэп и тропу.

– Аппалачская тропа? Вы, должно быть, чертов дурень! Когда вам надо ехать?

– Я не знаю. Как насчет сейчас?

– Где вы находитесь?

Я сказал ему номер мотеля.

– Буду через десять минут. Через пятнадцать минут на улице. Если я не приеду через двадцать минут, идите вперед, а я вас догоню в Эрнствиле, – и он повесил трубку.

Мы нашли не только водителя, но еще и клоуна.

Пока мы ждали такси на лавочке у мотеля, я купил в автомате выпуск Nashville Tennessean, чтобы узнать, что происходит в мире. В передовице

сообщалось, что власти штата, освещающие все то, от чего обычно отгораживали себя южные штаты, находятся в процессе принятия закона о запрете на преподавание в школах теории эволюции. Вместо этого они собираются учить тому, что когда-то до начала века наша планета была создана Богом за семь дней. В статье напомнили, что это не такое уж и нововведение в Теннесси. Городок Дэйтон (не так далеко от места, где, как оказалось, мы с Кацем сейчас находились) был местом проведения в 1925 году знаменитого «Обезьяньего процесса», когда штат наказал учителя по имени Джон Томас Скоупс за необдуманное распространение дарвинистской чепухи. Как известно почти всем, Клэрэнс Дэрроу, защищая его, откровенно оскорбил популярного в то время политика Уильяма Дженнингса Брайана из-за приговора, но то, чего большинство не понимает, так это, что Дэрроу проиграл дело. Скоупсу вынесли приговор. И закон не менялся в Теннесси до 1967 года. Сейчас же в штате собираются вернуть его, окончательно доказывая, что основная опасность для теннессийцев состоит не в том, что они произошли от обезьян, а в том, что они не так-то сильно их обогнали.

Вдруг, я не очень-то сейчас могу объяснить почему, но вдруг у меня возникло желание покинуть эти дальние юга и не находиться тут больше. Я повернулся к Кацу:

– Почему бы нам не поехать в Вирджинию?

– Что?

Кто-то из горного приюта пару дней назад сказал, как здорово и приятно путешествовать по горам Блу-Ридж в Вирджинии. С самого начала, как вы туда попадаете, вы ходите, любясь прекрасными видами на широкую долину реки Шенандоа. Люди обычно проходят там примерно 40 км в день. В мокром залитом приюте это звучало как Ксанаду (насколько помню, так называлась китайская провинция, где какой-то хан в древности разбил необыкновенно красивый сад), поэтому-то идея рвануть в Вирджинию и пришла мне в голову. Я объяснил ход своих мыслей Кацу.

Он сел напротив, пристально на меня посмотрел и произнес:

– Ты говоришь, мы оставим участок тропы отсюда и до Вирджинии? Не пройдем его? Пропустим? – Он, казалось, хотел удостовериться в том, что понял все верно.

Я кивнул.

– Хорошо, черт побери!

В общем, когда минутой позже появился и вышел из машины водитель, чтобы посмотреть на нас, я начал объяснять ему (медленно и запинаясь, потому как особо ничего еще не обдумал), что мы не хотим

больше ехать в Эрнствиль, а хотим в Вирджинию.

– В Вирджинию? – сказал он таким тоном, как будто я спросил, где тут в округе мы смогли бы подцепить сифилис. Он был небольшим и низкорослым мужиком, но как будто отлитым из железа, как минимум семидесяти лет, но красивее меня и Каца, вместе взятых. Он уловил мою мысль еще до того, как я полностью все объяснил.

– Ну, тогда вам нужно добраться до Кноксвилля, а там уже взять машину до Роанока. Вот что вам нужно.

Я кивнул:

– А как мы доберемся до этого Кноксвилля?

– Ну а что вы думаете о такси? – пролаял он, глядя на меня так, как будто я был непроходимым тупицей. Я подумал, что у него или имеются проблемы со слухом, или он просто любит орать на людей.

– Стоить это будет примерно пятьдесят баксов, – деловым тоном произнес он.

Мы с Кацем переглянулись.

– Хорошо, – согласился я, и мы залезли в машину.

Вот так вот мы и оказались на пути в Роанок к прекрасным горам старой Вирджинии.

Глава IX

Невозможное возможно

В 1948 году Эрл В. Шаффер, молодой человек, недавно уволившийся из армии, стал первым, кто смог за одно лето совершить путешествие по Аппалачской тропе от начала до конца. Не имея палатки и ориентируясь исключительно по карте, он находился в пути 123 дня, с апреля по август, проходя в среднем 27 км в день. Совершенно случайно, пока он путешествовал, журнал «Новости Аппалачской тропы», принадлежащий Комитету по Аппалачской тропе, опубликовал большую статью, написанную Майроном Эвери и редактором журнала Джином Стивенсоном, в которой объяснялось, что путешествие по тропе из конца в конец представлялось невозможным.

Та тропа, по которой шел Шаффер, совсем не походила на расчищенный и аккуратный путь, каким мы видим его сегодня. Хотя с момента полного завершения тропы тогда прошло только 11 лет, уже к 1948 году о ней стали постепенно забывать. Шаффер обнаружил, что большая часть тропы либо покрылась дикими зарослями, либо была вообще расчищена из-за масштабной заготовки леса. Укрытий было мало, зарубок на деревьях вообще не было. Ему постоянно приходилось пробираться сквозь запутанную цепь гор, либо же он сбивался с пути, когда тропа разветвлялась. Иногда он выходил к шоссе и понимал, что находится в нескольких километрах от нужного ему места. Он не раз обнаруживал, что местные либо не знают о существовании тропы, либо если и в курсе, то удивляются, узнав, что она простирается от Джорджии до Мэна. Часто к нему относились с подозрением.

С другой стороны, в отличие от наших дней, даже в самых замшелых деревушках тогда почти всегда был магазин или кафе. И обычно, когда Шаффер сходил с пути, он мог быть уверен, что сможет поймать местный автобус и доехать до ближайшего городка. Хотя за четыре месяца ему не попался ни один путешественник, на тропе существовала другая реальная жизнь. Он часто проходил мимо небольших ферм и хижин или встречал пастухов, пасущих скот на залитых солнцем вершинах гор. Все это теперь давно в прошлом. Сегодня Аппалачская тропа стала совсем дикой. Она одичала сама по себе, а точнее, по распоряжению, так как многое из того, что встречалось Шафферу на его пути, было позднее в принудительном

порядке раскуплено. В 1948 году на востоке Соединенных Штатов имелось в два раза больше певчих птиц, чем сегодня. Деревья не были поражены болезнями, за исключением каштанов. Кизил, вяз, болиголов, бальзамическая пихта и красная ель произрастали в изобилии. Более того, в его личном распоряжении находились 3200 км тропы.

Когда Шаффер в начале августа завершил свое путешествие, спустя четыре месяца со дня отправления, и доложил о своем достижении в главный офис комитета, никто ему на самом деле не поверил. Ему нужно было предоставить членам комитета фотографии и походный дневник, после чего пройти через «очаровательный, но тщательный допрос», как он выразился в своей книге-отчете о путешествии под названием «Весенние прогулки», пока в его историю окончательно не поверили.

Когда же о путешествии Шаффера стало известно, его история привлекла немало внимания. Журналисты постоянно брали у него интервью, серьезную статью опубликовала National Geographic. Так Аппалачская тропа понемногу стала оживать. Но пешие путешествия всегда мало интересовали американцев, и в последующие несколько лет Аппалачская тропа была снова повсеместно забыта всеми, кроме некоторых твердолобых и эксцентричных личностей.

В начале шестидесятых был предложен план по расширению живописного шоссе «Блю Ридж Парквэй» к югу от Грейт-Смоки-Маунтинс путем застройки южной части Аппалачского пути. Этот план провалился (из-за финансовых проблем, а не в знак чьего-либо протеста), при этом остальная часть тропы была либо кем-то присвоена, либо превратилась в изрытый колеями и страшно грязный маршрут, пролегающий через торговые зоны. В 1958 году, как мы могли видеть, южная часть тропы от горы Оглторп до горы Спрингер была отрезана от общего маршрута. К середине шестидесятых любой, кто внимательно следил за судьбой Аппалачской тропы, понимал, что отныне она представляет собой отдельные и совсем не связанные друг с другом клочки земли: одна часть в районе Смоки Маунтинс и в национальном парке Шенандоа, другая – в виде заброшенных троп – путь из Вермонта в Мэн, пролегающий по отдаленному национальному парку. В остальном же тропа была погребена под гипермаркетами и строящимися домами. Большая ее часть пересекала частные владения, и новые хозяева часто сводили на нет негласное право прохода путешественников по чужой земле, способствуя их беспорядочному и спешному перебазированию на оживленные шоссе или другие государственные дороги. Честно скажу, едва ли Бентон МакКей именно так представлял себе дикую лесную тишь. Можно было решить,

что Аппалачская тропа снова обречена.

Затем (и это была совершеннейшая случайность) министром внутренних дел США стал Стюарт Юдалл, который очень любил путешествовать. Согласно его распоряжению, в 1968 году был принят «Акт о национальных пеших маршрутах». Закон, хотя и весьма масштабный, был плохо проработан. Согласно закону, 40 233 км новых пеших маршрутов должны были быть проложены по всей Америке. Но, увы, большинство из них так никогда и не было построено. Однако строительство маршрута «Пасифик Крест» обеспечило будущее Аппалачской тропе, фактически дав ей статус национального парка. Также, начиная с 1978 года, было выделено 170 млн долларов на покупку частных земель, чтобы создать буферную зону посреди этой глуши. Теперь почти весь путь проходил через охраняемые природные территории. Всего лишь 33 км пути, менее одного процента от общей протяженности тропы, приходилось на государственные дороги. В основном на мосты и дороги, проходящие через города.

Спустя полвека после путешествия Шаффера около четырех тысяч человек повторили его подвиг. Существует два типа походников от одного конца тропы до другого: те, кто совершает путешествие за один сезон (это зовется полным путешествием), и те, кто разбивает маршрут на части, то есть путешествует по секциям. Рекорд самого длительного путешествия по секциям составляет сорок шесть лет. Комитет по Аппалачской тропе не признает рекорды скорости, объясняя это тем, что это не в духе их предприятия, но людей это не останавливает. В восьмидесятых человек по имени Уорд Леонард, с полным рюкзаком на спине и без экипажа поддержки, прошел тропу за 60 дней и 16 часов – невероятное по своему масштабу достижение, если учесть, что на машине эту дистанцию можно проехать за пять дней. В мае 1991 года «супербегун» Дэвид Хортон и непоколебимый Скотт Грирсон отправились в путь с разницей в два дня. У Хортона была целая сеть из экипажей поддержки, ожидающих его на пересечении дорог и других стратегически важных мест, поэтому с собой у него была лишь бутылка воды. Каждый вечер машина увозила путешественника в мотель или в частный дом. Он преодолевал 61 км в день, пробегая по 10 или 11 часов. В это время Грирсон просто шел, но ему удавалось идти не менее 18 часов в день. На тридцать пятый день в Нью-Гэмпшире Хортон в конечном счете обогнал Грирсона и достиг своей цели за 52 дня и 9 часов. Грирсон же дошел до конца пути только через пару дней.

Полное путешествие совершили самые разные люди. Один мужчина прошел тропу в восьмидесятилетнем возрасте. Другой прошел этот путь на

костылях. Слепой мужчина по имени Билл Ирвин прошел тропу с собакой-поводырем и в процессе упал по приблизительным подсчетам пять тысяч раз. Пожалуй, больше всего прославилась и получила внимание журналистов и писателей «бабуля» – Эмма Гейтвуд, дважды покорившая тропу, уже когда ей было прилично за шестьдесят. И это, несмотря на свою эксцентричность, плохую экипировку, некую неразумность (серьезную неразумность, если быть откровенным, но не хочу показаться недоброжелательным) и опасность для самой себя (она постоянно сбивалась с пути). Моим любимчиком, однако, является парень по имени Вудро Мерфи из Пепперелла, что находится в штате Массачусетс, который совершил полное путешествие летом 1995 года.

Он бы в любом случае стал моим любимчиком, хотя бы потому что его зовут Вудро, но он мне особо полюбился после того, как я прочитал, что он весил 158 кг и решил отправиться в путешествие, чтобы сбросить лишний вес. В первую неделю своего пути он проходил всего по пять миль в день, но не сдавался, и уже к августу, когда он достиг своего родного штата, Мерфи ускорился до дюжины миль в день. Он сбросил 24 кг – суцая ерунда, если учесть все обстоятельства, и намеревался проделать этот путь снова на следующий год.

Большая часть непрерывно путешествующих доходит до горы Катадин, затем разворачиваются и отправляются обратно в Джорджию. Они просто не могут перестать идти, что заставляет задуматься. На самом деле чем больше читаешь о полных путешествиях, тем сильнее не перестаешь удивляться. Взять, к примеру, слепого Билла Ирвина. После похода он сказал: «Мне никогда не доставляло удовольствия все, что касалось пешего путешествия. Я просто был вынужден это делать. Это не мой личный выбор». Или Дэвид Хортон, «супербегун», который установил рекорд скорости в 1991 году. Хортон, согласно его словам, был «умственно и эмоционально раздавлен», а большую часть пути в Мэне он провел безудержно плача. Зачем же ты это делал тогда, дурачина? Даже старый добрый Эрл Шаффер стал отшельником в лесной глуши Пенсильвании. Поверьте, я не хочу сформировать у читателя представление, что путешествие по Аппалачской тропе сводит вас с ума, просто для этого нужно иметь особый характер.

Хотелось ли мне забросить мою затею, если уж старушка в кедах, колобок Вудро и еще более 3900 других путешественников смогли добраться до Катадин? Если честно, то очень. Но я все равно намеревался пройти Аппалачскую тропу, просто я не собирался отшагать каждую ее часть. Представьте себе, что мы с Кацем проделали уже полмиллиона

шагов. Пройти еще четыре с половиной миллиона не казалось нам столь существенным, чтобы проникнуться сутью этой идеи.

Итак, мы поехали в Ноксвилль на такси с комичного вида водителем, взяли напрокат машину в аэропорту и после полудня направились к северу от Ноксвилля через почти забытый нами мир оживленного трафика, навесных светофоров, гигантских перекрестков, огромных знаков, а также мелькающих то и дело универмагов, заправок, магазинов уцененных товаров, центров переработки отходов, парковок и всего прочего. Даже спустя день в Гатлинбурге смена обстановки просто поражала. Помнится, я как-то читал, как допотопных индейцев из бразильских джунглей, которым был неведом мир за их пределами, вывезли в Сан-Паулу или в Рио, и когда они увидели здания, автомобили, пролетающие в небе самолеты, то все одновременно намочили в штаны. Теперь я их в какой-то степени понимаю.

Контраст невероятно поразителен. Когда идешь по Аппалачскому пути, лес становится твоей вселенной, бесконечной и необъятной. Это все, с чем ты сталкиваешься каждый день. В конце концов, ничего другого ты себе и вообразить не можешь. Конечно, ты понимаешь, что где-то за горизонтом лежат могучие города, оживленные заводы, шоссе с интенсивным движением, но в этой части страны, где деревья покрывают ландшафт в обозримых пределах, балом правит лес. Такие городки, как Франклин и Хайавасси, и даже Гатлинбург, воспринимаются тобой как перевалочные пункты, удобно разбросанные по огромной вселенной леса.

Но стоит сойти с тропы, сойти полностью и уехать куда-нибудь, как мы сейчас, начинаешь понимать, как же ты невероятно заблуждался. Горы и леса здесь всего лишь фон – знакомый, привычный и близкий, но не более важный и заметный, чем облака, проплывающие над горами. Вся настоящая жизнь теперь оказалась рядом. Она так или иначе затрагивала тебя: все эти заправки, «Валмартс», «К-мартс», «Данкин Донатс», «Блокбастер видео» – бесконечный парад коммерческой убогости, предстающий перед твоим взором.

Даже Кацу было от этого не по себе. «Боже, какое уродство», – выдохнул он с удивлением, как будто ничего подобного раньше не видел. Я посмотрел, куда направлен его взгляд, и увидел огромный торговый центр с гигантской парковкой размером с прерию, после чего не смог с ним не согласиться. А затем мы одновременно намочили в штаны.

Глава X

Аппалачские леса

У Ашера Брауна Дюрана есть картина под названием «Родственные души», которую часто воспроизводят в книгах, когда речь идет об американском пейзаже девятнадцатого века. Эта картина, написанная в 1849 году, изображает двух мужчин, стоящих на уступе скалы в Катскильских горах на фоне невероятного затерянного уголка мира, которые выглядят так, словно они вот-вот отправятся в путешествие, хотя оба человека на картине облачены в одежду, подобающую скорее для работы в какой-нибудь конторе – в длинных плащах и при галстуках. Под ними, между беспорядочными грядами скал, прямо во мрак бездны устремляется вниз горная река. За ними открывается шикарный вид на недостижимые голубоватые горы, проглядывающие сквозь гущу листвы. По правую и левую сторону от мужчин, пытаюсь втиснуться в композицию, расположились беспорядочные ряды деревьев, которые исчезают во всепоглощающей тьме.

Не могу передать, как сильно я хочу окунуться в эту картину. Ее пейзаж столь очевидно дикий, а глушь столь очевидно труднопроходимая, что все это вызывает в вас безрассудное искушение. Несомненно, вы бы погибли здесь. Возможно, вас растерзала бы пума, или вас оглушили бы томагавком, а может, вы бы просто потерялись и блуждали, сбитые с толку, пока не встретили свою смерть. Это можно понять с первого взгляда. Но вы ничего не бойтесь. И через минуту-другую уже изучаете передний план картины, пытаюсь найти путь вниз по течению над крутыми скалами, и размышляете, можно ли через ту расселину, что виднеется впереди, добраться до ближайшей долины. Прощайте, друзья. Судьба зовет. Не ждите к ужину.

Таких пейзажей уже не существует. А может быть, что и никогда и не существовало. Неизвестно, какие вольности позволил себе этот фронт: то ли, что было на самом деле, вышло из-под рьяных мазков его кисти. В конце концов, кто бы, будь у него мольберт, складной стул, набор красок и необычный вид дикой природы, полной опасностей, не ринулся бы нарисовать нечто величественное и утонченное, особенно в жаркий июльский денек.

И пусть Аппалачи доиндустриальной эпохи выглядели, возможно, не

столь нетронутыми цивилизацией и волнующими, как на картинах Дюрана и подобных ему художников, но в любом случае они, должно быть, представляли собой действительно необычайное зрелище. Трудно представить, как мало было известно людям и каким многообещающим казался в былые времена мир, лежащий за пределами восточной береговой линии. Когда известный просветитель и политик Томас Джефферсон в 1803 году отправил Льюиса и Кларка в их знаменитую сухопутную экспедицию по Америке на нетронутые территории, он не сомневался, что они встретят там мохнатых мамонтов и мастодонтов. Если бы тогда уже знали о динозаврах, он, что вполне вероятно, попросил бы их принести ему миленького такого трицератопса.

Первые люди с востока, осмелившиеся войти в самую глубь чащи (индейцы, разумеется, побывали там примерно где-то за 20 тысяч лет до них), не искали доисторических животных. Да и путь на Запад с целью освоения новых земель их не интересовал. Они искали растения. Ботаническое разнообразие Америки невероятно завораживало европейцев, поэтому на этом можно было заработать деньги и снискать себе славу. Восточная часть леса изобиловала растительностью, доселе неведомой Старому Свету, и ученые, как и энтузиасты-любители, с особым рвением желали найти здесь что-то новенькое. Представьте, если бы завтра космический корабль обнаружил джунгли, растущие под газовыми облаками Венеры. Только подумайте, сколько, предположим, заплатил бы Билл Гейтс за какое-нибудь экзотическое венерианское растение с усиками и фиолетовыми лепестками, лишь бы поставить его в горшок в своей оранжерее.

Таким для европейцев был в XVIII веке рододендрон, а также камелия, гортензия, черешня, рудбекия, азалия, астра, оноклея, катальпа, каликант, венерина мухоловка, пятилистный плющ и молочай. Эти растения, а также сотни других были собраны в американских лесах, доставлены по морю в Англию, Францию и Россию, где их приняли с алчной страстью и дрожащими руками.

Все началось с Джона Бартрэма, а если точнее, с открытия табака. Но с научной точки зрения все началось именно с Бартрэма – квакера из Пенсильвании, рожденного в 1699 году, который проявил интерес к ботанике и начал посылать семена растений и их черенки своему другу-квакеру в Лондон. В надежде обнаружить новые виды он отправился в смелое путешествие в глушь леса, иногда проходя тысячи миль через пересеченную гористую местность. Хотя Бартрэм был самоучкой, никогда не изучал латынь и имел скудное представление о классификации Линнея,

он был передовым собирателем живых растений, а еще обладал необъяснимым мастерством в поиске и распознавании неизвестных видов. Из восьми сотен растений, обнаруженных в Америке колониального периода, Бартрэм нашел почти четверть. А его сын Уильям открыл еще больше.

До конца века восточные леса были просто заполнены ботаниками. Это были Питер Калм, Ларс Юнгстрем, Константэн Самюэль Рафинеск-Шмальц, Джон Фрейзер, Андре Мишо, Томас Наттелл, Джон Лайон и несчетное число других ученых. Там в этот период побывало столько людей, что зачастую не представляется возможности определить с точностью, кто что открыл. В зависимости от того, какому источнику принадлежат эти данные, можно утверждать, что Фрейзер обнаружил либо сорок четыре новых растения, либо двести пятнадцать, либо где-то в этом промежутке.

Одним из его неоспоримых открытий стал ароматный южный бальзам фрейзеровской ели, которая столь часто встречается в высокогорьях Северной Каролины и Теннесси. Но его имя ель получила благодаря тому, что он взобрался на вершину Клингманс-Доума до того, как это успел сделать его соперник Мишо.

В течение весьма значительного отрезка времени эти люди действовали с потрясающим размахом. Одна из экспедиций Бартрэма-младшего длилась почти пять лет, и он ушел в глубь леса настолько далеко, что его списали со счетов, считая без вести пропавшим. Когда же он вернулся из леса, то с удивлением узнал, что Америка уже целый год воевала с Великобританией, что послужило причиной бесследного исчезновения его руководства. Мишо путешествовал из Флориды до Гудзонского залива, а Наттелл, известный своим героизмом, отважился дойти до самых берегов Верхнего озера, куда он шел пешком за нехваткой средств.

Зачастую они собирали чрезвычайно много растений, если не сказать, непомерно много. Лайон сорвал 3600 побегов крупнолистной магнолии всего с одного холма и еще тысячу других растений, включая красивый красный цветок, из-за которого он впал в горячку, а все его тело покрылось одним сплошным волдырем. Как оказалось, он нашел ядовитый сумах. В 1765 году Джон Бартрэм обнаружил особенно прекрасную камелию *Franklinia Altamaha*, которая уже к тому моменту была редкостью, а за двадцать пять лет полностью вымерла. Сегодня она выжила только в культивированном виде. И это полностью заслуга Бартрэма. В это время Рафинеск-Шмальц провел семь лет, скитаясь по Аппалачам, ничего особо

не обнаружил, но собрал 50 тысяч семян и черенков.

Как им это удалось, остается для меня загадкой. Каждому растению нужно было дать описание и имя, нужно было собирать их семена и срезать черенки. Последние нужно было посадить в горшок, обернув плотной бумагой или парусиной. Их необходимо было поливать и за ними нужно было ухаживать, а еще их нужно было вынести каким-то образом из чащи в цивилизованный мир. Лишения и невзгоды поджидали натуралистов неустанно и в большом количестве. Всюду их подстерегали медведи, змеи и пантеры. Сын Мишо был сильно ранен медведем, набросившимся на него из-за деревьев. (Черные медведи в те времена, похоже, были значительно яростнее, так как почти в каждом дневнике описывались случаи их внезапных и ничем не спровоцированных атак на человека. Вполне вероятно, что медведи восточной части Америки стали менее агрессивными, потому что научились ассоциировать людей с оружием.) Индейцы тоже были в основном враждебными, хотя нередко смущались при виде европейского джентльмена, тщательно собирающего растения, которые и так росли в изобилии. Также проблемой были такие болезни, как малярия и желтая лихорадка. «Я не знаю никого, кто вынес бы такое утомительное путешествие и составил мне компанию», – устало жаловался Джон Бартрэм в письме своему боссу в Англии. И неудивительно.

Но очевидно, что оно того стоило. Цена особо дорогого семени могла доходить до двадцати одного шиллинга. За одно путешествие Джон Лайон получил чистыми 900 фунтов после вычета расходов, что составляло весьма значительную сумму, а на следующий год он вернулся и заработал почти столько же. Фрейзер совершил одно длительное путешествие, которое спонсировалось Екатериной Великой, императрицей России, а когда вернулся из глуши лесов, то узнал, что в России уже правит новый царь, которому растения были неинтересны и который счел Фрейзера безумцем и отказался платить ему по контракту. Поэтому Фрейзер все взял с собой в Челси, где у него был небольшой питомник растений, и прилично на этом заработал, продавая азалии, рододендроны и магнолии английскому дворянству.

Некоторые делали это ради простого удовольствия обнаружить что-нибудь новое. Особенно вызывает восхищение Томас Наттелл, умный и профессиональный работник типографии без образования из Ливерпуля, отправившийся в Америку в 1808 году. Здесь он неожиданно увлекся растениями, поэтому предпринял два долгих похода, которые оплатил из своего кармана. Он совершил множество важных открытий и щедро одарил найденными им растениями «Ливерпульский ботанический сад», ни на

минуту не задумавшись о том, что мог бы на этом обогатиться. Всего за девять лет, с самого нуля, он стал ведущим специалистом по американским растениям. В 1817 году Наттелл выпустил (в прямом смысле, потому что не только написал, но и сам напечатал) свой главный труд «Виды североамериканских растений», который большую часть века считался основной энциклопедией американской ботаники.

Четыре года спустя его назначили руководителем ботанического сада в Гарварде, где он проработал десяток лет, а также успел стать ведущим специалистом по птицам, выпустив в 1832 году в печать известный труд по американской орнитологии. Он был, по всеобщему признанию, весьма приятным человеком, которого уважал любой, кто имел честь с ним познакомиться. По крайней мере, так о нем рассказывают.

Уже во времена Наттелла леса преобразались. Пантеры, лоси и серые волки истреблялись, как и бобры и медведи. Могучие первичные веймутовы сосны в северных частях леса, достигающие 220 футов в высоту (с двадцатипятиэтажное здание), вырубались для изготовления корабельных мачт или для того, чтобы освободить землю под фермерские угодья. Почти все они были повалены еще до окончания века. Повсюду витал дух некоего безрассудства, возникшего из-за ощущения, что американский лес никогда не истощится. Двухсотлетние пеканы подрубались, чтобы легче было собрать урожай с самых высоких веток. С каждым уходящим годом картина леса ощутимо менялась. И только одна вещь осталась в изобилии совсем до недавнего времени, сохранив тем самым ощущение первородного леса, подобного эдемским садам. Это был могучий и грациозный американский каштан.

Дерева, подобно этому, не существует. Возвышаясь на сотню футов над лесным покровом, оно распустило свои ветви, каждой из которых нет равных по своей пышности. На одном дереве растут тысячи листьев, а на всех деревьях леса – порядка миллиона. И хотя каштан и вполнину ниже, чем восточные сосны, он по своей массе и симметрии является деревом совсем другого порядка. На уровне земли, в полную высоту, его ствол достигает трех метров в диаметре, а обхват – более семи метров.

Я как-то видел фотографию, сделанную в начале прошлого века, на которой были запечатлены люди, устроившие пикник в каштановой роще, недалеко от того места, которое мы с Кацем проходили, известного как национальный заповедник «Джордж Вашингтон». На фотографии изображена группа людей в пышных одеждах в погожий воскресный день – дамы с закрытыми зонтиками и мужчины с пышными усами и со шляпами-котелками на голове. Они удобно расположились на покрывале на полянке,

позади которой в косых лучах света виднеются стволы деревьев невероятной величины. Люди на фотографии казались такими маленькими, такими смехотворно крошечными по сравнению с деревьями, что ты невольно задумывался: не шутка ли это, подобная старым открыткам с забавным названием «Типичная ферма Айовы», на которых арбузы были размером с амбар, а початок кукурузы помещался в тележку. Но все эти огромные каштаны на самом деле существовали. И такая картина наблюдалась на десятках тысяч квадратных миль холмов и бухт от обеих Каролин до Новой Англии. Увы, всего этого больше нет.

В 1904 году смотритель Бронкского зоопарка в Нью-Йорке заметил, что их статные каштаны покрылись доселе неизвестными маленькими оранжевыми червоточинами. В течение нескольких дней деревья начали болеть и погибать. К тому времени, когда ученым удалось установить, что деревья поразил гриб *Endothia parasitica*, вероятно, завезенный вместе с древесиной, поставляемой из Азии, все каштаны погибли, а гриб распространился в гигантских масштабах в Аппалачах, где каждое четвертое дерево было каштаном.

Несмотря на свою массивность, дерево – очень хрупкий организм. Вся его внутренняя жизнедеятельность сосредоточена в трех тонких, словно бумага, слоях ткани. Это луб, древесина и камбий, расположенные прямо под корой, которые вместе образуют влажный рукав, обволакивающий мертвую сердцевину. Каким бы высоким ни было дерево, само оно представляет собой несколько футов живых клеток, распределенных тонким слоем от корней до листвы. Эти три неустанно функционирующих слоя выполняют все необходимые для поддержания жизни дерева химические и строительные функции, а результат, которого они достигают, является настоящим чудом природы.

Не издавая шума, каждое дерево в лесу (если взять взрослое дерево в жаркий день) перегоняет огромный объем воды – несколько сотен галлонов, которые стремительно поднимаются вверх от корней к листьям, чтобы потом вернуться в атмосферу. Только представьте шум, гам и гул оборудования, которое бы потребовалось пожарникам, чтобы доставить такой объем воды на высоту, равную высоте дерева. А доставка воды всем частям дерева – это лишь одна из функций, которые выполняют луб, древесина и камбий.

Они также производят лигнин и целлюлозу, регулируют накопление и производство танина, камеди, масел и смол, распределяют минералы и питательные вещества, преобразуют крахмал в сахар для дальнейшего роста дерева (вот так и появляется кленовый сироп), и Бог знает, что еще

они делают. Но поскольку все это происходит в столь тонком слое, то это делает дерево невероятно уязвимым перед паразитами. Чтобы бороться с ними, деревья вооружились отлаженными механизмами защиты. Именно поэтому, к примеру, гевея вырабатывает млечный сок, если ее повредить, как бы говоря насекомым и другим организмам: «Я невкусная. Тут для тебя ничего нет, уходи». Деревья могут также отпугивать гусениц, наполняя свои листья танином, из-за чего они становятся менее вкусными, чем вынуждают гусениц искать еду в другом месте. Когда на дереве появляется особо много других организмов, некоторые из них могут даже сообщить об этом другим деревьям. Отдельные виды дубов испускают вещество, которое сообщает другим дубам, что поблизости происходит атака паразитов. В ответ на это предупрежденные своими сородичами дубы начинают выработку танина, чтобы противостоять грядущему нападению.

Разумеется, так работает вся природа. Проблема возникает, когда на дерево нападает враг, к которому эволюция его не готовила. И редко когда дерево было столь беспомощно, как американский каштан перед *Endothia parasitica*.

Грибок проникает в дерево без особых усилий, пожирает клетки его камбия и готовится нанести удар следующему дереву еще до того, как дерево успело сообразить с химической точки зрения, что его поразило. Он размножается спорами, коих производит сотни миллионов в каждом из пораженных участков. Дятлы могут переносить миллиарды спор за один перелет между деревьями. На пике увядания американского каштана каждый порыв ветра в лесу распространял несметные триллионы спор, несущиеся смертоносной дымкой к ближайшим холмам. Смертность деревьев была стопроцентной. Спустя тридцать пять лет американский каштан стал лишь воспоминанием. Только Аппалачи за одно поколение потеряли четыре миллиарда деревьев, покрывавших четверть их территории.

Несомненно, это была великая потеря. Но как же хорошо, если задуматься, что эти болезни поражают только определенные виды. Вдруг вместо болезни каштанов, или голландской болезни вязов, или антракноза кизила некая болезнь поразила бы все деревья, то есть появилось бы нечто такое, что неумолимо и без разбора поразило бы весь лес? На самом деле и такое бывает. И называется это кислотный дождь.

Но давайте на этом остановимся. Я думаю, для одной главы научной информации достаточно. Но запомните мои слова: в Аппалачских лесах не было ни дня, когда бы я не был благодарен тому, что в этом лесу находится.

Лес, по которому шли мы с Кацем, совсем не походил на лес, который был знаком поколению моего отца. Но лес есть лес. В любом случае он был великолепен, когда окутывал нас в который раз таким знакомым окружением – своими деревьями, кустами и травами. Во всех возможных отношениях он походил на лес в Северной Каролине, который мы только что покинули. Тут росли такие же сильно покосившиеся деревья, бежали такие же узкие бурые тропинки, стояла такая же всеохватывающая тишь, нарушаемая лишь нашим тихим ворчанием и тяжелыми вздохами, когда мы взбирались на очередной холм, который оказывался не только крутым, но и столь же высоким, как тот, что мы только что преодолели. Но что интересно, несмотря на то что мы прошли сотни миль на север, весна не отставала, она шла вместе с нами.

Деревья, в основном дубы, были покрыты почками, а под ногами виднелись островки диких цветов – волчья стопа, триллиум и дицентра, – дающие новые ростки на ковре прошлогодней листвы. Солнечный свет пробивался сквозь ветви деревьев, оставляя на своем пути блики, а в воздухе ощущалась пьянящая весенняя легкость. Мы сняли куртки, а затем и свитера. Мир казался таким доброжелательным.

Налево и направо открывался яркий и блистательный вид. Это был Голубой ХРЕБЕТ. Простираясь на 643 км вдоль Вирджинии, он представляет собой одинокий длинный гребень, милю или две в ширину, частично изрезанный глубокими проходами в форме буквы «V», которые называют проломами. Он достигает километра в высоту, а под ним до самых гор Аллеган на западе и до пастушьих предгорий на востоке простирается зеленая Большая Долина. И каждый раз, когда мы плелись на вершину горы и вступали на каменистую обзорную площадку, перед нашим взором представали не бесконечные гряды зеленых гор, простирающихся до горизонта, а просторы настоящего обитаемого мира: залитые солнцем фермы, гряды деревушек, клочки лесных массивов и извилистые шоссе. Издалека все это выглядело очень живописно. Даже шоссе, пролегающее между штатами, с его развязками типа «клеверный лист» и параллельными проезжими частями, внушало приятные чувства и навевало приятные мысли. Оно было подобно иллюстрациям из книжек моего детства, в которых Америка представала в постоянном движении и суете, но при этом все равно манила к себе.

Мы шли уже неделю и не встретили ни души. Только однажды я повстречал человека, который целых двадцать пять лет совершал периодические вылазки на тропу на велосипеде и на машине. Каждое утро он бросал велосипед на финальной точке в примерно десяти милях от

тропы, ехал на машине к самому ее началу, шел пешком между двумя точками, а затем ехал на велосипеде обратно к машине. Он проделывал это в течение двух недель каждый апрель и прикинул, что намерен так поступать примерно еще лет двадцать.

В другой раз я следовал за тощим и поджарым старичком, которому на вид было лет семьдесят. Он тащил на себе только небольшой старомодный брезентовый рюкзачок рыжеватого-коричневого цвета и передвигался необычайно шустро. Я видел его два-три раза в час, идущего впереди за 50–60 метров от меня, а затем исчезающего между деревьями. Хотя этот весьма энергичный старичок шел быстрее, чем я, и, по-видимому, никогда не останавливался, он всегда оказывался у меня на виду. В пределах обзора я всегда его видел, точнее – его спину, которая то появлялась, то исчезала между деревьями. Казалось, что я преследую призрака. Я пытался нагнать его, но у меня не получалось. Он никогда не оборачивался ко мне, но я был уверен, что он знал, что я иду позади него. В лесу развивается такое шестое чувства, когда рядом есть другие люди, и как только понимаешь, что кто-то имеется поблизости, всегда притормаживаешь, чтобы тебя могли нагнать, обменяться любезностями, поздороваться и спросить, что тебе известно насчет погоды. Но этот мужчина никогда не останавливался и никогда не оборачивался. Ближе к вечеру он исчез, и больше я никогда его не видел.

Вечером я рассказал об этом Кацу.

«Боже, – тихо пробормотал он, – у тебя галлюцинации начались». Но на следующий день Кац сам видел старичка целый день. Тот шел позади, на близком расстоянии, но не нагонял нас. И это было очень странно. А потом мы его больше не видели. Мы вообще больше никого не видели.

Каждый вечер мы находили укрытие. И это было настоящим подарком. Хотя и заставляло понимать, насколько жалкой стала жизнь, если ты приходишь в восторг всего лишь при виде такой родной накрытой навесом деревянной площадки. А иначе как восторгом нашу реакцию назвать было нельзя. Укрытия в этой части тропы были в основном новыми и совершенно чистыми. В некоторых даже предусматривалась метла, что придавало укрытию домашний уют. Более того, мы использовали ее по назначению, насвистывая себе под нос и тем самым доказывая, что, если уж в руки путешественника попался предмет обихода, он отнесется к нему с должной ответственностью. Поблизости от каждого укрытия находились источник воды и стол для пикника, поэтому мы могли приготовить еду и поесть в нормальных условиях, а не сидя на трухлявых бревнах. Все это было настоящей роскошью. На четвертую ночь, проведенную в угрюмах

мыслях, что книга скоро будет дочитана, а это значит, что мне вечером будет нечего делать, кроме как лежать под приглушенным светом и слушать храп Каца, я с радостью и великой благодарностью обнаружил, что кто-то из тех, кто был здесь до нас, оставил роман Грэма Грина. Если чему Аппалачская тропа и научила меня, так это простому восторгу. И я думаю, что именно ему следовало бы поучиться в нашей повседневной жизни.

Я был счастлив. Мы проходили по 25–30 км в день, а не 40, как нам обещали, тем не менее, с нашей точки зрения, это было вполне приличное расстояние. Впервые за много лет я чувствовал себе бодрым и подтянутым, а мой живот больше не свисал как мешок. В конце дня я все равно уставал до изнеможения – усталость никогда не прекращалась, – однако я достиг того состояния, когда боль и мозоли были такой неотъемлемой частью моей жизни, что я просто перестал обращать на них внимание. Каждый раз, когда вы покидаете чистый и уютный город и отправляетесь покорять холмы, вы проходите через серию преобразований (такое мягкое погружение в состояние запущения), и каждый раз для вас словно первый. В конце первого дня вы осознаете, что выглядите несколько неопрятно; на второй день чувствуете, какой вы грязный; к концу третьего дня вам уже все равно, а на четвертый вы просто забываете, каково это – быть чистым. У голода тоже есть свои определенные стадии. В первый вечер вы просто до смерти хотите съесть свою лапшу, на второй вы до смерти хотите есть, но мечтаете о чем-нибудь, кроме лапши; на третий вечер вы не хотите есть лапшу, но понимаете, что лучше все-таки поесть; на четвертый вечер у вас вообще нет аппетита, но вы едите потому, что именно это вы обычно делаете в данное время суток. Мне трудно объяснить, но это удивительно приятно.

Однако потом происходит что-то такое, что ты понимаешь, как сильно, как непостижимо сильно тебе хочется вернуться в реальный мир. На шестую ночь, после долгого дня в невероятно дремучем лесу, мы вышли к травянистой поляне, расположившейся на высоком отвесе, с которого открывался просторный, завораживающий, ничем не загороженный вид на север и восток. Солнце только начало скрываться за отдаленным голубовато-серым Аллегенским хребтом, а под ним простиралась сельская местность с выстроенными в ряды крупными фермами, тут и там виднелись заросли деревьев и жилые дома, которые едва только начали тускнеть под опускающимся солнцем. Но что действительно заставило нас разинуть рот, так это вид города, настоящего города, который впервые за всю неделю оказался в десяти-одиннадцати километрах к северу от нас. С того места, где мы стояли, мы могли четко различить огромные и ярко

освещенные цветастые вывески придорожных ресторанов и больших мотелей. Мне казалось, что я никогда не видел ничего столь прекрасного и чарующего. Я даже готов был поклясться, что чувствую запах жареного стейка. Мы долго смотрели на город, как будто это было что-то, о чем мы только читали в книгах, но никогда не надеялись увидеть своими глазами.

– Уэйнсборо, – наконец вымолвил я.

Кац мрачно кивнул:

– Далеко?

Я вытащил карту и посмотрел:

– По тропе примерно 12 км. – Он вновь мрачно кивнул.

– Прекрасно, – сказал он.

И я понял, что это была наша самая продолжительная беседа за два или три дня. Но больше ничего и не требовалось говорить. Мы шли по тропе уже неделю, а завтра должны были прийти в город. Это был сам собой разумеющийся факт. Мы пройдем еще 12 км, снимем комнату, примем душ, позвоним домой, стираем одежду, поужинаем, купим продуктов, посмотрим телевизор, поспим в кровати, позавтракаем и вернемся на тропу. Все это было нам известно и очевидно. Что бы мы ни делали, все было нам известно и очевидно. И это было действительно здорово.

Мы установили палатки, приготовили лапшу, используя остатки воды, уселись рядом на бревно и молча начали есть, в тишине глядя на Уэйнсборо. В бледном вечернем небе сияла полная луна. Она горела тем насыщенным белым светом, который очень удачно рождал в сознании образ кремовой начинки печенья «Орео» (со временем в путешествии все начинает напоминать о еде). После долгого затишья я повернулся к Кацу и вдруг спросил у него – без укоризны, но с надеждой:

– Ты умеешь еще что-нибудь готовить, кроме лапши? – Думаю, я мысленно уже закупался едой.

Он подумал некоторое время и наконец сказал:

– Французский тост, – а затем надолго затих, и лишь спустя время наклонил голову в мою сторону и спросил:

– А ты?

– Нет, – сказал я немного погодя. – Не умею.

Кац замочал, словно обдумывая мои слова, затем повернулся ко мне, будто хотел меня о чем-то спросить, затем мужественно покачал головой и продолжил свой ужин.

Глава XI

Лицом к лицу с опасностью

То, что я напишу дальше, потребует размышлений. За каждые двадцать минут на Аппалачской тропе мы с Кацем проходили больше, чем среднестатистический американец проходит за неделю. В 93 % случаев, если американцы собираются куда-либо, они берут с собой машину, независимо от расстояния и цели поездки. Это просто нелепо. Когда мы переехали в Штаты, то хотели жить в городе, где могли бы ходить по магазинам, в библиотеку и на почту. И мы нашли такое место. Это был ХанOVER в Нью-Гэмпшире – славный университетский городок с заросшими зеленью жилыми улицами и старомодным центром. Почти все в городе находится в пределах пешей доступности, но все равно практически никто никогда никуда не ходит. Один мой сосед ежедневно проезжает 730 м до работы на машине. Еще одна знакомая женщина, будучи в идеальной форме, проезжает 100 м, чтобы забрать ребенка из дома друзей. После школы каждого ребенка (за исключением четырех чертовских клевых ребят с английским акцентом) забирают на машине, чтобы проехать расстояние от пары сотен метров до половины километра (те, кто живет дальше, пользуются автобусами). Большинство детей старше шестнадцати имеют свои собственные машины. Это тоже нелепо. В среднем американцам приходится ходить только по магазинам, от машины до офиса и от офиса до машины – итого чуть больше двух километров в неделю, в лучшем случае это составляет около 200 метров за день.

Меня радует, что в ХанOVERе мы хотя бы можем ходить. Во многих местах в Америке быть пешеходом, даже если вам этого хочется, просто невозможно. Эти мысли пришли ко мне в голову, когда на следующий день мы с Кацем сняли комнату в Уэйнсборо и побаловали себя необычайно поздним завтраком. Я оставил Каца в прачечной (он любил стирку, то есть любил читать ветхие журналы и наблюдать за чудесным превращением жесткой отвратительной одежды в воздушную и душистую), а сам отправился на поиски средства от насекомых.

В самом центре Уэйнсборо есть типичный и относительно уютный деловой район, охватывающий пять или шесть кварталов, но, как это часто бывает в наши дни, большая часть магазинов розничной торговли переехала на окраины, не оставив в некогда процветающем центре города

ничего, кроме разбросанных тут и там банков, офисов страхования, магазинов уцененных товаров и секонд-хендов. Некоторые магазины были темными и пустыми, и ничто не предвещало успеха в поиске средства от насекомых, но один мужчина возле почтового офиса посоветовал мне заглянуть в K-mart.

– Где ваша машина? – спросил он, приготовившись показать мне дорогу.

– У меня нет машины.

Это его остановило.

– Правда? Боюсь, что до магазина километра полтора или даже больше.

– Это ничего.

Он двусмысленно тряхнул головой, будто отрекаясь от ответственности за то, что собирался мне сказать.

– Что же, тогда вам нужно пойти вверх по Брод-стрит, свернуть направо у «Бургер-Кинга» и дальше прямо. Но знаете, я тут подумал, это сильно больше полутора километров. Может, даже два. Вы и обратно пойдете?

– Ага.

То же движение головой:

– Это довольно долгий путь.

– Зато я изучу порядок действий при чрезвычайных обстоятельствах.

Если он и понял, что это шутка, то никак этого не показал.

– Что ж, удачи.

– Спасибо.

– Вы знаете, тут за углом можно взять такси, – запоздало предложил он.

– Я предпочитаю ходить пешком.

Он недоверчиво кивнул:

– Что же, тогда удачи, – повторил он.

И я пошел. Стоял теплый день. И это было чудесно. Вы даже не представляете, насколько замечательно свободно шагать вперед приободренным и налегке, без рюкзака. С рюкзаком ты идешь сгорбленный, наклонившись вперед, при этом ощущаешь, как тебя что-то тянет и толкает, а твои глаза при этом смотрят в землю. Ты с трудом тащишься, делаешь шаг за шагом, и это все, на что ты способен. Без рюкзака ты свободен. Ты идешь, расправив плечи. Ты смотришь по сторонам. Ты пружинишь. Ты никуда не спешишь. Твой шаг легкий. И так ты шагаешь первые квартала четыре. Потом ты оказываешься на безумном

переходе у «Бургер-Кинга» и понимаешь, что новая дорога на шесть полос прямая, ровная, крайне загруженная и абсолютно непригодная для пешеходов – ни тротуаров, ни зебр, ни островков безопасности, ни кнопок для подачи сигнала водителям на оживленном перекрестке. Я шел мимо автозаправочных станций, ресторанов и мотелей для автомобилистов, перелезал через бетонные ограды, пересекал газоны и продирался через забытые ряды бирючины и жимолости на границе частных владений. Шагнул по мостам над ручьями и водосточными трубами (БОЖЕ, как же застройщики любят эти трубы), потому что у меня не было другого выбора, кроме как идти прямо по дороге, прижимаясь к пыльным перилам и заставляя наименее внимательных водителей судорожно крутить руль. Четыре раза я был «осигнален» за то, что дерзнул пройти через город без помощи груды металла на колесах. Один мост был так очевидно опасен, что я никак не мог решиться через него пройти. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что ручей, который он пересекал, был всего лишь тоненькой струйкой, достаточно узкой, чтобы ее перешагнуть, так что я спокойно это сделал, избежав возможности переломать себе ноги, пробираясь через этот чертов мост.

Так, скользя и подпрыгивая, я спустился вниз по берегу и оказался в незаметной ранее полосе вязкого сероватого ила. Я пару раз споткнулся, переволок себя на другую сторону, снова споткнулся, потом поднялся, испещренный полосками грязи и экстравагантно украшенный репейником. Наконец добравшись до K-mart, я обнаружил, что стою не на той стороне дороги, и поэтому мне все-таки пришлось перебежать через шесть крайне оживленных полос. К тому времени, как я пересек автомобильную стоянку и шагнул в проветриваемый кондиционером и наполненный веселой музыкой мир K-mart'a, я дрожал всем телом и был таким же грязным, как и на тропе.

В K-mart, как оказалось, средствами от насекомых не запаслись.

Так что я развернулся и пошел обратно в город, раздираемый таким порывом бешенства, который даже не хочу описывать. Я шел домой по пересеченной местности через фермерские поля и зону легкой промышленности. Я разорвал свои джинсы, напорвшись на колючую проволоку, и стал еще грязнее. Вернувшись в город, я увидел, что Кац сидит под солнышком на металлическом стуле возле мотеля, свежeweымытый, в недавно постиранной одежде и с совершенно счастливым видом, какой может быть только у походника, вкусившего все блага городского комфорта. Технически он натирал воском свои ботинки, но на самом деле просто сидел, смотрел на мир и мечтательно наслаждался

солнцем. Кац тепло поприветствовал меня. Он всегда становился в городе другим человеком.

– Боже милостивый, посмотри на него! – вскрикнул он, дивясь количеству налипшей на меня грязи. – Что бы ты ни делал – ты грязный парень. – Он снова восхищенно оглядел меня с ног до головы и сказал еще более торжественным тоном: – Ты же не сношался со свиньями, Брайсон, нет?

– Ха-ха-ха, – нарочито громко и с расстановкой, указывающей на мой сарказм, произнес я.

– Ты знаешь, они ведь не моют своих животных. Какими бы привлекательными они ни казались после месяца на тропе. И не забывай, что мы больше не в Теннесси. Возможно, здесь это даже нелегально и вообще запрещено, по крайней мере, без справки от ветеринара. – Он похлопал по стоящему рядом стулу, радуясь своей остроте. – Сядь сюда и расскажи мне все. Так как ее зовут? Босси? – Он приблизил ко мне свое лицо. – И признайся, она визжала?

Я опустил на стул:

– Ты просто ревнуешь.

– Ну, сказать по правде, нет. Я сегодня нашел себе друга. Ее зовут Бьюла.

– Бьюла? Ты шутишь.

– Хорошо бы. Но это факт.

– Никого не могли назвать Бьюлой.

– Не могли. А ее вот назвали. И она славная. Не особо умная, но действительно славная. С милыми маленькими ямочками прямо тут, – и он ткнул себя в щеки, чтобы показать, где. – И у нее потрясающее тело.

– Правда?

Он кивнул:

– Правда, – и добавил рассудительно: – Но оно покоится под сотней килограммов жира. К счастью, я не против женщин в теле, пока не придется, ну, ты знаешь, сносить стену или что-нибудь еще, чтобы вытащить ее из дома. – Он задумчиво поковырял носком землю.

– Так как ты с ней познакомился?

– На самом деле, – он наклонился ко мне так, как будто это была та история, которую стоит рассказывать, – она попросила меня подойти и посмотреть на ее трусики.

– Ну конечно, – кивнул я.

– Они застряли в мешалке в стиральной машине.

– А они не были случайно в этот момент на ней? Это я к тому, что ты

сказал, что она не особо умная.

– Нет, она их стирала, а резинка застряла в крутящейся штуке, и она попросила прийти ей на помощь и вытащить их. Большие трусики, – добавил он и ненадолго впал в задумчивость, припоминая, затем продолжил: – Я их достал, но они были чертовски сильно разорваны, так что я сказал, пошутил то есть: «Мисс, я надеюсь, у вас есть другая пара, потому что эти разорваны ко всем чертям».

– Ох, Стивен, как остроумно.

– Все ради Уэйнсборо, поверь мне. И она сказала (и в этом все дело, мой грязный свинолюб), она сказала: «А ты не хотел бы сам узнать, сладкий?» – И он выразительно пошевелил бровями. – Короче, я встречаюсь с ней в семь у пожарной станции.

– Она что, держит там свои запасные трусики?

Он сердито посмотрел на меня и сказал:

– Нет, это просто место, чтобы встретиться. А потом мы поужинаем в Рара John's. А чуть позже, как бы ни сложились обстоятельства, мы займемся тем, чем ты занимался целый день. Только мне не придется перелезть через забор и подманивать ее люцерной. Ну, я на это надеюсь, во всяком случае. Эй, взгляни-ка, – сказал он и поднял пакет, стоящий у него в ногах. Потом достал розовые женские трусики, которые справедливо можно было назвать весьма вместительными. – Я думаю подарить их ей. В качестве шутки, понимаешь.

– В ресторане? Ты уверен, что это хорошая идея?

– Я сделаю это незаметно.

Я взял у него трусики и поднял их на вытянутых руках. Они и впрямь были захватывающе гигантскими.

– Знаешь, если они ей не понравятся, ты сможешь использовать их в качестве подстилки. Скажи, – я не мог не спросить, – эта их огромность... Это часть шутки?

– О, она действительно большая женщина, – сказал Кац и снова радостно поиграл бровями. После чего он аккуратно и даже благоговейно положил трусы обратно в пакет. – Большая женщина.

Итак, я ужинал в одиночестве в кафе под названием Coffee Mill. Это было немного странно – быть без Каца после стольких дней постоянного совместного времяпрепровождения, но настолько же приятно. Я ел свой стейк, прислонив книгу к сахарнице, абсолютно довольный, когда увидел Каца, крадущегося ко мне с тревогой во взгляде.

– Слава богу, я нашел тебя, – сказал он и сел напротив меня. Он обливался потом. – Тут один парень меня разыскивает.

– О чем ты?

– Муж Бьюлы.

– У Бьюлы есть муж?

– Я знаю. Это чудо. Не может быть больше двух человек на земле, готовых с ней спать. Но вот, как оказалось, мы оба здесь, в одном городе.

Все это происходило слишком быстро для меня.

– Постой, я не понимаю. Что же все-таки с тобой случилось?

– Я стоял у пожарной станции, как мы и договаривались, и тут появился красный грузовик с визжащим прицепом, и этот парень вылез из него. Он был действительно зол и сказал, что он муж Бьюлы и хочет поговорить со мной.

– И что ты сделал?

– Я убежал. А ты что подумал?

– И он тебя не остановил?

– Он весит килограммов триста. Я бы не сказал, что бег – это его. Он скорее будет стрелять по яйцам. Пытаясь меня найти, он рыскал по округе полтора часа. Я бежал через задние дворы, врезаясь в развешенную одежду и прочее дерьмо. Теперь еще один парень преследует меня, потому что решил, что я вор. И что, черт возьми, мне теперь делать, Брайсон?

– Так, во-первых, ты навсегда перестанешь разговаривать с толстыми дамами в прачечных.

– Да-да-да-да-да, клянусь.

– Затем я выйду отсюда, посмотрю, все ли чисто, и дам тебе сигнал через окно.

– А потом?

– Потом ты резво бежишь обратно в мотель, прикрывая свои яйца руками, и надеешься и веришь, что этот парень тебя не заметит.

– И все? Это твой лучший план? Твой лучший план? – спросил он, помолчав перед этим пару минут.

– У тебя есть получше?

– Нет, но я не провел несколько лет в колледже.

– Стивен, в колледже меня не учили, как спасать твою задницу в Уэйнсборо. Я специализировался в области политических наук. Если бы твоя проблема заключалась в отношениях с пропорциональным представительством Швейцарии, я, может быть, смог бы тебе помочь.

Он вздохнул и снова сел, скрестив руки, размышляя о своем положении и пытаясь понять, как он смог в это вляпаться.

– Больше ты не позволишь мне разговаривать с любыми женщинами любого размера, по крайней мере до тех пор, пока мы не покинем

Конфедерацию. Тут все ходят с пушками. Обещаешь?

– Ох, обещаю.

Он сидел в абсолютном молчании, пока я доедал ужин, не переставая озираться, проверяя все окна и ожидая увидеть толстое злое лицо, прижатое к стеклу. Когда я закончил и расплатился, мы пошли к выходу.

– Я могу умереть через минуту, – сказал он мрачно и схватил меня за локоть. – Слушай, если меня подстрелят, окажи мне услугу. Позвони моему брату и скажи ему, что десять тысяч долларов в кофейной банке закопаны у него на лужайке.

– Ты закопал десять тысяч долларов на лужайке своего брата?

– Нет, конечно нет. Но он придурок, и это послужит ему уроком.

Пошли.

Я вышел наружу. Улица была чистой – никакого транспорта. Весь Уэйнсборо разошелся по домам и теперь сидел перед телевизорами. Я кивнул Кацу. Его голова высунулась, с опаской поглядела по сторонам, и он рванул вниз по улице с невероятной, учитывая обстоятельства, скоростью. У меня ушло две или три минуты, чтобы не спеша дойти до мотеля. В мотеле не было видно ни души. Я постучал в дверь Каца.

Он ответил мгновенно и абсурдно низким голосом:

– Кто там?

– Бубба Т. Флубба. Я хочу переговорить с тобой, парень? – выдохнул я.

– Брайсон, мать твою. Я вижу тебя в глазок.

– Тогда зачем ты спрашиваешь, кто там?

– Тренируюсь.

Я подождал минуту:

– Ты собираешь меня впустить?

– Не могу. Я задвинул дверь комодом.

– Ты серьезно?

– Иди к себе, я позвоню.

Моя комната была за следующей дверью, но телефон уже звонил, когда я туда зашел. Кац вызнал все подробности о моем пути домой и поделился планами самозащиты, которые включали тяжелую керамическую лампу, еще что-то и в итоге побег через заднее окно. Я же должен был позаботиться об отвлекающем маневре, в идеале – поджечь грузовик преследователя и убежать в противоположном направлении. Несколько раз, причем один раз уже после полуночи, он звонил мне, чтобы сообщить, что видел красный грузовик, курсирующий по улицам. Утром он отказался выйти на завтрак, так что я пошел в супермаркет за продуктами и принес для нас обоих пакет еды из Hardee's. Кац не выходил из комнаты, пока

ожидающее нас у мотеля такси не завелось. До тропы было шесть с половиной километров. Всю дорогу Кац не отрывался от заднего стекла.

Нас высадили у ущелья Рокфиш, представляющего собой южный проход в национальный парк Шенандоа. Я с нетерпением ждал этого момента, так как этот парк потрясающе красив – собственно, потому он и является национальным парком, – но был немного обеспокоен перспективой провести следующие семь или восемь ночей и пройти 162 км под гнетом правил национальных парков.

У ущелья Рокфиш есть специальный приемный пункт, в котором работают рейнджеры, где автомобилисты должны платить вступительный взнос, а настоящие путешественники должны получить разрешение на поход по отдаленной местности. Разрешение ничего не стоит. Одна из благороднейших традиций Аппалачской тропы заключается в том, что каждый ее сантиметр бесплатен. Но при этом вам приходится заполнять длинную анкету, куда нужно внести свои личные данные, описать маршрут по парку и указать, где вы планируете останавливаться каждую ночь, что немного нелепо, учитывая тот факт, что вы не знаете местности и не можете заранее предугадать, какое расстояние сможете преодолеть.

К анкете прилагается обильный перечень правил и предупреждений о штрафах и немедленной депортации за... Да практически за все. Я заполнил анкету как можно лучше и передал ее в окно к женщине-рейнджеру.

– Значит, вы путешествуете по тропе? – сказала она, продемонстрировав свою жуткую проницательность, приняла анкету, даже не взглянув на нее, сурово поставила на ней печать и оторвала ту часть, которая будет нашей лицензией.

– Ну, мы пытаемся, – сказал я.

– Я должна когда-нибудь сама по ней пройтись. Я слышала, это очень здорово.

– Вы, рейнджер, и никогда не были на тропе? – удивился я.

– Нет, боюсь, что никогда, – ответила она с тоской. – Живу здесь всю жизнь, но до сих пор этого не сделала. Но когда-нибудь...

Кац, помня о муже Бьюлы, уже практически тащил меня в лес, мечтая о своей безопасности, но мне стало любопытно.

– А вы давно рейнджер?

– В августе будет двенадцать лет, – сказала она с гордостью.

– Вы обязательно должны попробовать пройти по тропе. Это правда очень здорово.

– Можно подкачать вашу дряблую задницу, – тихо пробормотал Кац и

зашагал в лес. Я смотрел на него с удивлением и любопытством. Быть настолько грубым, это не было похоже на Каца, но я решил, что все дело в недосыпе, глубокой сексуальной неудовлетворенности и в обилии сосисок от Hardee's.

Национальный парк Шенандоа – парк с проблемами. Даже больше, чем Грейт-Смоки-Маунтинс, парк страдает от критической нехватки средств (циник может сказать, что от критически неправильного их применения). Несколько километров боковых троп уже закрыты, а многие другие продолжают разрушаться. Если бы волонтеры из потомакского «Клуба Аппалачской тропы» не сохранили 80 % парковых троп, в том числе и участок АТ, все могло бы быть еще гораздо хуже. «Мэтьюс Арм Кэмпграунд» – одна из основных зон для отдыха в парке – была закрыта из-за отсутствия средств в 1993 году, и с тех пор ее так и не открыли. Несколько других зон отдыха закрыты большую часть года. Какое-то время в восьмидесятых годах даже укрытия для идущих по тропе, или хижины, как их здесь называют, были закрыты. Я не знаю, как они это сделали. То есть как вообще можно закрыть деревянное сооружение с пятиметровым входом? И что еще более загадочно, зачем? Вряд ли запрет, не позволяющий туристам отдохнуть несколько часов на деревянных нарах, как-то повлияет на экономическое состояние парка. Но такие трудности для путешественников стали в восточных парках уже чем-то вроде традиции.

Несколькими месяцами ранее все национальные парки наряду с другими несущественными правительственными учреждениями были закрыты на пару недель из-за неразрешимого экономического спора между президентом Клинтоном и конгрессом. Тем не менее в Шенандоа, несмотря на многолетние проблемы с бюджетом, нашли средства, чтобы поставить по всему парку надзирателей, чтобы они разворачивали всех путешественников. В результате чего пара десятков невинных людей была вынуждена делать большие бессмысленные крюки, чтобы вернуться на тропу. Такая бдительность не могла стоить службе парка меньше 20 тысяч, или по тысяче за каждого развернутого опасного туриста. Среди главных самогенерируемых недостатков Шенандоа есть проблемы, которые не поддаются контролю. Одна из них – это переполненность. Несмотря на то что парк растянут примерно на 160 км, он почти нигде не достигает больше двух или трех километров в ширину, поэтому все два миллиона посетителей в год толпятся в особенно узком проходе вдоль линии хребта. Палаточные лагеря, туристические центры, автостоянки, АТ и Скайлайн Драйв – живописная дорога вниз по хребту, – все это существует бок о бок. Один из самых популярных пеших маршрутов в парке (не АТ) – на гору

Олд Рэг – стал пользоваться таким большим спросом, что в летние выходные туристам приходится вставать в очередь, чтобы взойти на нее.

Еще один повод для расстройств – это загрязнение. Тридцать лет назад отсюда в особо ясные дни можно было увидеть монумент Вашингтона, находящийся на расстоянии 120 км. Теперь же в знойные летние дни из-за смога видимость ограничивается пятьюдесятью километрами, если вообще не тремя. Кислотные дожди привели практически к полному уничтожению форели в реках. Непарный шелкопряд появился в парке в 1983 году, и с тех пор его гусеницы подпортили значительное количество дубов и ореховых деревьев гикори. Южный сосновый лубоед провел аналогичную работу в отношении хвойных, а акациевые минеры изуродовали (но, к счастью, не уничтожили) тысячи акаций. Всего за семь лет короед тсуговой хермес повредил более 90 % болиголовов в парке. А все оставшиеся будут умирать в то время, когда вы будете это читать. Антракноз, неизлечимое грибковое заболевание, уничтожает прелестные кизилы не только в парке, но и по всей Америке. Совсем скоро кизил, как американский каштан и американский вяз, перестанет существовать. Короче говоря, трудно придумать окружающую среду с более напряженным состоянием.

И все же. Национальный парк Шенандоа восхитителен. Это, возможно, чудеснейший парк из тех, что я когда-либо видел. И, учитывая количество невозможных правил и требований, он удивительно хорошо функционирует. Почти сразу парк стал моей любимой частью Аппалачской тропы.

Мы шли через кажущийся дремучим лес, по славной, не требующей особых усилий местности, поднимаясь на щадящие 150 м за 4 минуты. Здесь мне нравилось больше. Погода была чудной, и было реальное ощущение приближающейся весны.

А главное – повсюду была жизнь. Летали насекомые, по веткам прыгали белки, подскакивали и щебетали птицы, на солнце сверкала серебристая паутина.

Два раза я вспугнул рябчика. Хотя вас самих каждый раз пугает, когда они внезапно, как выстрел из пушки, выскакивают из зарослей под ногами, потом вы видите трясущиеся перья и слышите судорожный визг. Видел сову, которая невозмутимо взирала на меня, восседая на толстом суку. Видел множество невозмутимых оленей, которые только поднимали головы, чтобы проводить меня взглядом. Шестьдесят лет назад в этом участке Голубого хребта оленей не было. Все они были истреблены охотниками. После открытия парка в 1936 году сюда привезли тридцать белохвостых оленей, и охотиться на них могли только немногочисленные

хищники. Сегодня в парке живет пять тысяч оленей, и почти все они потомки той тридцатки, за исключением некоторых, мигрировавших из других областей.

Удивительно, что, несмотря на размеры парка, фауна здесь удивительно богата. Рыси, медведи, рыжие и серые лисы, бобры, скунсы, белки-летяги и наши друзья саламандры, численность которых достойна восхищения, хотя вы вряд ли часто их видите, так как они не большие любители дневного света и людей. Парк может гордиться наибольшей плотностью населения черных медведей в мире – больше двух медведей на каждый квадратный километр. Были даже сведения (в основном от смотрителей парка, которые вообще-то должны быть в курсе) о наличии здесь горных львов, хотя никто не видел их в восточных лесах последние лет семьдесят. Есть, правда, крошечный шанс встретить их в северных лесах. Но мы к этому еще вернемся. И думаю, что ваше ожидание будет оправдано – но не в таком маленьком и зажатом месте, как Шенандоа. Мы не видели ничего хотя бы мало-мальски экзотического, но и на белок с оленями посмотреть было приятно, и при этом почувствовать, как живет лес. В конце дня я по следам нашел индейку с цыплятами. Мать была царственной и невозмутимой, а ее птенцы были слишком заняты падениями и вставанием на ноги, чтобы меня заметить. Именно таким и должен быть лес. Я любовался на все это и не мог скрыть своего восторга.

Вечером, часов в пять, мы закончили свой «рабочий» день и разбили лагерь на поляне у ручья среди деревьев, совсем недалеко от тропы. Поскольку это был первый день в дороге после перерыва, мы набросились на еду, особенно на скоропортящиеся продукты вроде сыра или хлеба, которые было необходимо съесть до тех пор, пока они не протухли в наших рюкзаках и не превратились во что-то несуразное. Так что мы сильно наелись, потом закурили и лениво разговаривали, пока куча настойчивых комарообразных существ, их еще называют мокрецами, не разогнала нас по палаткам. Стояла прекрасная для сна погода, было достаточно прохладно, чтобы достать спальник, но при этом достаточно тепло, чтобы можно было спать в нижнем белье, и я с нетерпением ждал долгого ночного сна. Я уже даже начал наслаждаться сладкой дремотой, как вдруг услышал звук, заставивший меня распахнуть глаза. Обычно я мог спать в любых условиях, даже под грохот грозы и храп Каца, так что было трудно представить что-то настолько большое и необычное, чтобы оно могло меня разбудить. Был слышен шелест кустарника, звук ломающихся веток и проминаемой листвы и громкое посапывание.

Медведь!

Я резко сел. Каждый нейрон в моем мозгу проснулся и отчаянно забегал, как муравьи, чье гнездо разрушили. Я инстинктивно потянулся за ножом, но понял, что оставил его в рюкзаке снаружи. Ночная защита перестала волновать нас после многих спокойных ночей.

Послышался еще один звук.

– Стивен, ты проснулся? – прошептал я.

– Угу, – ответил он усталым, но вполне обычным голосом.

– Что это было?

– С чего мне знать?

– Звучало как что-то большое.

– Все в лесу звучит как что-то большое.

Это правда. Однажды через наш лагерь перебирался скунс, а можно было подумать, что это стегозавр. Послышался еще один шорох, затем плеск воды. Чтобы это ни было, оно пило.

Я на коленях прополз к выходу из палатки, осторожно расстегнул сетку и выглянул, но на улице стояла кромешная тьма. Я как можно тише подтянул к себе рюкзак и стал при свете небольшого фонарика шарить по нему в поисках ножа. Когда я нашел нож и обнажил лезвие, то оказался в шоке от того, как жалко тот теперь выглядел. Это был идеальный инструмент для масляных блинчиков, но никак не для двухсот кг хищного меха. Осторожно, очень осторожно я вылез из палатки и зажег горелку, от которой шел удручающе слабый свет. Что-то на расстоянии пяти или шести метров от палатки смотрело прямо на меня. Я не мог разглядеть ничего, что касалось его формы или размера – только два сияющих глаза. Оно затихло и уставилось мне в лицо.

– Стивен, – прошептал я в палатку, – у тебя есть нож?

– Нет.

– А просто что-нибудь острое?

Он задумался:

– Кусачки для ногтей.

На моем лице отразилось отчаяние:

– Что-нибудь хоть чуточку посерьезнее? Потому что, как видишь, здесь определенно кто-то есть.

– Это просто скунс, скорее всего.

– В таком случае это очень большой скунс. Его глаза находятся примерно в метре от земли.

– Тогда это олень.

Я судорожно бросил палку в сторону животного, кем бы оно ни было, но оно даже не пошевелилось. Олень тут же сорвался бы с места. Эта

штука только моргнула, продолжая пристально на меня смотреть. Я сообщил об этом Кацу.

– Значит, козел. Они не такие пугливые. Попробуй покричать на него.

Я осторожно крикнул:

– Эй, ты! Пошел вон!

Существо на это только равнодушно моргнуло.

– Твоя очередь, – сказал я.

– Ах, скотина, вали отсюда, давай! – крикнул Кац, изображая беспощадность. И добавил: – Пожалуйста, уйди, ужасное существо.

– Чтоб тебя, – сказал я и пододвинул свою палатку к его. Не знаю, чего я хотел добиться, но, оказавшись поближе к Кацу, я хоть немного успокоился.

– Что ты делаешь?

– Двигаю палатку.

– Отличный план. Это его запутает.

Я все всматривался в темноту, но не мог разглядеть ничего, кроме этих двух глаз, напоминающих глаза из мультиков. Я не мог выбрать, умереть ли мне снаружи или сидеть внутри и ждать, когда меня убьют. Я был босиком, в одних трусах и дрожал. Чего я действительно хотел – очень-очень хотел, так это чтобы животное ушло. Я поднял небольшой камень и кинул его. Возможно, что я попал, потому что животное вдруг сделало резкое движение, от которого вся моя душа ушла в пятки, а я сам готов был захныкать. Как вдруг со стороны незнакомца послышался звук – не совсем рык, но что-то очень похожее. Я подумал, что, возможно, мне не стоило его провоцировать.

– Что ты творишь, Брайсон? Просто оставь его в покое, и он уйдет.

– Как ты можешь быть таким спокойным?

– А чего ты от меня хочешь? Ты истеришь за нас двоих.

– Прости, но я думаю, что у меня есть право немного тревожиться. Я в лесу, посреди ничего, смотрю на медведя вместе с парнем, у которого нет никаких средств для защиты, кроме кусачек для ногтей. Позволь спросить. Что ты будешь делать, если к тебе придет медведь? Сделаешь ему своими кусачками педикюр?

– Я буду решать проблемы по мере их поступления.

– О чем ты? Вот она, эта проблема, кретин! Здесь медведь, ради всего святого. Он смотрит на нас. Он чует лапшу и «Сникерсы», и... ох, черт...

– Что?

– Черт.

– Что?

– Их тут двое. Я вижу еще пару глаз.

Именно в этот момент горелка начала гаснуть. Свет померцал и потух. Я бросился в палатку, немного поранил бедро и начал лихорадочно искать запасные аккумуляторы. Если я был медведем, то выбрал бы для нападения именно этот момент.

– Что же, я собираюсь поспать, – совершенно спокойным голосом внезапно сообщил мне Кац.

– О чем ты говоришь? Ты не можешь заснуть!

– Могу, конечно. Я делал это тысячу раз.

Я услышал шум ворочающегося тела и сопение, неотличимое от того, что издавало существо снаружи.

– Стивен, ты не можешь уснуть, – приказал я. Но он мог. И вот что особенно обидно: он заснул потрясающе быстро.

Существо, теперь уже существа продолжили пить с громким чавканьем. Я не смог найти ничего на замену аккумуляторам, поэтому отбросил горелку, надел налобный фонарь и, убедившись, что он работает, включил его. Затем, готовый отразить атаку, я медленно опустился на колени, как битую сжимая в одной руке свою походную палку, а в другой выставленный вперед нож. Медведи или не медведи, любые животные, кем бы они ни были, утоляли жажду еще минут двадцать, а потом спокойно ушли туда, откуда пришли.

Это был радостный момент. Вот только я знал из книг, что они, скорее всего, вернуться. Я вслушивался и вслушивался, но лес затих. В конце концов я перестал сжимать палку и надел свитер, несколько раз замирая, вслушиваясь и боясь повторения медвежьих звуков. И только через некоторое время я снова залез в свой спальник, чтобы согреться. Я лежал и смотрел в крошечную тьму, понимая, что больше никогда не смогу спокойно спать в лесу.

А потом провалился в неодолимый сон.

Глава XII

Пустота тропы

Я думал, что Кац будет утром невыносим, но он оказался просто невероятно дружелюбным. Он пригласил меня на чашечку кофе, и когда я появился, чувствуя себя крайне несчастным и лишенным сна, он спросил меня:

– Ты в порядке вообще? Выглядишь дерьмово.

– Не выспался.

Он кивнул:

– Так ты думаешь, это реально был медведь?

– Кто его знает?

Я вдруг подумал о сумке с едой – обычно медведь идет именно на нее – и повернул голову, чтобы посмотреть, но она до сих пор висела примерно на высоте четырех метров от земли на ветке, которая была на расстоянии двадцати метров от нас. Возможно, целеустремленный медведь смог бы спустить ее вниз. Честно говоря, даже моя бабушка могла бы спустить ее. Но этого, как я видел, не произошло.

– А может, и нет, – разочарованно сказал я.

– А ты знаешь, что у меня есть на всякий случай? – спросил Кац и многозначительно похлопал себя по карману рубашки. – Кусачки для ногтей, потому что никогда не знаешь, когда может появиться опасность. Я выучил свой урок, поверь мне, дружище.

И захохотал.

Мы вернулись в лес. По всей длине Национального парка Шенандоа Аппалачская тропа идет вблизи и параллельно Скайлайн Драйв и даже иногда с ней пересекается, хотя большую часть времени в это сложно поверить. Часто, когда вы будете продираться через нетронутые леса, вдруг за деревьями промчится машина всего на расстоянии 15–20 метров от вас. Это всегда поражающая картина.

В начале 1930 годов потомакский «Клуб Аппалачской тропы» (дита Майрона Эйвери, почти не отличающийся от «Конференции по Аппалачской тропе») подвергся критике со стороны других клубов путешественников. Особенно его критиковал аристократический «Клуб Аппалачских гор» в Бостоне. Критиковал за непотворение постройке «Скайлайн Драйв» через парк. Задетый этим Эйвери отправил МакКею

глубоко оскорбительное письмо в декабре 1935 года. Оно, это письмо, по сути и завершило официальные, хотя уже тогда не особо дружественные отношения МакКея с тропой. Эти двое больше никогда не разговаривали друг с другом, хотя, к чести МакКея, он тепло отозвался об Эйвери после его смерти в 1952 году и особенно отметил, что тропа не была бы построена без него. Куча народу до сих пор не очень любит трассу, но нам с Кацем она нравилась. Неоднократно мы могли сойти с тропы и карабкаться по горам часа два или три. В начале сезона (а был ранний апрель) на дороге почти не было машин, поэтому мы отнеслись к «Скайлайн Драйв» как к широкой заасфальтированной альтернативе тропе. Было в новинку иметь под ногами что-то твердое, а еще чрезвычайно приятно было быть на открытом, залитом теплым солнечным светом пространстве после недель, проведенных в непроходимой лесной чаще. У автомобилистов была совершенно другая, более избалованная реальность, чем у нас. Частые возвышенные просторы, роскошные виды (даже сейчас, в чистом весеннем воздухе, покрытые серой дымкой на расстоянии шести или семи миль от нас), информационные таблички с полезными фактами о флоре и фауне парка, даже урны. Мы согласились, что, имея подобное на тропе, мы бы смогли его применить. Ну а потом, когда то ли солнце стало слишком горячим, а наши ноги заныли (асфальт оказался невероятно тяжелым для ног), то ли мы просто зря понадеялись на перемены, мы вернулись в наш дорогой, прохладный и неудобный лес. Было вполне приятно и даже здорово иметь возможность выбора.

На одной из стоянок Скайлайн Драйв мы подошли к информационной табличке, которая висела под таким углом, чтобы привлечь внимание читателя к ближайшему спуску, симпатично обросшему гемлоком – темным, почти черным хвойным деревом, по сути характеризующим Блу-Ридж. Эти гемлоки и другие деревья, растущие вокруг тропы дальше, уничтожаются тлей, нечаянно завезенной сюда из Азии в 1924 году. Служащие национального парка, как грустно утверждала табличка, не в состоянии что-то сделать для деревьев. Деревьев слишком много, причем на довольно большом участке леса, для того чтобы было возможно распылять химикаты. Но есть идея. Почему бы не вылечить несколько деревьев? Почему бы не вылечить хотя бы одно дерево? Хорошие новости в том, если верить табличке, что некоторые деревья смогут восстановиться естественным путем через какое-то время. Фух!

Шестьдесят лет назад в горах Блу-Ридж почти не было деревьев. Это были сельскохозяйственные земли. И сейчас еще в лесу тропа часто может привести к останкам старой каменной стены, когда-то огораживающей

поле, а однажды мы натолкнулись даже на небольшое кладбище, напоминающее о том, что это была одна из немногих горных территорий во всей цепи Аппалачей, где люди действительно жили. К их неудаче, они оказались не теми людьми. В двадцатых годах прошлого века социологи и другие ученые из городов вторглись на эти холмы и, несомненно, удивились тому, что обнаружили. Здесь процветали нищета и обездоленность. Все эти земли были очень бедными. Большое количество людей обрабатывало склоны, которые шли практически перпендикулярно земле. Три четверти людей на холмах не умели читать. Большинство из них вряд ли вообще ходили в школу. Девяносто процентов детей были внебрачными. Санитарные нормы им были почти неизвестны – только десять процентов домовладельцев имели туалет. Помимо всего этого, горы Блу-Ридж оказались безумно красивыми и очень удобными для получения прибыли от тогда еще нового класса автомобильных туристов. Очевидным решением проблемы стало перемещение людей с вершин гор в низины, где они по бедности нанялись бы на работу к новым хозяевам жизни и стали бы строить трассу для путешествующих туда-сюда по воскресеньям людей, а также превращение всего этого в развлекательную зону в горах с платными лагерями для туристов, с ресторанами, с кафе-морожеными, с мини-гольфом, с суматохой и со всем остальным, что только может принести хотя бы один доллар.

К несчастью для предпринимателей, внезапно наступила Великая депрессия, и коммерческий импульс сразу угас. Вместо этого под социалистическим натиском (хотя вы, скорее всего, никогда не будете использовать этот термин), которым было отмечено президентство Франклина Рузвельта, земля была выкуплена государством. Люди съехали с насиженных мест, а «Гражданское природное общество» стало строить здесь миленькие каменные мостики, шалаши для пикника, центры для посетителей и разные другие нужные туристам штуки. Все это открылось для публики в июле 1936 года. Именно качество строительства в основном и объясняет величие национального парка Шенандоа. И все же это один из немногих примеров человеческого ручного труда («Хувер Дам» – еще один, «Маунт Рашмор», я думаю, третий) в Соединенных Штатах, который не только дополняет, но даже украшает природный ландшафт. Я предполагаю, что это единственная причина, по которой мне нравится идти вдоль Скайлайн Драйв, с ее широкими и так похожими на лужайку обочинами, с ее каменными ограждающими стенами, с кучками живописно посаженных берез, чьи нежные кудри указывают на приковывающие внимание и весьма вдумчиво созданные пейзажи. Вот как (я думаю) и должны выглядеть

трассы. По крайней мере, когда-то казалось, что все трассы будут именно такими. Неудивительно, что первые шоссе в Америке назывались аллеями. Так они, собственно, и выглядели: парки с аллеями, через которые вы можете ехать.

Почти ничего из этого духа мастерства не видно на тропе в парке. Да это и не особо ожидаемо на дороге, которая ведет в царство дикой природы. Но все это встречается в приютах и хижинах, в которых есть что-то от живописной неотесанности приютов в Грейт-Смоки-Маунтинс, но при этом они просторнее, чище и лучше сконструированы, а главное – без этих ужасных, наводящих тоску цепных заборов перед ними.

Хотя Кац и думал, что я противоречу здравому смыслу, я все же надеялся на то, что после нашей ночи в лесу мы сможем поспать в приюте. Я каким-то образом чувствовал, что так смогу защитить наш ночлег от кровожадного медведя, да и в любом случае приюты в Шенандоа слишком хороши, чтобы ими не воспользоваться. Все они привлекали нас своим продуманным расположением, хорошим водоснабжением и столом для еды. Две ночи мы сами придумывали, как обезопасить свой ночлег, ну а на третью мы просто порадовались своей удаче, когда услышали совсем рядом раздающийся из леса шум голосов. Мы прошли еще немного и увидели шеренгу марширующих по поляне бойскаутов. Они поздоровались с нами, мы поздоровались с ними, а потом уселись с ногами, свисающими с подмостков, и смотрели, как они наполняют поляну своими палатками и многочисленными вещами. Мы сидели и радовались тому, что нам есть на кого посмотреть. В группе было три взрослых руководителя и семнадцать бойскаутов. Все просто до умиления неумелые. Палатки были поставлены, затем быстро разрушены и опрокинуты. Один из взрослых пошел за чистой водой и провалился в ручей. Даже Кац согласился, что это в сто раз лучше, чем смотреть телевизор. Впервые с тех пор, как мы выехали из Нью-Гэмпшира, мы почувствовали себя знатоками тропы.

Несколько минут спустя появился веселый одинокий турист. Его звали Джон Конноли. Он был учителем старших классов с севера штата Нью-Йорк. Он путешествовал по тропе уже четыре дня, очевидно, всего на пару миль отставая от нас, и ночевал один под открытым небом каждую ночь, что показалось мне очень храбрым поступком. На мой вопрос о медведях он сообщил, что не видел никаких медведей, и добавил, что путешествует по тропе уже несколько лет, а медведя видел всего один раз, точнее, его коротко промелькнувший зад, где-то глубоко в лесах Мэна. Вместе с ним к нам вышли еще два парня. Они, эти Джим и Чак, были примерно нашего возраста, довольно приятные, скромные и веселые парни из Луизвилля. Мы

не видели больше трех-четырех путешественников с тех пор, как покинули Вэйнсборо, а сейчас вдруг оказались просто завалены ими.

– Какой сегодня день? – спросил я, и все остановились и задумались.

– Пятница, – сказал кто-то.

– Да, пятница, начало выходных, – это все объясняло.

Приготовив себе еду, мы уселись вокруг стола и старательно начали ее поглощать. Это было похоже на пир. Джим, Чак и Джон прошли уже достаточно большой путь, поэтому смогли рассказать нам о том, что ждет нас впереди вплоть до Мэна, что казалось нам почти космическим расстоянием. Потом беседа переросла в вечную тему: какой же людной стала тропа. Конноли рассказывал о том, как он прошел почти половину тропы в 1987 году, по летней жаре, и как днями не видел людей, а Джим с Чаком подтвердили это.

Это то, что мы часто слышали от бывалых путешественников. И вообще, это правда, что намного больше людей стало ходить в походы по сравнению с тем, что было раньше. До семидесятых годов ежегодно Аппалачскую тропу проходили не более пятидесяти человек. Незадолго до 1984 года их количество выросло до сотни. В 1990 году число туристов переросло за двести, ну а сейчас тропу в течение года покоряют примерно три сотни человек. Это довольно большой рост, но все равно – это очень маленькие числа. До того как мы отправились в путь, в местной газете Нью-Гэмпшира было опубликовано интервью с обслуживающим тропу, который сказал, что двадцать лет назад три лагеря, расположенные неподалеку от города, принимали в июле и в августе около дюжины посетителей в неделю, а сейчас иногда число туристов доходит до сотни в неделю. И все же я считаю, что это все равно очень мало. Тем не менее сто посетителей в неделю для трех лагерей в летнюю жару не так уж и ужасно.

Возможно, я думал не совсем правильно, исходя из опыта своих постоянных путешествий по людной маленькой Англии, но то, что никогда не перестанет меня удивлять после нашего долгого лета, так это пустота тропы. Никто не знает, сколько на самом деле людей ходит по Аппалачской тропе, но по расчетам выходит около трех или четырех миллионов человек в год. Если четыре миллиона туристов – правда, и мы учитываем, что три четверти этого числа приходятся на шесть жарких месяцев, то это значит, что в сезон на тропе ежедневно находятся примерно шестнадцать с половиной тысяч человек, или же семь с половиной человек на каждую милю тропы, то есть по человеку на каждые 200 м. По сути, немногие районы США могут похвастаться такой плотностью. Большая часть этих четырех миллионов ежегодных путешественников сконцентрирована в

выходные в самых популярных местах. Это Президентская цепь в Нью-Гэмпшире, парк штата Бакстер в Майне, Маунт Грэйлок в Массачусетсе, Грейт-Смоки-Маунтинс и национальный парк Шенандоа. Эти четыре миллиона также включают в себя и тех, кто называется рибок-туристами, то есть людей, которые оставляют свою машину, проходят каких-нибудь четыре сотни метров, потом возвращаются в машину, уезжают и больше уже никогда в жизни не делают ничего столь же захватывающего дух. Поверьте мне и не слушайте тех, кто говорит, что тропа не очень людная.

Когда люди мычат что-то о том, что тропа становится очень загруженной, они имеют в виду, что приюты иногда сильно переполнены. И это правда. И все же проблема не в том, что на один приют приходится слишком много походников, а в том, что этих самых приютов очень мало. В национальном парке Шенандоа находится всего восемь хижин, каждая из которых может вместить не больше восьми человек, без стеснения их комфорта. В крайнем случае десять туристов на 162 км национального парка. Это среднее значение по всей тропе. Хотя расстояние между хижинами могут довольно сильно различаться, но в целом на Аппалачской тропе каждые 16 км встречаются приюты, хижины или что-то подобное (всего их имеется около 240). Значит, существует адекватное количество спальных мест для двух с половиной тысяч туристов на три с половиной тысячи километров тропы. Когда вы учитываете, что больше чем 100 млн американцев живут примерно в дне езды от Аппалачской тропы, совсем не удивительно, что 2500 спальных мест не хватает на всех. Тем не менее в некоторых частях тропы власти настаивают на уменьшении количества приютов, потому что считают, что это избыточное использование тропы.

И вот, как всегда в таких случаях, когда беседа перешла к теме оживленности тропы и к тому, что сейчас можно увидеть на ней дюжину людей в день, тогда как раньше редко встречали и двух, я вежливо все это выслушал и сказал:

– Вы, ребята, обязательно должны попробовать походить по Англии.

Джим повернулся ко мне и произнес добрым, но при этом весьма снисходительным голосом:

– Но, видишь ли, Билл, мы не в Англии.

И, вероятно, он был прав.

Вот вам еще одна причина, по которой я очень сильно люблю национальный парк Шенандоа и почему я не могу считаться настоящим американским путешественником по тропе под названием «Чизбургеры». Вы тут часто можете их достать, а также «Кока-колу» со льдом, картошку фри, мороженое и другие столь же прекрасные вещи. Хотя той дикой

коммерциализации, о которой я говорил выше, все же тут нет. Но, слава богу, что немного духа коммерции все же в Шенандоа присутствует. Парк щедро усыпан общественными лагерями, стоянками с ресторанами и магазинчиками. И тропа, хвала небесам, наносит визит каждому из них. Рестораны, уютно расположившиеся на каждом углу, полностью противоречат духу тропы, но я ни разу не встречал походника, который бы этому не порадовался.

Кац, Конноли и я впервые столкнулись с этим на следующее утро, после того как мы попрощались с Джимом, Чаком и бойскаутами, которые направлялись на юг, а именно, когда во время ланча мы оказались на миленькой небольшой стоянке под названием «Лужки».

В «Лужках» имелись лагерь, охотничий домик, ресторан, сувенирная лавка, универмаг и просто кучи людей, разбросанных там и тут по солнечному, покрытому травой пространству (хотя это место на самом деле представляло собой большой луг, но названо оно было по имени человека по фамилии Лужок, что меня почему-то очень порадовало). Мы бросили наши рюкзаки на траву и зашли в оживленный ресторан, где с жадностью стали поглощать все самое жирное и промасленное, что у них было, затем вернулись на лужайку, чтобы покурить, отрыгнуть и спокойно насладиться процессом переваривания пищи. Пока мы лежали, опираясь на наши рюкзаки, к нам подошел турист в пресловутой соломенной шляпе, держащий в руках мороженое, посмотрел на нас и дружелюбно спросил:

– Так вы, ребята, путешествуете?

Мы ответили, что да.

– И вы сами носите на себе эти рюкзаки?

– До тех пор, пока не найдем кого-нибудь, кто смог бы сделать это за нас, – весело ответил Кац.

– И как много вы прошли за это утро?

– Ну, около тринадцати километров.

– Тринадцать километров? Господи! И сколько же вы еще сегодня пройдете?

– Ну, скорее всего, еще тринадцать.

– Да вы шутите! Двадцать шесть километров пешком? С этими штуками на спине? Боже, это просто удар. – И он крикнул через поляну: – Бернис, подойди-ка сюда на минутку. Ты должна на это взглянуть. – Он еще раз посмотрел на нас. – И что у вас там? Одежда и прочие вещи, полагаю?

– И еда, – ответил Конноли.

– Вы что, несете свою еду?

– Приходится.

– Ну, это сильно!

Подошла Бернис, и он объяснил ей, что мы используем свои ноги для того, чтобы передвигаться по земле.

– Разве в этом нет чего-то такого? У них вся еда и прочее в этих рюкзаках.

– Это точно? – с уважением и интересом спросила Бернис. – То есть вы типа ходите повсюду? – Мы кивнули. – Вы пришли сюда пешком? Все расстояние досюда?

– Мы все прошли своими ногами, – торжественно произнес Кац.

– Вы не могли этого сделать!

– Ну вообще-то смогли, – сказал Кац, для которого этот разговор стал одним из самых важных моментов в жизни.

Я вышел, чтобы позвонить домой из телефонной будки и сходить в уборную, а когда через несколько минут вернулся, Кац уже собрал небольшую толпу восхищенных зрителей и слушателей и вовсе демонстрировал им теорию и практику применения узлов и карабинов на своем рюкзаке. Затем, по чьей-то просьбе, он надел рюкзак и стал позировать для фотографий. Я ни разу не видел его таким счастливым.

Пока Кац был занят, мы с Конноли зашли в продуктовую часть лагеря, чтобы осмотреться, и тут я осознал, как ничтожны туристы по сравнению с громадным парковым бизнесом. Только три процента из ежегодных двух миллионов в Шенандоа заходят хотя бы на несколько ярдов в так называемую дикую местность. Девяносто процентов посетителей приезжают на машинах или в домах на колесах. Эти магазины для них. Почти все там или подразумевает разогрев в микроволновке, или продается в гигантских порциях на всю семью (думаю, что едва ли какой путешественник захочет заполучить и тащить с собой сразу двадцать четыре булочки для гамбургеров). Там не было вообще ничего из обычной походной еды: изюма, арахиса или удобных консервов и пакетов с едой, что выглядело довольно удручающе для национального парка.

Не имея особого выбора и желая по возможности не есть одну лапшу (Конноли, как выяснилось, тоже был человеком лапши), мы купили двадцать четыре сосиски и столько же булок для хот-догов, двухлитровую бутылку «Кока-колы» и пару больших упаковок печенья. Потом мы забрали Каца, который извиняющимся тоном объявил своим благодарным слушателям, что нам нужно идти, потому что остались еще горы, которые нужно покорить, и уверенно зашагали в лес.

На ночь мы остановились в милом уединенном месте под названием «Хижина Рок Спринг», находящемся на обрыве холма с обширным обзором

на всю долину. В хижине даже имелась своя фишка – двухместный самолет, который был подвешен на цепях к выступу. Это было сделано в память о Терезе Аффронти, которая очень любила тропу, если судить по табличке позади самолета (которая, по-моему, была слишком роскошной). Предыдущие посетители домика оставили там какое-то количество консервов – бобов, кукурузы, тушенки и морковки, – которые были аккуратно выставлены вдоль одного из несущих бревен. Кстати, вы довольно часто можете увидеть такое на тропе. Кое-где особые любители тропы приносят в хижины даже домашнее печенье или тарелки с жареной курицей. И это чудесно.

Пока мы готовили обед, появился молодой человек, путешествующий долгое время на юг (первый за сезон). Он за день прошел 41 км и был уверен, что умер и попал в рай, когда узнал, что в меню сегодня хот-доги. Шесть хот-догов на человека было больше, чем мы с Кацем и Конноли могли съесть, так что мы съели четыре и какое-то количество печенья, оставив остальное на завтрак. Но молодой турист ел так, как будто он делал это в первый раз в своей жизни. Он слопал шесть хот-догов, потом банку морковки, после чего с благодарностью умял примерно дюжину печенек «Орео», одно за другим, поглощая все тщательно и со вкусом. Он сказал, что начал в Мэне, когда еще было много снега, постоянно попадал в метели, но все же проходил эти чертовы 40 км в день. Наш новый спутник был примерно 170 см ростом, и его рюкзак был просто гигантским. Неудивительно, что у него был такой аппетит. Он пытался пройти тропу за три месяца, в основном полагаясь на длину дня. Он просыпался утром, как только начинало светать, и сразу отправлялся в путь. Перед тем как заснуть, он поблагодарил нас за еду и пожелал нам удачи. Мы так и не узнали его имени.

На следующее утро, когда я понял, что сильно обогнал Каца и Конноли, которые разговаривали и поэтому шли не очень быстро, чтобы подождать их, я остановился в просторной, залитой солнцем лощине, красиво вписавшейся в пространство между холмами. В этом присутствовало некое ощущение тайны и волшебства. Там было все, что бы вы могли пожелать от лесной местности: и журчащий ручей, и ковер из сочных папоротников, и изящные, красиво расположенные деревья. И все это, вместе взятое, показалось мне отличным местом для лагеря.

Всего два месяца спустя две молодые женщины – Лолли Винанс и Джулианна Вильямс – придут к той же мысли. Они поставят свои палатки где-то в этой спокойной, полной воздуха рошце, а затем пройдут еще какое-то расстояние по лесу к «Хижине Скайлэнд», чтобы поесть в

ресторане. Никто так и не поймет, что конкретно произойдет, но кто-то следил за девушками, пока они ели, потом последовал за ними к стоянке. Они были найдены через три дня в своих палатках со связанными руками и перерезанными глотками. Никакой конкретной причины для этого не было. Не возникло даже предположений, почему это произошло. Поэтому их смерть навсегда останется загадкой. Но когда мы там оказались, всего этого еще не произошло, и я не подозревал, что подобное вообще может здесь случиться, так что, когда Кац и Конноли догнали меня, я просто показал им, насколько это милое местечко. Они посмотрели, согласились, и мы двинулись дальше.

В «Скайлэнд» мы с Конноли съели ланч, и он покинул нас, чтобы вернуться обратно к своей машине в Рокфиш-Гэп и поехать домой. Мы с Кацем попрощались с ним и продолжили свой путь. Мы шли еще три дня, обедая в ресторанах, когда наталкивались на них, и останавливаясь в приютах, в которых чаще всего были одни.

В один из последних дней в парке, шестой с начала нашего отбытия из Рокфиш-Гэп, мы проснулись от холодной туманной погоды. Ветер стал свежее, а потом пошел дождь, постепенно усиливающийся, по-настоящему холодный и проникающий всюду дождь. День почти по всем направлениям оказался ужасным. Незадолго после полудня я обнаружил, что я потерял дождевую накидку для рюкзака, которая, замечу, все равно представляла собой абсолютно бесполезный кусок дерьма, за который я заплатил целых 25 долларов, так что почти все в моем рюкзаке промокло насквозь. К счастью, я завернул свой спальный мешок в двойной слой пакетов для мусора, которые стоили всего 35 центов, так что по крайней мере он был сухим. Двадцать минут спустя, когда я спрятался под веткой, чтобы дожидаться Каца, он спросил меня сразу же, как только появился: «Эй, где твоя палка?» Оказалось, что я потерял свой верный посох и не заметил этого. А после его вопроса я сразу вспомнил, как оставил его у дерева, когда остановился, чтобы завязать шнурок, и почувствовал отчаяние. Этот посох служил мне на протяжении шести с половиной недель, проведенных нами в горах, он почти стал частью меня. Он был связью с моими детьми, по которым я так соскучился, что это даже невозможно описать. Я почувствовал, что сейчас расплачусь. Я сказал Кацу, что, скорее всего, оставил его в месте под названием Элвэллоу-Гэп, которое находилось теперь примерно в шести километрах от нас.

– Я принесу его тебе, – сказал он без раздумий и начал снимать свой рюкзак. Я вдруг захотел плакать. Ведь он и правда именно так и сделал бы, но я не мог позволить ему уйти. Это было слишком далеко, да и Элвэллоу-

Гэп довольно людное место, поэтому кто-то уже давно мог забрать мой посох себе.

Так что мы решили поторопиться, чтобы быстрее добраться до места под названием «Хижина Грэйвл Спрингс». Была всего половина второго, когда мы пришли туда. Изначально мы планировали пройти за этот день как минимум на шесть миль дальше, но уж очень сильно промокли, да и дождь был настолько безжалостным, что мы решили остановиться. У меня не было сухой одежды, так что я разделся до трусов и залез в спальник. Это был самый длинный день из всех, что я помню, и мы провели его за чтением и наблюдением за дождем.

Примерно в пять часов, как будто для того, чтобы окончательно завершить наш день, прибыла группа из шести шумных людей – трех мужчин и трех женщин, разодетых в нелепую походную одежду от Ральфа Лорена: куртки для сафари, широкополые холщовые шляпы и замшевые походные ботинки. Это одежда для прогулок по веранде или же в крайнем случае для поездок на сафари, но точно не для похода. Одна из женщин, немного отстающая от остальных и проходящая мимо грязи так, как будто эта грязь была радиоактивной, посмотрела на нас с Кацем и с нескрываемым неудовольствием спросила: «Нам что, надо с ними делиться?»

Они были тупыми, несносными, невероятно эгоистичными и абсолютно не были знакомы с этикетом, принятым на тропе, что в других обстоятельствах, наверное, не шокировало меня так, как сейчас. Мы с Кацем поняли, что нас постепенно и аккуратно вытесняют в самый дальний и темный угол приюта, покрытый водой, стекающей с вещей, да еще и завешенный всяческим снаряжением, которое било нас по голове. С удивлением мы наблюдали за тем, как наша одежда, специально подвешенная на веревку для сушки, была откинута в сторону, чтобы освободить место для их вещей. Я угрюмо сидел и все никак не мог сконцентрироваться на своей книге, пока двое мужчин сидели за мной и вели следующий диалог:

- Я никогда не делал ничего подобного.
- Что? Не ночевал в приюте?
- Нет, не смотрел в бинокль в очках.
- А-а, я-то подумал, что ты не ночевал в приюте в лесу. Ха-ха-ха!
- Нет, я не смотрел в бинокль в очках. Ха-ха-ха!

Примерно через полчаса после этого ко мне подошел Кац, сел рядом со мной и прошептал:

- Один из этих ребят только что назвал меня «Эй, чувак». Я на фиг

выбираюсь отсюда.

– Куда ты собираешься?

– Поставлю палатку на поляне. Ты со мной?

– Я остался в одних трусах, – жалостливо протянул я.

Кац понимающе кивнул и встал.

– Дамы и господа, – заявил он, – можете уделить мне минуту внимания? Извините меня, своего чувака, но вот что я вам скажу. Мы собираемся уйти и поставить палатки под дождем, так что вы сможете занять здесь все место, но мой друг лежит в одних трусах и боится оскорбить своим видом дам, а возможно, что даже и джентльменов, – и он хитро посмотрел на всех них, – так что не могли бы вы отвернуться, пока он будет надевать обратно свою мокрую одежду? Тем временем я с вами попрощаюсь и поблагодарю вас за то, что вы позволили нам ненадолго разделить с вами несколько дюймов данного пространства. Было очень приятно.

И он выпрыгнул под дождь. Я поспешно начал одеваться в полной тишине под неловко отведенными взглядами, а после спрыгнул вниз, коротко и безразлично попрощавшись. Мы поставили свои палатки примерно в тридцати ярдах от домика. Нужно сказать, что это не самый легкий и приятный процесс, если льет сильный дождь, и забрались внутрь. Перед тем как мы закончили, голоса из приюта усилились и нас удостоили громким победным смехом. Они шумели дотемна, потом пьяно шумели до утра. Я представлял, что вдруг они почувствуют угрызение совести и дадут нам небольшой примирительный подарок, например, кекс или хот-дог, но они этого не сделали.

Когда мы проснулись утром, дождь прекратился, хотя все вокруг еще было совсем невзрачным и тоскливым, и вода капала с деревьев. Мы не стали заморачиваться насчет кофе, потому что просто хотели поскорее отсюда убраться. Мы сложили палатки и собрали вещи. Кац пошел забрать футболку с сушилки и доложил, что шесть наших «друзей» преспокойно спят. Он презрительно добавил, что обнаружил там две пустые бутылки из-под бурбона.

Мы подняли рюкзаки и тронулись в путь по тропе. И только отошли от лагеря примерно сотни четыре метров, как вдруг Кац остановил меня.

– Помнишь ту женщину, которая сказала: «О, нам что, надо делиться?» – и спихнула наши вещи в самый конец веревки? – спросил он.

Я кивнул. Конечно же, я ее помнил.

– Я не то чтобы сильно этим горжусь, а еще я хочу, чтобы ты меня понял. Но когда я пришел за своей футболкой, то заметил, что ее ботинки

стоят прямо у края и, ну, я сделал что-то не очень хорошее.

– Что? – Я пытался себе представить что, но не смог.

Он раскрыл кулак. Там лежала пара замшевых шнурков. Он широко и победно улыбнулся, а потом спрятал их в карман и зашагал дальше.

Глава XIII

Конец великого приключения

А теперь о том, как закончилось начало нашего великого приключения. Мы прошли 29 км до Фронт Ройяль, где моя жена должна была забрать нас через два дня, если бы смогла найти дорогу от Нью-Гэмпшира через неизведанные места.

Мне надо было на месяц отвлечься на другие дела. А главное – попытаться убедить американцев купить мою книгу, хотя в ней почти ничего и не было о безуспешной попытке сбросить вес, о беге с волками, о процветании среди нервозности или о суде над О’Джей Симпсоном (несмотря на это, было продано более 60 экземпляров). Кац собирался вернуться в Де-Мойн, где ему предложили строить дома, но он обещал вернуться в августе и пройти со мной по очень известной тропе «Сто миль дикой природы» в Мэне.

В какой-то момент, в самом начале путешествия, он говорил о том, что хочет пройти всю тропу в одиночестве, пока я не присоединюсь к нему в июне, но когда я вспомнил об этом сейчас, он лишь усмехнулся и пригласил меня вернуться в реальный мир, когда я этого захочу.

«Честно говоря, мне удивительно, что мы так далеко зашли», – сказал он. И был прав. Мы прошли 800 км, то есть миллион с четвертью шагов. У нас были причины этим гордиться. Мы теперь были настоящими путешественниками. Мы какали в лесах и спали с медведями. Мы стали, и теперь уж навсегда, маунтинменами – искателями приключений.

Смертельно уставшие, к семи мы добрались до Фронт Ройяля и сразу пошли в первый попавшийся мотель. Он был ужасным, но дешевым. Кровати провисли, телевизоры рябили, словно в них одновременно сломался какой-то компонент, а моя дверь вообще не запиралась. Выглядело все так, словно она была заперта, но если ты снаружи нажимал на нее пальцем, она мгновенно распахивалась. На пару секунд это привело меня в замешательство, но потом я понял, что вряд ли кому-то нужны мои вещи, так что я захлопнул дверь и отправился к Кацу, и мы пошли ужинать. Мы поели в стейк-хаусе ниже по улице, а потом валялись и смотрели телевизор.

С утра пораньше я пошел в K-mart и купил там два новых комплекта одежды: носки, белье, джинсы, кеды, платки и две самых бодрых рубашки,

которые только смог найти (одна с якорями и лодками, вторая – с достопримечательностями Европы). Я вернулся в мотель, отдал Кацу половину (он был в восторге), потом пошел к себе в номер и надел новое облачение. Через десять минут мы встретились на парковке, красивые и модные, и обменялись льстивыми комментариями. Нам нужно было убить целый день, так что мы позавтракали, вдумчиво и медленно прошли по центральной деловой улице, потыкались по магазинам, нашли походный магазин, где я купил такую же палку, как потерял, а в полдень решили все-таки прогуляться. В итоге это мы и сделали.

Мы нашли несколько железнодорожных путей, которые следовали поворотам реки Шенандоа. Нет ничего более приятного, ничего более летнего, чем гулять вдоль по рельсам в новой рубашке. Мы шли бесцельно, не торопясь, два маунтинмена на каникулах, болтая ни о чем, иногда сходя с рельсов, чтобы пропустить товарный поезд, шли, наслаждаясь солнечным светом, бесконечным серебристым блеском рельсов и простым удовольствием от ходьбы без усталости. Мы шли почти до заката. Это был прекрасный способ завершить путешествие.

Утром мы отправились завтракать, а затем, как под пыткой, три часа стояли рядом с дорогой, пытаясь углядеть конкретную машину с сияющими лицами, по которым я так сильно скучал. Думаю, вы можете представить себе сцену встречи: радостные объятия, бессвязные диалоги о том, как сложно было найти поворот и мотель; восхищение тем, в какой прекрасной форме находится папа; менее восторженная реакция на мою новую рубашку; внезапное воспоминание о Каце (который застенчиво стоял на обочине); взъерошивание волос, да и вообще вся эта радостная суета по поводу того, что мы наконец вместе.

Мы привезли Каца в Национальный аэропорт в Вашингтоне, где он сел на вечерний рейс до Де-Мойна. В аэропорту я осознал, что мы в одно мгновение оказались в разных вселенных: он в «Где тут проверка паспортов?», а я в мыслях о том, что меня ждет моя семья, что машину мы припарковали плохо и что в Вашингтоне сейчас час пик. Так что расстались мы странно, почти без эмоций, с пожеланием хорошо долететь и обещанием снова встретиться в августе. Когда он улетел, мне стало грустно, но потом я вернулся в машину, увидел жену и детей и сразу же забыл о нем на несколько недель.

Был конец мая, почти июнь, когда я вернулся на дорогу. Я пошел погулять в лес недалеко от дома, с бутылкой воды, двумя сандвичами с арахисовым маслом, картой (для проформы) и ничем больше. Стояло лето, так что леса были полны зелени, птичьих трелей, москитов и мух. Я

прошел восемь километров по холмам через лес к городу Этна, там сел за старым кладбищем, съел свои сандвичи, собрался и пошел назад. Я вернулся еще до ланча. И понял, что все было не так.

Назавтра я поехал к горе Мусилоке, которая находится в восьмидесяти километрах от моего дома, на южной части Белых гор. Мусилоке – замечательная гора, одна из самых красивых в Новой Англии, по-львиному величественная и прекрасная, но находится она не пойми где, так что мало кого привлекает. Принадлежит она Дармутскому колледжу Ганновера, студенты которого присматривали за ней как могли с начала века. Именно на этой горе Дартмут впервые в Америке провел соревнования по горным лыжам, а первый национальный чемпионат был проведен здесь в 1933 году. Но гора была слишком далеко, и вскоре соревнования переехали в другие горы – поближе к дорогам, а Мусилоке снова была забыта. Сегодня вы и не подумаете предположить, что когда-то она знавала лучшие дни.

Я припарковался на маленькой грязной парковке, один, и отправился в лес. В этот раз я взял с собой воду, сандвичи с арахисовым маслом, карту и спрей от комаров. Гора Мусилоке в высоту составляет полтора километра, и в общем достаточно крутая. Я прошел ее налегке и не останавливаясь. Для меня это был новый и удивительный опыт. Вид с вершины меня впечатлил, но без Каца и полного рюкзака это все равно было не то. Домой я вернулся в четыре часа дня. Не так, все было не так. Не может такого быть, чтобы ты шел по Аппалачской тропе, а потом пошел домой косить траву.

Так что я решил вернуться на тропу. Проблема заключалась в том, что на АТ почти невозможно было вернуться без чьей-либо помощи. Я мог долететь до Вашингтона, Ньюарка, Скрэнтона или Уилкис-Барре, да до любого города, расположенного недалеко от тропы, но все равно я оказался бы очень далеко от самой тропы. Я не мог попросить жену довезти меня до Вирджинии или Пенсильвании, это выглядело примерно так же, как попросить ее довезти меня до Дюссельдорфа. Так что решил поехать сам. Я бы припарковался где-нибудь, день-другой шел по холмам, вернулся, а потом снова поехал бы дальше. Я подозревал, что это на деле будет выглядеть немного глупо, даже не совсем нормально, и я в чем-то оказался прав, но лучшего варианта у меня просто не было.

Таким образом, в первую неделю июня я снова стоял на берегах Шенандоа в Харперс-Ферри в Западной Вирджинии.

Харперс-Ферри по нескольким причинам является весьма увлекательным местом. Во-первых, там очень мило. Там находится Национальный исторический парк, а это значит, что данное место охраняется государством, поэтому там нет ни Pizza Hut, ни McDonald's, ни

Burger King и даже постоянных жителей как минимум, в нижней, более старой части города. Вместо этого тут можно увидеть восстановленные дома с памятными табличками. Так что особой живости тут не найдешь, зато есть ощущение замершего момента. При этом ты сразу понимаешь, что в этом городе очень приятно было бы жить, если бы люди могли существовать где-либо без Pizza Hut и Taco Bell (я вот думаю, что могли бы, и не менее полутора лет), но в итоге ты приходишь к выводу, что это все-таки несколько искусственный город, чудесным образом расположенный среди крутых холмов в месте слияния рек Шенандоа и Потомак.

И раз мы оказались в Национальном историческом парке, то, естественно, попали в историческое место. Именно в Харперс-Ферри известный аболиционист Джон Браун решил освободить американских рабов и создать свою собственную новую нацию в северо-западной Вирджинии. Это было достаточно амбициозной идеей хотя бы потому, что его команда насчитывала всего два десятка человек. В итоге 16 октября 1859 года он и его маленькая группа пробрались в город под покровом темноты, захватили без сопротивления федеральный арсенал (его охранял только один человек), но все равно ухитрились убить случайного прохожего, который по иронии судьбы был освобожденным черным рабом. Когда все узнали, что федеральный арсенал со 100 тысячами ружей и огромным количеством прочего оружия находится в руках маленькой компании безумцев, президент Джеймс Бьюкенен вызвал подполковника Роберта Ли, который тогда был еще верным солдатом США, чтобы тот решил вопрос. У Ли и его людей победа над повстанцами заняла примерно три минуты. Брауна захватили живым, допросили и приговорили к повешению.

Одним из солдат, наблюдавшим за казнью, был Томас Джексон, который вскоре стал известен под именем «Каменная стена», а одним из наблюдателей в толпе был Джон Уилкс Бут. Так что захват арсенала в Харперс-Ферри стал своеобразной увертюрой для всех последовавших событий.

В то же время началось настоящее светопреставление. Северные аболиционисты типа Ральфа Уолдо Эмерсона сделали из Брауна мученика, а южные лоялисты решили, что все это может быть началом чего-то большего. Короче, никто и глазом моргнуть не успел, как началась война.

Харперс-Ферри был в самом центре событий на протяжении всего этого кровавого конфликта. Геттисберг был всего в пятидесяти километрах к северу, Манассас на том же расстоянии к югу, а Антиетам (где, стоит заметить, за день умерло в два раза больше американцев, чем во время

войны 1812 года, мексиканской войны и испано-американской войны) был всего в шестнадцать километров. Сам Харперс-Ферри за всю войну переходил из рук в руки восемь раз, хотя рекорд в этом отношении принадлежит городу Винчестер в Вирджинии, расположенному всего в нескольких километрах к югу, который был захвачен и отбит целых семьдесят пять раз.

Сегодня Харперс-Ферри проводит свои годы, принимая туристов и приходя в себя после наводнений. При наличии двух рек у границ города и естественных утесов вокруг, город всегда находится под угрозой оказаться затопленным. Шесть месяцев назад именно это и произошло, и потому, когда я здесь оказался, персонал все еще сушил, перекрашивал и спускал вниз из верхних кладовок мебель, артефакты и экспонаты (через три месяца после моего приезда они снова отнесли все обратно). В одном из домов два человека вышли из дверей и, улыбаясь, покивали мне. Оба они были вооружены. Куда катится мир, если даже работники национального парка должны носить с собой револьверы?

Я прошелся по городу, но почти каждое здание, к которому я подходил, было заперто и на нем висела табличка: «Закрыто после наводнения». Тогда я пошел посмотреть на то место, где сходились две реки. Там как раз была информационная табличка Аппалачской тропы. Хотя прошло только десять дней с момента убийства двух женщин в национальном парке Шенандоа, там уже висело маленькое объявление. На нем были их цветные фотографии – явно сделанные самими женщинами во время похода, они были одеты по-походному, выглядели счастливыми и здоровыми. Сложно было смотреть на них, зная, чем все это закончилось. Мне показалось, что если бы они были живы, то до Харперс-Ферри они должны были дойти примерно в это время, так что вместо того, чтобы смотреть на их фото, я бы смотрел на них и болтал с ними, или, если бы что-то пошло иначе, они могли бы смотреть на наши с Кацем фото.

В одном из нескольких открытых домов я нашел дружелюбного невооруженного сотрудника по имени Дэвид Фокс, который был приятно удивлен наличием посетителя. Как только я вошел, он сразу вскочил со стула и явно был готов ответить на любые вопросы. Мы поговорили о способах сохранения парка, и он рассказал, что им было очень сложно делать качественную работу при таком малом количестве спонсоров. Когда парк только создали, денег хватило только на то, чтобы купить половину поля Скулхаус-Ридж – одного из самых важных и малоизвестных сражений Гражданской войны, а теперь на том месте, которое Фокс явно считал святым, строились дома и магазины. По земле национального парка даже

начали прокладывать трубы, будучи уверенными (это была ошибка), что у парка не хватит денег и сил остановить это строительство. Фокс сообщил, что мне нужно на это посмотреть. Я сказал, что обязательно сделаю.

Но для начала мне надо было посетить куда более важное для меня место. Харперс-Ферри – это штаб «Конференции по Аппалачской тропе», то есть организации, которая присматривает за знаменитой дорогой, которой я посвятил все мое лето. КАТ расположилась в скромном белом домике на крутом холме над старым городом. Я поднялся и вошел. Штаб был наполовину офисом, наполовину магазином. При этом офис выглядел очень серьезно, а магазин по большей части был завален путеводителями по АТ. С одной стороны находилась большая модель тропы, которая, если бы я увидел ее до начала путешествия, скорее всего, отвадила бы меня от такого мероприятия. Она была примерно четыре с половиной метра в длину и очень хорошо демонстрировала, насколько суровой является АТ. Остальная часть магазина была полна товаров, связанных с АТ – футболок, открыток, бандан, книг, разных публикаций. Я выбрал пару книг и несколько открыток. За кассой стояла дружелюбная девушка по имени Лори Поттейгер, на бейджике которой было написано: «Специалист по информации». И думаю, что они выбрали правильного человека – она была настоящий клад.

Лори рассказала мне, что в прошлом году на тропу вышли 1500 человек, которые собирались пройти весь путь; 1200 из них дошли до Нилс-Гэп (на первой неделе отсеивается 20 % из людей, которые собирались идти пять или шесть месяцев); примерно треть добралась до Харперс-Ферри, то есть до половины пути; и только около 300 человек дошли до Катадин. Кстати, это, по ее словам, оказалось больше, чем обычно. Около 60 человек успешно прошли весь путь с севера на юг. В этом году некоторые туристы уже добрались до Харперс-Ферри. Рано было говорить об итогах, но количество дошедших будет больше. Оно растет ежегодно.

Я спросил ее об опасностях, подстерегающих путешественников на тропе, и она ответила, что за восемь лет, что она тут работает, было лишь два подтвержденных случая змеиных укусов, не фатальных, и один человек был убит молнией.

Я спросил ее о недавних убийствах.

Она скривилась: «Это ужасно. Все очень расстроены, потому что вера – это важная часть похода по АТ. Я сама прошла всю тропу в 1987-м, так что знаю, насколько сильно ты полагаешься на отзывчивость незнакомцев. В этом вся суть, так ведь? И вот если это исчезает...»

Потом она вспомнила, кто она, и произнесла несколько официальных слов, точнее, краткую и идеально вызубренную речь о том, что мы не должны забывать, что болезни общества могут появиться и на тропе, но, по статистике, по сравнению с остальной Америкой тропа достаточно безопасна, так как с 1937 года на тропе произошло всего девять убийств, а это примерно столько же, сколько случается в маленьких городах.

Все, что она сказала, было верно, но немного нечестно. На АТ в первые 36 лет ее существования не произошло ни одного убийства, и те девять, о которых она мне рассказала, произошли за последние 22 года. Однако спорить с ней было сложно. Скорее вас убьют у себя дома в кровати, чем на АТ. Или, как мне сказал друг: «Смотри, если ты проведешь через США линию в 3220 км под любым углом, то на ее пути уж точно будут лежать девять убитых».

«Если вам интересно, то об одном из убийств имеется книга», – сказала Лори и залезла под стойку. Пару секунд девушка порылась в коробке и вытащила книгу в бумажной обложке под названием «Восемь пуль», которую и передала мне. Книга рассказывала про двух женщин, убитых в Пенсильвании в 1988 году. «Мы ее не выставляем, потому что она расстраивает туристов, особенно сейчас», – добавила она.

Я купил книгу, и когда Лори давала мне сдачу, сказал ей, что, если бы эти женщины выжили, они бы проходили Харперс-Ферри как раз сейчас. Она мне ответила, что тоже об этом думала.

Когда я вышел на улицу, моросил мелкий дождь. Я поднялся до Скулхаус-Ридж, чтобы посмотреть на поле боя. Это было большое, похожее на парк поле, на котором извивалось множество тропинок. На них стояли информационные доски, объясняющие боевые действия. Битва за Харперс-Ферри была важным моментом для «Каменной Стены» Джексона. Он пришел в город повесить Джона Брауна, потому что именно тут с помощью сложных маневров он смог захватить двенадцать с половиной тысяч солдат Союза, то есть самое большое число американцев, плененных за одну битву. Правда, это было до Батаана и Коррехидора – знаменитой Филиппинской операции во время Второй мировой войны.

Кстати, замечу, что «Каменная Стена» Джексон – это человек, жизнью которого стоит поинтересоваться. Лишь немногие люди в истории достигли большей славы за меньшее время и с меньшими правильными решениями, чем генерал Томас Джексон. Его идиосинкразия вошла в легенды. Он был безнадежно и изобретательно ипохондричен. Например, он считал, что одна его рука была больше другой, поэтому всегда ходил и ездил на коне, поднимая руку, чтобы кровь текла в тело. Он очень много спал. Много раз он

засыпал прямо за ужином. Во время битвы за Уайт-Оак-Свамп лейтенанты не смогли его разбудить и посадили на коня еще спящим. Там он и продолжал спать, пока вокруг него рвались бомбы. Его тупость тоже общеизвестна. Однажды одна знаменитая певица спела для него и его офицеров Dixie, а потом спросила, есть ли у него какие-то пожелания? Он сказал, что только одно: не споет ли она для него Dixie? Он проявлял особое рвение в записи захваченного добра и был готов за него драться. Список вещей, освобожденных от армии Союза во время Шенандоанской кампании 1862 года, включал в себя «шесть платков, две и три четверти дюжин шейных платков и бутылку красных чернил». Генерал постоянно бесил свое начальство и подчиненных, потому что не подчинялся приказам руководства, а еще тем, что никому не рассказывал о своих планах и стратегиях. Одному из его офицеров было приказано вывести вверенные ему войска из города Гордонсвилля, где он уже почти победил, и немедленно выдвинуться в Стаунтон. В Стаунтоне ему приказали срочно идти к горе Крауфорд. А там ему было сказано вернуться в Гордонсвилль.

Скорее всего, из-за его привычки гонять войска вдоль долины Шенандоа странными и нелогичными путями, Джексон заработал репутацию хитреца. Его слава основана на том, что он пару раз победил, когда другие южные войска были уничтожены, и на том, что у него было самое лучшее прозвище. Он был, без сомнения, очень храбрым, но по факту такое прозвище он мог получить не за храбрость и доблесть, а за инертность, которой отличался даже тогда, когда надо было проявлять активность. Генерал Барнард Би, который придумал его знаменитое прозвище после первой битвы за Манассас, умер почти сразу, так что правды мы никогда не узнаем.

В Харперс-Ферри произошел величайший триумф конфедератов в Гражданской войне. И только потому, что Джексон следовал инструкциям Роберта Ли. Это и принесло ему славу. Через несколько месяцев его случайно подстрелили свои же солдаты в битве при Ченселлорсвилле, и он умер через восемь дней. Война была почти закончена. Ему было всего 39 лет.

Джексон провел большую часть войны рядом с Блю-Ридж-Маунтинс, в походах по лесам и через долины, через которые недавно прошли мы с Кацем, так что мне интересно было посмотреть на его величайший триумф, потому я и пошел по тропинкам через поле, читая информацию с должным вниманием и безуспешно пытаюсь разглядеть новые дома. Было поздно, темнело. Честно говоря, я никогда ничего не понимал в боях. Теоретически было интересно узнать, что батарея капитана Пога стояла тут, а войско

полковника Григсби было выстроено в тонкую линию там, но на самом деле это не исключало того, что теперь это была просто приятная травянистая полянка.

Я был голоден и довольно долго сюда добирался, так что не нашел в себе сил представить шум и дым сражения. Кроме того, для меня на сегодня смертей было достаточно. Так что я забрался в машину и продолжил путешествие.

Глава XIV

Новая дорога

Утром я отправился в Пенсильванию, для чего надо было проехать около 50 км километров к северу. Аппалачская тропа тянется 370 км по северо-восточной части штата, похожего на карте на широкую часть куска пирога. Никто из встреченных мной туристов не говорил ничего хорошего о пенсильванской части пути. Как кто-то сказал журналисту из National Geographic в 1987 году: «Это место, которое убьет вашу обувь». Во время ледникового периода здесь царило то, что геологи называют перигляциальным климатом. Это была зона на краю ледникового щита, погода в которой характеризовалась частой сменой заморозков и оттепелей, что сильно влияло на камень. Результатом этого стали долгие километры изъеденного камня со странными углами, разбросанного тут и там. Это известно науке как Felsenmeer (в буквальном переводе – «море камней»). Такой ландшафт требует от путешественника постоянного внимания, если он не хочет подвернуть лодыжку или упасть лицом вниз. Ведь это явно не лучший опыт при наличии 22 кг веса на спине. Множество людей уходят из Пенсильвании с травмами. Еще Пенсильвания известна огромным количеством змей, живущих вдоль тропы, и совершенно грязной водой, особенно в разгар лета. АТ в этом штате не проходит ни через национальные парки, ни через леса, она не переваливает через какие бы то ни было возвышенности, не предлагает никаких особо памятных видов и совсем не интересна в историческом плане. Это не более чем центральная часть очень долгого, трудного пути между Югом и Новой Англией. Неудивительно, что множество людей его не любят.

А и еще для этого отрезка пути можно найти лишь самые худшие карты, когда-либо созданные человечеством. Шесть листов (карта – слишком сильное слово для этого произведения) сделаны для Пенсильвании организацией под названием «Кистон Трейлс Ассошиэйшн» и представляют собой что-то черно-белое, плохо напечатанное, с невнятной легендой и нечеткое, короче, что-то абсолютно бесполезное, а главное – до смешного бесполезное, душераздирающе бесполезное, опасно бесполезное. Никто не должен ходить в поход с такой ужасной картой.

Я даже пожалел, что я не дома, когда стоял на парковке в месте под названием «Парк штата Каледония» и смотрел на часть карты, которая

представляла собой просто размытые линии, похожие на плохо сделанный отпечаток большого пальца. Единственная линия равных высот была прервана маленьким числом. Это было либо 1200, либо 1800. Понять, что там было написано, было просто невозможно. Да это было, в принципе, и не важно, потому что нигде на карте не было шкал, которые могли бы помочь определить интервал высоты от одной линии равных высот до другой. Что это было – крутой подъем или плавный спуск, – я так и не понял. Ни одно место (ни одно место!) в парке и на несколько километров вокруг на карте отмечено не было. От того, где я стоял, до Аппалачской тропы могло быть как десять метров, так и четыре километра в любом направлении. Понять это тоже было никак нельзя.

Я сгупил и не посмотрел на эти карты перед тем, как выйти из дома. Я собирался в спешке, проверил, те ли карты я взял, и просто сунул их в рюкзак. Теперь я смотрел на них с чувством недоумения, как люди смотрят на фотографии, на которых любимый человек делает что-то компрометирующее. Я знал, что никогда не пойду по Пенсильвании (на это не было ни времени, ни силы духа), но думал, что смогу сделать несколько радиальных вылазок, которые позволят мне понять всю сложность этой местности без ощущения бесконечного однообразия. Теперь, когда я рассмотрел весь комплект, стало ясно, что радиальных вылазок не планируется, и, мало того, если я вообще попаду на тропу, это можно будет назвать чистой удачей.

Я горько вздохнул, убрал карты и отправился через парк пешком, ища взглядом знакомые белые таблички АТ. Это был приятный парк в лесистой долине, и к тому же народу в нем было не очень много. Я шел около часа по петляющим тропинкам через леса и реки, но АТ так и не нашел. Так что я вернулся к машине и снова поехал по пустынной дороге через густые кроны парка штата Мишо и через парк штата Пайн «Гроув Фернейс», огромную зону, построенную вокруг каменных печей XIX века, ныне разрушенных, от которых парк и получил свое имя. В этом парке были хижины, места для пикника и озеро, в котором можно было плавать, но все было закрыто, и кругом не было ни души. На краю поляны для пикников стояла огромная мусорка с большой крышкой, которая была очень сильно помята и порвана, наверное, медведем, который пытался добраться до отходов. Я исследовал оставленные им следы с глубоким уважением. Я и не думал, что бурые медведи настолько сильны.

Здесь, что радовало, уже были таблички АТ. Они вели вокруг озера и вверх по крутому склону к горе Пайни, которая не была отмечена на карте, да и не являлась по большому счету горой, в силу того, что ее высота едва

достигает 450 м. Все равно в жаркий летний день подняться на нее было тяжело. Сразу за парком стояла табличка, отмечающая середину (номинальную) Аппалачской тропы. От этой таблички в каждую сторону до конца тропы было 1738,4 км (никто толком не может сказать, какой длины АТ, поэтому настоящая середина может быть где угодно в пределах 80 км или типа того. В любом случае каждый год эта середина меняется из-за изменений тропы). Две трети туристов, которые собирались пройти тропу целиком, все равно этой таблички не видели, потому что к этому моменту уже сошли с пути. Вообще, это достаточно грустная история – переться через горы и леса 10 или 11 недель, чтобы понять, что после всего этого ты прошел всего полпути.

Еще именно тут произошло одно из самых известных убийств на тропе, как раз то, о котором говорится в книге «Восемь пуль», которую я купил день назад. История такова. В мае 1988-го две молодые туристки-лесбиянки Ребекка Уайт и Клаудиа Бреннер привлекли внимание молодого человека с ружьем, который выстрелил в них восемь раз, пока те занимались сексом на зеленой полянке рядом с тропой. Уайт была убита, а Бреннер смогла сползти с горы на дорогу, будучи серьезно раненной, и ее спасли какие-то проезжавшие мимо на пикапе подростки. Убийцу вскоре поймали и осудили.

На следующий год юноша и девушка были убиты бродягой прямо в укрытии в нескольких километрах к северу, что подпортило репутацию Пенсильвании: раньше тут никого не убивали. Зато потом никого не убивали целых семь лет, до недавнего убийства двух девушек в национальном парке Шенандоа. Их смерти свели общий счет до девяти, а это, как ни смотри, уже достаточно много для одной тропы, хотя на самом деле убийств, возможно, было больше. Между 1946 и 1950 годом трое людей исчезли в Вермонте. Они не включены в список либо потому, что это произошло очень давно, либо потому, что не было доказано, что их убили. Один мой знакомый из Новой Англии как-то рассказал мне о пожилой паре, которую в Мэне убил сумасшедший маньяк с топором. Это случилось где-то в семидесятых годах. Но об этом тоже нигде не пишут, потому что он напал на них, когда они сошли с тропы.

Я прочитал «Восемь пуль» (это были воспоминания Бреннер об убийстве подруги) накануне вечером, так что в общем был знаком с обстоятельствами, но я нарочно оставил книгу в машине, так как мне казалось несколько нездоровым осматривать место убийства примерно через десять лет после самого события. Я совсем не был напуган, но тем не менее я чувствовал слабое, невнятное неудобство, находясь один в тихих

лесах на месте, где кого-то когда-то убили, и так далеко от своего дома. Я скучал по Кацу, скучал по его пыхтению, проклятиям и абсолютному бесстрашию. И меня жутко бесила мысль о том, что, если я сяду на камень, чтобы его подождать, он все равно не появится. Лес вокруг цвел и благоухал, что делало его еще более давящим и таинственным. Из-за густой листвы я очень часто даже не мог видеть, что творится в десяти метрах от меня с каждой стороны тропы. Если я наткнулся на медведя, то буду беспомощен. Кац не придет через минуту, чтобы спасти меня, и не скажет: «Боже, Брайсон, заставил ты меня попотеть». Вообще никто не придет разделить моего восторга, потому что вокруг километров на восемьдесят не было ни одного человека. Леса принадлежали только мне и тому, что в них таилось.

Я достаточно быстро прошел около семи километров к вершине Сосновой горы. На вершине я постоял, выбирая между продвижением дальше и тем, чтобы вернуться и пойти куда-нибудь еще, когда услышал сухой треск дерева и шорох подлеска примерно в 150 м от меня. Там в мою сторону продвигалось что-то большое и невидимое. Я затаился, перестал двигаться, дышать и думать. Затем я медленно привстал на кончики пальцев, вглядываясь в листву. Шум прозвучал снова. Ближе. Что бы это ни было, оно шло ко мне! Тихо, но отчаянно поскуливая, я пробежал метров сто. Рюкзак бил меня по спине, очки съехали. Я еще немного пробежал, потом обернулся и посмотрел назад. Олень с огромными рогами вышел на тропу, посмотрел на меня пару секунд и скрылся. Я немного постоял, восстановил дыхание и вытер реку пота со лба. Я совсем не был уверен, что создан для таких вещей. После этого я вернулся в машину без каких-либо дополнительных инцидентов.

Ночью я остановился около Харрисберга, а утром поехал к северо-востоку штата по проселочным дорогам, пытаясь при этом следовать тропе. Я пару раз остановился проверить ее доступность, но не найдя ничего похожего, продолжал ехать дальше, так что в основном я ехал на машине. Пенсильванию охарактеризовать достаточно сложно, частично потому, что она огромная и густонаселенная (640 км с востока на запад и 20 млн жителей); частично потому, что это совершенно бессвязная смесь уродливых полумертвых рабочих городков, милых поселений вокруг колледжей да еще полей и холмов, изуродованных индустрией. Это место, бывшее домом Рокки Бальбоа, Дуайта Эйзенхауэра, Эндрю Карнеги и амишей. Любопытно, что здесь в пределах восьми километров пейзаж может измениться от чудовищного до великолепного, далее снова до чудовищного, потом еще до более чудовищного, а затем еще раз до

великолепного. Я знаю человека, который купил старую ферму где-то на краю света в качестве домика на выходные. Как-то в воскресенье он проснулся от взрывов и от треска штукатурки, выглянул в окно и увидел, что горнодобывающая компания начала работу прямо у него за окном. Он продал дом по заниженной цене, купил еще один, в еще более далеком краю, и проснулся там от звука бульдозеров, распахивающих землю для фабрики. Короче, он переехал в Вирджинию. Такие вот дела в Пенсильвании.

Я прошел по длинной долине, затененной темными холмами. Все фермы на обеих ее сторонах выращивали елки на Рождество: везде тянулись бесконечные ряды одинаковых деревьев. С какого угла ни посмотри, они образовывали прямые линии. В конце каждой подъездной дорожки стоял почтовый ящик с именем, аккуратно написанным на боку, и все имена без исключения звучали смешно и были словно придуманы: Притц, Путц, Мутц, Снутц, Шлепль, Клутц, Кунтц, Кункл, а у городков по всей округе были такие же названия, просто с суффиксами: Фанксвилль, Крамсвилль, Кутцтаун. Потом названия городов стали приобретать индустриальную окраску: Порт Карбон, Майнсвилль, Горнтаун, Сланцдейл, и я понял, что приближаюсь к странному полузабытому миру пенсильванского Антрацитового региона. В Майнсвилле я свернул на другую дорогу и через огромные горы мусора и ржавеющего железа направился к Сентрейлии, самому странному и грустному городу, который я когда-либо видел.

В Восточной Пенсильвании находится самое богатое месторождение угля на Земле. Почти с самого момента прибытия сюда европейцев они поняли, что угля тут невероятное количество. Проблема в том, что весь этот уголь является антрацитовым, то есть очень твердым (95 % чистого угля), так что на протяжении долгого времени никто не мог понять, как вытащить его из-под земли. Только в 1828 году шотландец по имени Джейм Нейлвон предложил для этого использовать меха с горячим воздухом. Процесс стал известен как горячее дутье и полностью перевернул всю угледобывающую промышленность по всему миру. Кстати, в Уэльсе тоже много антрацита, но особенно его много в США. К концу века Америка производила 300 млн тонн угля в год, то есть примерно столько же, сколько весь мир, вместе взятый. И большая его часть добывалась в Пенсильвании.

В то же время, ко всеобщему удовлетворению, в Пенсильвании открыли нефть, при этом ее не только нашли, но и придумали, как использовать. Природная нефть (или природный битум) на протяжении многих лет была своеобразной достопримечательностью западной

Пенсильвании. Она вытекала маленькими ручейками из речных берегов, а там ее собирали и делали из нее лекарства, которые, как считалось, лечили все – от золотухи до диареи. В 1859 году загадочный человек по имени полковник Эдвин Дрейк, который вовсе не был полковником, а был бывшим проводником и при этом совсем не разбирался в геологии, вдруг непонятно с чего решил, что нефть можно добывать из земли через колодцы. В Титусвилле он пробурил дыру на глубину 20 м и получил первый в мире нефтяной фонтан. Вскоре все поняли, что нефть можно использовать не только для укрепления стула и перевязки струпьев, но и для создания таких прибыльных вещей, как парафин и керосин. Западная Пенсильвания мгновенно разбогатела. Через три месяца, как пишет в своей книге «На подозрительной территории» Джон МакФи, город под названием Питхол-Сити вырос от населения в количестве нуля человек до 15 тысяч жителей, а города вокруг – Ойл-Сити, Петролеум-Центр, Ред-хот – разрослись еще больше. Сюда приехал и Джон Уилкс Бут, потерял все свои сбережения, после чего отправился убивать президента, но остальные остались здесь и сделали себе состояния.

На протяжении полувека Пенсильвания имела монополию на один из наиболее ценных продуктов в мире – на нефть, а также занимала главное место в производстве второго по ценности – угля. Из-за близости богатейших запасов топлива штат стал центром огромных производств типа сталеварения и химической промышленности. Многие люди на этом нечеловечески разбогатели.

Но только не шахтеры. Конечно, работа шахтера всегда была не из лучших, но нигде она не была настолько ужасной, как в США во второй половине XIX века. Благодаря иммиграции шахтеров всегда было бесконечно много. Когда валлийцы начинали протестовать, можно было задействовать ирландцев. Когда тем что-то не нравилось, их легко заменяли на итальянцев, поляков или венгров. Рабочим платили за тонну, что значило, что их не только поощряли за безоглядную скорость, но и то, что, если они пытались сделать работу безопаснее, это не шло им на пользу. Шахты бурили в земле с частотой дырок в швейцарском сыре. Это часто дестабилизировало породу. В 1846-м в Карбондейле одновременно обрушилось почти 20 гектаров шахт, забрав сотни жизней. Часты были также взрывы и пожары. Пыль от шахт отлично горит. Говоря об этом, нужно вспомнить о том, что тогда все освещали открытым огнем. Между 1870 годом и началом Первой мировой войны в американских шахтах погибли около 50 тысяч человек.

Беда антрацита в том, что он почти не поддается огню, но если

загорится, то потушить его вы не сможете. В восточной Пенсильвании в шахтах очень много раз случались неконтролируемые пожары. Один из пожаров в Лехай начался в 1850 году и не закончился аж до самой Великой депрессии, то есть горел 80 лет.

И вот так мы оказываемся в Сентрейлии. Уже целый век Сентрейлия является маленьким шахтерским поселком. Как бы ни была сложна жизнь шахтеров в давние времена, ко второй половине XX века Сентрейлия стала процветающим, работающим городом с населением около двух тысяч человек. В городе был развитый деловой район с банками, почтой, магазинами и универсамами. Были там и свой университет, четыре церкви, мужской клуб, ратуша. Короче, это был типичный, приятный, абсолютно усредненный маленький американский городок.

К сожалению, он стоял на 24 млн тонн антрацита. В 1962 году пожар в типографии на краю города спровоцировал вспышку угля. Пожарные вылили в огонь миллионы литров воды, но каждый раз, когда казалось, что теперь уже все закончилось, пожар потушен, огонь возвращался. Это походило на шуточные свечи ко дню рождения, которые на секунду гаснут, а потом снова загораются. Вскоре, очень медленно, огонь начал пробираться по подземным месторождениям. Плавно, как пар над озером, курился дым. На шоссе номер 61 асфальт на ощупь стал теплым, а потом начал растрескиваться и расходиться. Дорога стала непригодной для проезда. Дымовая зона прошла под дорогой и вырвалась через лес, затем пошла к католической церкви Святого Игнатия и дальше к городу.

Бюро шахт США вызвало экспертов, которые предложили большое количество разнообразных решений: вырыть траншею через весь город, изменить ситуацию взрывчаткой, залить все водой, но даже самое дешевое предложение стоило примерно 20 млн долларов, и было неясно, сработает ли оно. Да и в любом случае никто не мог дать таких денег. Так что огонь продолжал гореть.

В 1979 году владелец заправки рядом с центром города заметил, что температура баков под землей достигла 77 °С. Сенсоры, которые были погружены в землю, показали, что температура в четырех метрах под баками составляет почти 540 °С. По всему городу люди вдруг осознали, что стены и пол их подвалов стали очень горячими. Теперь дым поднимался везде, и люди начали ощущать тошноту и слабость из-за количества скопившегося в воздухе углекислого газа. В 1981 году двенадцатилетний мальчик играл в саду у бабушки, когда перед ним появился клуб дыма. Пока он на него смотрел, вокруг разверзлась земля. Мальчик зацепился за корни деревьев и начал звать на помощь, кто-то услышал крик и вытащил

его. Образовавшаяся там дыра была глубиной 24 м. В последующие дни такие же дыры появились по всему городу. Именно тогда люди начали серьезно воспринимать пожар.

Федеральное правительство выделило 42 млн долларов на эвакуацию людей. Люди выезжали, их дома сносили, а мусор до последней крошечки убирали до тех пор, пока не осталось ни одного здания. Так что сегодня Сентрейлия – это даже не город-призрак. Это просто большое поле с кучей пустых улиц, которые выглядят как улицы только из-за дорожных знаков и пожарных гидрантов. Каждые десять метров или около того здесь проходит подъездная дорожка, через пять метров обрывающаяся в никуда. В городе сохранилось еще несколько жилых домов – скромные, деревянные строения, а также пара зданий из делового округа.

Я припарковался у здания с выцветшим знаком, гласившим с некоторым апломбом: «Проектный офис пожаров в шахтах города Сентрейлии». Само здание уже почти упало. Рядом с ним стояло другое здание, не такое ветхое, под названием: «Автозапчасти Спид-Стоп». Оно смотрело на аккуратный парк с американским флагом у скамейки. Казалось, магазин все еще функционирует, но внутри свет был выключен и никого не было. Поймите, никого не было нигде – ни машин, ни звуков, – только иногда в воздухе раздавалось клацание металла по флагштоку. Тут и там в землю были воткнуты металлические цилиндры, из которых курился дым.

Чуть повыше через парковку стояла современная большая церковь, вокруг которой вился дымок. Думаю, что это была та самая церковь Святого Игнатия. Я поднялся по склону. Церковь выглядела живой и используемой: окна в ней заколочены не были, как и не было знаков из серии: «Проход запрещен». Однако церковь была заперта, на ней не висело никаких табличек с расписанием служб, на ней вообще не было никаких табличек. Вокруг церкви из-под земли тонкими струйками поднимался дым, а прямо за ней дым стоял огромными столбами. Я обошел церковь и понял, что нахожусь на куче угля, размером примерно в четыре тысячи квадратных метров, из которой и валил густой белый дым, тот самый дым, который можно увидеть при сжигании старых одеял или шин. Сложно было через эту завесу вычислить глубину дыры. Земля была теплой и слегка прикрытой пеплом.

Я вернулся ко входу. На старой дороге стояло ограждение, а новая огибала холм и город. Я перешагнул через барьер и пошел по старому шоссе номер 61. Через асфальт пробивалась трава, но все-таки казалось, что дорогой пользуются. С обеих сторон дороги земля дымилась как после

лесного пожара. Примерно в 50 метрах от меня в центре дороги появилась трещина, а вскоре она превратилась в дымящийся провал шириной в несколько сантиметров. В некоторых местах дорога с одной стороны трещин просела или вообще превратилась в яму. Время от времени я всматривался в трещины, но не мог увидеть их глубины из-за дыма, который ел глаза, когда ветерок менял направление.

Я шел еще несколько минут, внимательно исследуя шрамы, покрывавшие эту землю, словно работал каким-то инспектором дорог. Через некоторое время до меня дошло, что я нахожусь в центре, прямо совсем в центре земли, под которой вот уже 34 года горит уголь, и меня от этого пожара отделяет лишь тонкая корочка асфальта. Скажем прямо, не самое лучшее место. Может быть, у меня разыгралось воображение, но земля вдруг показалась мне похожей на губку и теплой, как будто я шел по матрасу. Испугавшись, я быстро убрался в машину.

Казалось странным, что я или еще какой-нибудь тупица может легко приехать в такое опасное место, как Сентрейлия, но тут и правда не было ничего, что могло бы это предотвратить. Что еще более странно, так это то, что эвакуация Сентрейлии не была полной. Те, кто хотел остаться, могли остаться, и в итоге кто-то так и сделал. Я вернулся в машину и поехал к одинокому дому в центре города. Дом был покрашен в бледно-зеленый цвет и выглядел так, что за ним явно ухаживали. На подоконниках стояли искусственные цветы и прочие скромные украшения, а рядом с недавно покрашенным крыльцом росли бархатцы. Но возле дома не было машины, и на мой звонок тоже никто не ответил.

Еще несколько домов, как я понял, подойдя поближе, были необитаемы. Два из них были заколочены и увешаны знаками: «ОПАСНО». В пяти или шести остальных, включая три дома, стоящих рядом, явно кто-то жил. В одном в саду даже лежали детские игрушки (кто вообще будет растить детей в таком месте?), но сколько я ни звонил, так ничего и не добился. Все были либо на работе, либо, возможно, лежали мертвыми на кухне. Казалось очень странным, что кому-то разрешили тут остаться, но Америка – удивительная страна, где принимают во внимание частную свободу. В одном доме я постучал в дверь и заметил, как дернулась занавеска, но был в этом не уверен. Кто знает, насколько сильно можно свихнуться, прожив три десятка лет над адом и постоянно дыша углекислым газом? Возможно, правда, что они просто устали от любопытных путешественников, которые шатались по окрестностям и считали их город просто любопытной достопримечательностью. Я даже порадовался тому, что на стук никто не отвечал, так как совершенно не

знал, что же у них спросить.

Было уже сильно за полдень, так что я проехал около восьми километров к ближайшему городу. Это был Маунт-Кармель – маленький живой городок, хотя и немного старомодный. На его главной улице были машины, а на тротуарах пешеходы, идущие по своим делам. Я пообедал в Academy Luncheonette and Sporting Goods Store. Это, наверное, единственное место в Америке, где можно пялиться на спортсменов, поедая сандвич с тунцом. После чего собрался вернуться на поиски АТ, но когда шел обратно в машину, увидел библиотеку и зашел туда спросить про Сентрейлию.

У них была информация: целых три толстых папки, набитых газетными и журнальными вырезками с 1979 по 1981 год. Именно тогда Сентрейлия как раз привлекла к себе внимание всей Америки, особенно когда маленький мальчик Тодд Домбовски был почти проглочен землей в саду у своей бабушки.

Там еще имелась тонкая книжечка по истории Сентрейлии, которая должна была быть выпущена к столетию города, прямо перед пожаром. В ней было много фотографий бурлящего города, не абсолютно такого же, в котором была библиотека, но в чем-то схожего с ним, только с разницей в три с чем-то десятка лет. Я забыл о том, как давно был этот 1960 год. Все мужчины на фото были в шляпах, женщины и девочки – в пышных юбках. Никто, конечно, не знал, что их приятный городок обречен. Было почти невозможно связать полное жизни место с фотографий с пустым полем, от которого я только что уехал.

Когда я складывал все обратно в папки, на пол спланировала вырезка. Это была статья из «Newsweek». Кто-то подчеркнул короткий параграф в конце статьи и поставил три восклицательных знака на полях. Это была цитата из наблюдений за пожаром в шахте. В ней писалось о том, что если пожар будет продолжаться в том же темпе, то углю под Сентрейлией гореть еще тысячу лет.

Так вышло, что в нескольких километрах от Сентрейлии находилось еще одно странное место, о котором я много слышал и хотел на него посмотреть. Это склон горы в долине Лехай, который был так сильно загрязнен цинком, что там полностью исчезла вся растительность. Я услышал об этом от Джона Коннолли, который говорил, что гора находится где-то рядом с Палмертоном, так что я выдвинулся туда на следующее утро. Палмертон – довольно крупный город, мрачный и индустриальный, но и у него есть свои приятные моменты, например, пара больших солидных зданий начала XX века, которые излучали собой уверенность, а также

приятная центральная площадь и деловой район, находящийся явно не в лучшем состоянии, но пытающийся прийти в себя. Фон города составляли большие, похожие на тюрьмы фабрики, которых на первый взгляд было очень много. В одной из частей города мне показалось, что я нашел свою цель. Это был широкий и крутой кусок горы длиной в несколько километров и высотой в полкилометра, на котором напрочь отсутствовала какая-либо растительность. Рядом с дорогой имелась парковка, а метрах в ста от нее возвышалась фабрика. Я припарковался, вылез из машины, осмотрелся и открыл рот. Это на самом деле впечатляло.

Пока я так стоял и смотрел, из будки охраны вылез толстяк в форме и пошел ко мне с грозным видом:

– Че ты тут делаешь? – пролаял он.

– Извините? – ответил я, несколько ошарашенный. – Смотрю на холм.

– Запрещено!

– Запрещено смотреть на холм?

– Тут запрещено, это частная собственность.

– Извините, не знал.

– Ну, читайте. Она частная. Так на знаке написано, – и он показал на знак, на котором не было написано ничего, и на секунду замолчал. – Короче, частная.

– Извините, не знал, – снова сказал я, пока не понимая, насколько серьезно он относится к своим обязанностям. Я все еще смотрел на холм.

– Удивительно, правда?

– Что?

– Гора. Тут же нет ни одного растения.

– Я не замечал. Мне не за это платят.

– Посмотрите как-нибудь. Думаю, что вы удивитесь. Так что, тут цинк обрабатывают? – спросил я, кивая на здания за его плечом.

Он подозрительно посмотрел на меня:

– Зачем тебе это знать?

– У меня цинк закончился, – и я вернул ему взгляд.

Он посмотрел на меня искоса, словно говоря: «Умный нашелся, да?», затем внезапно и решительно сказал:

– Думаю, мне нужно узнать твое имя. – Он натужно вытащил записную книжку и карандаш из заднего кармана.

– Что, только потому, что я спросил про фабрику?

– Нет, потому что на частную территорию проник.

– Я не знал, что она частная, тут даже знака нет.

Он поднял карандаш:

– Имя?

– Не смешите меня.

– Сэр, вы проникли на частную территорию. Вы собираетесь сообщить мне свое имя?

– Нет.

Мы немного попрепирались. В итоге он разочарованно покачал головой и сказал:

– Вы сами напросились. – Он вытащил рацию, расправил антенну и включил. А я... я слишком поздно понял, что именно об этом он мечтал на протяжении долгих и однообразных часов, проведенных в одиночестве в будке охраны.

– Джей Ди? – сказал он в приемник. – Это Лютер. У меня тут нарушитель.

– Что вы делаете?

– Конфискую ваш транспорт.

– Не смешите меня. Я просто ненадолго съехал с дороги. Я уже уезжаю.

Я сел в машину, завел двигатель и собрался уехать, но он загородил дорогу. Я высунулся из окна:

– Пардон.

Но он не двигался. Он просто стоял ко мне спиной, скрестив руки, не обращая на меня внимания. Я погудел, но он не реагировал. Я высунулся из окна и сказал:

– Хорошо, я скажу вам свое имя.

– Слишком поздно.

– О господи, – пробормотал я и потом снова сказал ему в окно: – Пожалуйста? – и опять, – Пожалуйста, парень, ну? – Но он уже не собирался менять линию поведения.

Я снова обратился к нему:

– Слушай, у них в описании работы написано «придурок» или тебе надо было на курсы ходить? – Затем я выдохнул очень плохое слово, сел и стал злиться.

Через полминуты приехала машина, из которой вышел человек в темных очках. Он был в такой же форме, но лет на 10–15 старше и намного опрятнее. Он выглядел как опытный сержант.

– Проблемы? – спросил «сержант», глядя то на меня, то на Лютера.

– Может, вы мне поможете? – сказал я очень вежливо. – Я ищу Аппалачскую тропу. Этот джентльмен говорит, что я нарушитель.

– Джей Ди, он смотрел на холм, – толстяк сказал это очень

взволнованно, но Джей Ди поднял руку, чтобы его успокоить, потом повернулся ко мне: – Вы походник?

– Да, сэр, – я показал на рюкзак на заднем сиденье. – Я просто хотел уточнить, где я, но тут мне заявили (я разочарованно хохотнул), что я нарушитель и что у меня забирают машину.

– Джей Ди, этот парень смотрел на холм и задавал вопросы.

Но Джей Ди снова поднял руку.

– Куда направляетесь?

Я сказал. Он кивнул.

– Тогда вам надо проехать дальше по дороге около шести километров до Литт-Гэп и повернуть направо к Дэнилсвиллю. На вершине холма увидите тропу. Вы ее не пропустите.

– Огромное спасибо.

– Без проблем. Удачного похода.

Я снова поблагодарил его и уехал. В зеркале заднего вида я с удовлетворением увидел, что он разговаривает с Лютером и, как я надеялся, строго приказывает ему убрать рацию.

Дорога привела меня к пустой парковке. Я припарковался, нашел АТ и пошел по ней к высокому гребню через невероятно иссеченную местность. Многие километры она либо была пуста, либо покрыта гниющими стволами деревьев. Некоторые из них были живы, но оставалось им недолго. Земля была покрыта черной пылью, похожей на железную стружку.

Идти было очень легко: гребень оказался плоским, а отсутствие растений означало прекрасный вид. Все остальные холмы вокруг меня, даже те, которые находились недалеко, приятно зеленели и находились в добром здравии, несмотря на то, что в них было пробито множество шахт. Я шел чуть больше часа, пока не пришел к внезапному и очень крутому спуску к Лехай-Гэп – почти 300 м вниз или вверх, но это для тех, кто шел в обратном направлении. Я порадовался тому, что мне не надо идти ни вверх, ни вниз, и вернулся к машине.

Было почти четыре. «Так себе день», – подумал я. И подсчитал: для того чтобы попасть в Пенсильванию, я проехал 560 км, провел в штате четыре долгих дня, а прошел по АТ дай бог если 17 км. Никогда больше не буду пробовать походы с машиной.

Однако я чувствовал радость оттого, что у Лютера будут проблемы. А у меня были поездочки и похуже.

Глава XV

Древние пейзажи

В стародавние времена горы Аппалачи по своей высоте и стати могли потягаться с Гималаями. Они вздымались на четыре мили вверх и скрывались за облаками, их вершины были покрыты вечными снегами. Гора Вашингтон в Нью-Гэмпшире до сих пор поражает своими размерами, но каменные глыбы, возвышающиеся над лесами Новой Англии, сегодня представляют собой лишь одну треть того, что находилось здесь десять миллионов лет назад.

Сегодня Аппалачи выглядят намного более скромно из-за своего преклонного возраста. Эти горы невероятно стары, старше океанов и континентов, намного, намного старше большинства остальных горных цепей. Когда простейшие растения населили сушу, а первые существа моргая выползли из морей, Аппалачи уже были на своем месте. Это один из самых древних пейзажей на Земле.

Примерно миллиард лет назад все континенты были слиты в один под названием Пангея, которую окружал океан Панталасса. Потом какой-то неизвестный катаклизм в земной коре заставил сушу расколоться, после чего она расползлась на куски разных размеров. С тех пор время от времени, как минимум три раза, континенты вновь сходились вместе, подплывая обратно друг к другу в некоторых точках, и сталкивались с медленной, но неумолимой силой. Во время третьего такого столкновения, начавшегося 470 миллионов лет назад, и поднялись Аппалачские горы (по аналогии ученых: прямо как сморщившийся ковер). Четыре сотни и семьдесят миллионов лет – число, трудно поддающееся осмыслению, но если вы представите себе, что летите назад сквозь время со скоростью один год в секунду, то вам понадобится примерно 16 лет, чтобы пролететь заданное время. Это довольно долго.

Континенты не просто сближались и отталкивались друг от друга, словно танцую гигантский замедленный вальс, но лениво бродили по кругу, меняли свое направление, проплывали по тропикам и полюсам, знакомились с более мелкими частями суши и забирали их себе. Флорида когда-то была частью Африки. Угол Статен-Айленда геологически является частью Европы. Побережье от Новой Англии до Канады зародилось в Марокко. В различных частях Гренландии, Ирландии, Шотландии и

Скандинавии были обнаружены те же самые камни, что и в восточной стороне США. На самом деле это отколовшиеся куски гор Аппалачи. Существует даже мнение, что горы на далеком юге, такие как Хребет Шеклтона в Антарктиде, возможно, также принадлежат к семье Аппалачи.

Аппалачи образовались за три долгие фазы, или орогенезы, как зовут их исследователи. Орогенезы носят названия таконского, акадского и аллеганского. На первые два пришлось формирование основной части северных гор, а в третьем появились центральная и южная часть Аппалачей. В то время как континенты натыкались на препятствия и двигали соперников, порой одна континентальная плита наезжала на другую, продавливая перед ней дно океана и перестраивая пейзаж на 150 миль внутрь суши. Иногда одна подныривала под другую, тревожа кору земли, в результате чего в этом месте возрастала вулканическая активность и число землетрясений. Порой столкновения перемешивали каменистые слои, словно игровые карты.

Сразу хочется провести аналогию с автокатастрофой континентальных масштабов, но все это, конечно же, происходило чрезвычайно медленно. Прото-Атлантический океан (который получил более романтическое название Япет), заполнивший пространство между континентами во время одного из ранних разрывов, в большинстве книжных иллюстраций выглядит как временная лужа (внимательно рассмотрите рис. 9А.) А потом он исчез (как показывает рис. 9В), как будто бы на денек выглянуло солнце и высушило его, но на самом деле оно существовало намного дольше, на сотни миллионов лет дольше самого Атлантического океана. Таким же медленным был и процесс образования гор. Если бы вы отправились посмотреть на рождение гор Аппалачи, то не смогли бы осознать, что происходят какие-то огромные геологические изменения. Это выглядело примерно так, как сейчас Индия въезжает в Азию, будто попавший в сугроб слетевший с тормозов грузовик, подталкивая Гималаи чуть выше всего лишь на миллиметр в год.

Как только горы встали на свое место, они стали столь же неотвратимо стираться. Хотя, кажется, что горы вечны, они являются лишь временным украшением поверхности земли. В книге «Медитации на высоте трех километров» ее автор геолог по имени Джеймс Трефил подсчитал, что обыкновенный горный поток смывает тысячу кубических футов горного покрова за год, по большей части в форме кристаллов песка или других незакрепленных частиц. Это равняется работе мусоровоза среднего размера. Вроде и не очень много. Представьте себе, что этот мусоровоз приезжает раз в год к основанию горы, один раз полностью заполняет кузов

и не появляется еще двенадцать месяцев. При такой скорости кажется невозможным избавиться от целой горы, но так и происходит в реальности, если дать природным процессам достаточно времени. Если предположить, что гора имеет полтора километра в высоту и 50 тысяч кубических футов массы, примерно как гора Вашингтон, то один такой поток источит ее до основания где-то за 50 млн лет.

Конечно, на большинстве гор течет множество потоков. Более того, все они подвергаются воздействию большого количества факторов эрозии от невидимых кислотных выделений лишайников (крошечных, но вездесущих) до дробящих смещений ледового покрова, так что большая часть гор исчезает намного быстрее: скажем, за несколько сотен миллионов лет. Прямо сейчас Аппалачи в среднем уменьшаются на 0,03 миллиметра в год. Они прошли этот цикл как минимум дважды, возможно, что и больше: они поднимались на впечатляющую высоту, стирались в пыль, вновь вздымались, всякий раз перерабатывая свои составные компоненты в невероятно разнообразный и гетерогенный ландшафт.

Детали этого процесса, как вы понимаете, являются теорией. Единогласно ученые признают лишь небольшое количество фактов. Некоторые считают, что Аппалачи подверглись четвертому, более раннему процессу горообразования, который называется «Гренвильским орогенезом», и что такие процессы могли происходить и раньше. Точно так же Пангея, что вполне вероятно, была разделена и вновь сливалась в единое целое не три раза, а десятки раз, а возможно, что и больше. Ко всему прочему, в теории существует несколько неясных мест, главным из которых является отсутствие убедительных подтверждений континентальных столкновений, что кажется странным и даже невероятным, если учесть, что минимум три континента терлись друг о друга с чудовищной силой на протяжении примерно 150 млн лет. Должны же в этом случае найтись хотя бы какие-то швы и шрамы по краю восточного побережья Соединенных Штатов. Но их там попросту нет.

Бог видит, я не геолог. Покажите мне необычный кусок граувакка (кто не в курсе, это такой песчаник времен палеозоя) или симпатичный шмат габбро (есть такая магматическая горная порода), и я взгляну на них с должным уважением, внимательно выслушаю то, что вы имеете мне сказать, но все это будет лишено для меня всякого смысла. Если вы мне расскажете, что когда-то это были извержения подводных вулканов, что все это томилось глубоко в земле, где пеклось и перемалывалось миллионы лет, а затем было исторгнуто на поверхность дна, благодаря чему она покрылась столь великолепными слоями стекловидных кристаллов и

рыхлой магнезиальной слюды, то я воскликну: «О боже!» и «Вот это да!», но не могу обещать, что за моими возгласами будет стоять осознание полученной информации.

Лишь изредка я интересовался чудесами геологии. Например, в месте под названием «Водное ущелье Делавэр». Здесь над гладью спокойной и статной реки Делавэр расположилась гора Китатини, такая глыба камня высотой 400 м, состоящая из прочного кварцита (по крайней мере, так было написано), который оказался на поверхности, когда река пробилась себе путь через более мягкие верхние породы, нежно, но настойчиво продвигаясь к морю. В результате гора разделилась на две половины, что случается нечасто. Такого вы не найдете больше нигде в районе Аппалачей. Я в этом уверен. А здесь этот вид производит особенно сильное впечатление, так как открытый кварцит уложен в длинные волнистые полосы, которые идут под странным углом примерно в 45 градусов. Даже человек без фантазии поймет, что на этом месте происходили какие-то глобальные геологические сдвиги.

Это очень красивый вид. Примерно столетие назад люди сравнивали его с Рейном и даже (немного амбициозно, скажу я вам) с Альпами. Побывав здесь, художник Джордж Иннес создал свою знаменитую картину «Водное ущелье Делавэр». На ней изображена река, лениво текущая между зелеными долинами с рассыпанными то тут, то там деревьями и фермами, на фоне серых холмов, чей силуэт напоминает букву «V» там, где река проходит мимо. Этот пейзаж выглядит словно кусочек Йоркшира или Камбрии, перенесенный на Американский континент. В 1850 годах на берегу реки был построен уютный отель с 250 комнатами под названием «Китатини Хауз», который приобрел такую популярность, что за ним последовали новые гостиницы. Ущелье Делавэр стало излюбленным местом летнего отдыха целого поколения людей, жившего после Гражданской войны. Затем, как это часто бывает с модой на места для путешествий, слава пришла к Белым горам, потом к Ниагарскому водопаду, горам Катскилл и «Диснейленду». Теперь почти никто не остается на отдых у водного ущелья Делавэр. Люди до сих пор приезжают сюда в больших количествах, но они лишь ненадолго паркуют свои машины на местных стоянках, любуются видом, затем запрыгивают обратно на сиденья и уезжают.

Увы, но сегодня вам придется довольно сильно прищуриться, чтобы различить ту спокойную красоту, которая так привлекала Иннеса. Водное ущелье не только является главной достопримечательностью Пенсильвании, но еще и единственным проходом через Аппалачи к району

Поконос. В результате этот небольшой участок пригодной для использования земли полностью покрыт трассами и местными дорогами. Здесь есть железная дорога и шоссе, соединяющее штаты, а также длинный и до смерти скучный асфальтированный мост, по которому идет поток гудящих грузовиков и машин, курсирующих между Пенсильванией и Нью-Джерси. Все это походит, как остроумно подметил Джон Макфи в книге «На подозрительной территории», на «переплетение трубок прибора жизнеобеспечения, прикрепленных к безнадежному больному».

И все же гора Китатини, возвышающаяся словно башня над рекой на стороне Нью-Джерси, поражает воображение, и вы не сможете взглянуть на нее – или не смогли бы это сделать в старые времена – без того, чтобы вам не захотеть вскарабкаться на нее и насладиться видом сверху. Я припарковался у информационного центра, что расположился у подножия горы, и отправился в гостеприимный зеленый лес. Это было великолепное утро, росистое и прохладное, но солнечный свет и стоячий воздух намекали, что день будет очень жарким. Я вышел достаточно рано, чтобы совершить хорошую прогулку, и был очень рад наступлению дня. Я находился на самом краю нескольких тысяч акров симпатичных лесов, простиравшихся по территории национального заповедника «Уорфингтон» и национальной зоны отдыха «Водное ущелье Делавэр». Тропа была ухоженной и достаточно крутой, чтобы путник чувствовал небольшое напряжение, но не подвергал себя страшным пыткам.

Последний радостный бонус состоял в том, что у меня на руках оказались отличные карты. Я мог положиться на первоклассных картографов «Конференции по путеводителям Нью-Йорка и Нью-Джерси». Их карты были отпечатаны на хорошей бумаге в четырех цветах: зеленый обозначал леса, голубой – воду, красный – дороги, черный предназначался для текста. Все 242 названия были хорошо пропечатаны в приличном масштабе (1:36 000), сюда же были включены все соединяющие дороги и менее исхоженные тропы. Составители явно хотели, чтобы вы знали, куда направляетесь, и получали от этого удовольствие.

Не могу передать вам, до чего мне было приятно сказать: «О, да это же ручей Даннфилд», или: «Вниз по реке должен находиться остров Шоуни». Если бы все карты местностей, которые пересекает Аппалачская тропа, хоть немного походили на ту, что я держал сейчас в своих руках, то поход по ней принес бы мне намного больше удовольствия, скажем, процентов на двадцать пять. Я вдруг осознал, что был раньше абсолютно не заинтересован в том, что находилось вокруг меня, просто потому что я не знал и не мог знать, где нахожусь. Но теперь, как по волшебству, я

подобрал свои пожитки, заглянул в будущее и почувствовал, что стал немного ближе к постоянно меняющимся, но уже узнаваемым ландшафтам.

И я прошел еще двенадцать прекрасных километров по Китатини до пруда Санфиш, очень симпатичного пруда в сорок один акр, окруженного лесами. По пути я встретил лишь двух человек. Оба были дневными туристами, и я снова подумал, что считать, что Аппалачская тропа полна людей, будет неким преувеличением. Примерно 30 млн человек жили в часе езды от водного ущелья, так как Нью-Йорк находится всего в 72 км на восток, а Филадельфия чуть южнее. И несмотря на это, при том, что стоял замечательный солнечный денек, все эти волшебные леса принадлежали только нам троим.

Для путешественников, направляющихся на север, пруд Санфиш становится чем-то вроде невероятной новинки, так как нигде на юге вы не найдете водоема на вершине горы. Это первый след, оставшийся от ледников, который встречают походники, идущие к северу. Во время последнего ледникового периода именно до этой отметки доходили ледяные пласты. Они прошли до Нью-Джерси, примерно на 16 км к югу от водного ущелья, хотя даже здесь, где климат остановил их ход, ледники составляли 600 метров в толщину.

Только представьте себе! Стена льда высотой почти в километр, а за ней на тысячи квадратных километров ничего, кроме льда, который могли проломить лишь вершины самых высоких гор. Что это был за вид. И здесь осталось напоминание о тех днях. Мы все еще находимся в ледниковом периоде, но теперь испытываем его влияние лишь некоторое время в году. Снег, лед и холод не самые типичные явления для нашей планеты. Если вернуться назад во времени, то Антарктида на самом деле являлась джунглями (на нее просто напал озноб). В самый пик последнего ледникового периода – 20 тысяч лет назад – 30 % Земли было, покрыто льдом. Теперь этим могут похвастаться лишь 10 % ее территорий.

За последние два миллиона лет произошло как минимум десяток ледниковых периодов, каждый из которых длился где-то 100 тысяч лет. Их сила была просто невообразимой. Самый последний ледовый таран под названием «Висконсинский ледовый пласт» протянулся от полярных областей почти по всей территории Европы и Северной Америки. Его глубина достигла двух миль, и он продвигается дальше примерно на 50–100 м каждый год. Из-за того, что он впитал в себя многие воды Европы, уровень моря упал на 120 м. Затем, примерно 10 тысяч лет назад, не внезапно, но достаточно быстро, пласт льда вновь стал таять. Никто не знает почему. Он оставил за собой абсолютно новый ландшафт. Там, где

когда-то было море, возникли Лонг-Айленд, Кейп-Код, Нантукет и большая часть Мартас-Винъярд. Он также выцарапал углубление для Великих озер, Хадсон-Бэй и, среди прочего, для маленького пруда Санфиш. На каждом футе пейзажа отсюда и дальше на север остались шрамы и царапины от ледников: разбросанные то тут, то там перенесенные ледником глыбы – эрратические валуны, продолговато-овальные холмы друмлины, создающие особый пейзаж уэскеры, долины с V-образной формой, высокогорные ледниковые озера. Я вступал в новый мир.

Никто не знает точной информации о большинстве ледниковых периодов, произошедших на Земле: почему они появились, почему остановились, когда они вернутся вновь. Одна интересная теория (вспомним, что мы все сильно беспокоимся о глобальном потеплении) предполагает, что ледниковые периоды случались не из-за падающих, а из-за растущих температур. Теплая погода ускоряет выпадение осадков, которые увеличивают облачность, а это, в свою очередь, ведет к тому, что снег на высоких точках начинает таять медленнее. Вам не понадобятся ужасные заморозки, чтобы ускорить приход ледникового периода. Как отмечает Гвен Шульц в своей книге «Потерянный лед»: «Не важно, сколько снега приводит к наслоению льда, важно, насколько долго этот снег может сохраниться». Говоря об осадках, он называет Антарктиду «самой обширной сухой местностью на Земле, которая суше, чем любая большая пустыня».

Вот еще одна интересная мысль. Если бы ледники начали свое формирование сейчас, они смогли бы напитаться намного большим количеством воды, чем раньше, получив ее из Хадсон-Бэй, Великих озер, сотен озер Канады, ни одного из которых не существовало во время последнего ледникового периода. Так что они смогли бы вырасти намного быстрее. А что, если они снова начнут свое наступление? Что нам нужно будет делать в этом случае? Взрывать их с помощью тротила или, возможно, атомных бомб? Что же, нет сомнения, что так мы и поступим, но подумайте вот о чем. В 1964 году в Северной Америке было зафиксировано самое сильное землетрясение, которое встряхнуло Аляску так, как это могли бы сделать 200 тысяч мегатонн концентрированной взрывной силы, что равняется примерно двум тысячам ядерных бомб. Почти в пяти тысячах километров отсюда, а именно в Техасе, вылилась вода из всех бассейнов. В Анкоридже целая улица ушла под землю на шесть метров. Землетрясение повредило 62 тысячи км² дикой природы, при этом на большей части территории находились ледники. И какой эффект это явление произвело на ледники Аляски? Ровным счетом никакой.

Прямо за прудом начиналась обходная тропинка, тропа Грейви-Спрингс, которая очень круто спускалась к старой мощеной дороге, идущей по берегу реки, прямо около местечка под названием «Остров Токс», около которого я хотел сделать долгий крюк, чтобы выйти обратно к туристическому центру, где оставил свою машину. Впереди меня ждали шесть километров, день становился все жарче, но дорога была тенистой и тихой. За час я встретил лишь три машины, так что это была очень приятная прогулка, полная долгих остановок у реки, когда я мог полюбоваться заросшими долинами.

По американским стандартам Делавэр не самый впечатляющий водоем, но его вид – один из самых типичных для страны. Это практически последняя река США, на которой не установлена дамба. Сейчас это может показаться просто чудом: река, которая течет так, как запланировала сама река. Но при этом Делавэр постоянно выходит из берегов. В 1955 году здесь случился потоп, который приобрел эпитет «Великий». В августе этого года, когда по иронии судьбы случилась самая страшная за несколько десятилетий засуха, два урагана один за другим ударили по Северной Каролине, испортив погоду по всему восточному побережью. Сначала двухдневный дождь поднял уровень реки в ущелье Делавэр на 25 см. Шесть дней спустя всего за сутки в долине выпало еще десять дюймов осадков. В местечке под названием Кэмп-Дэвис, где находился комплекс для отдыха, 46 человек, по большей части женщины и дети, укрылись от подступающей воды в главном здании санатория. Пока вода поднималась, они перешли сначала на верхние этажи, затем поднялись на чердак, но это их не спасло. Ночью метровая волна воды ворвалась в долину, сметая все на своем пути. Каким-то чудом девять человек сумели спастись.

В других местах река смывала мосты и незащищенные прибрежные городки. Прежде чем село солнце, река Делавэр поднялась на полтора метра. Когда вода наконец отступила, четыре сотни людей были найдены мертвыми, а сама долина Делавэр находилась в самом плачевном состоянии.

В этой жиге начали свою работу военные инженеры США, которые создали план дамбы у острова Токс, близко к тем местам, где я прогуливался сегодня днем. По плану военных дамба должна была не только усмирить реку, но и позволить властям создать новый заповедник, в сердце которого находилось бы озеро шириной в 64 километра, где можно было бы остановиться на отдых. Для этого с близлежащих территорий выселили 8 тысяч жителей. Все было сделано в страшной спешке. Один из выселяемых оказался слепым. Несколько фермеров владели лишь частью

своих земель, так что они остались только с земельным наделом, но без дома, или с домом без земли. Одна женщина, чья семья возделывала здесь свою землю с XVIII века, бешено сопротивлялась, пока ее выносили из дома на руках к радости фотографов местной газеты и журналистов.

Суть в том, что армейские инженеры не очень хороши в строительстве. Дамба на реке Миссури в Небраске так сильно покрылась илом, что через нее начала просачиваться пузырчатая жижа прямо на улицы города Ниобрара, заставив людей навсегда покинуть их жилища. Затем сбой дала дамба, построенная военными в Айдахо. К счастью, эта местность была практически не заселена, а местных жителей предупредили об опасности заранее. Но все равно несколько маленьких городов были полностью смыты, погибли одиннадцать человек. Но это были достаточно маленькие дамбы. А за дамбой у Токс находилось 64 километра воды. Вниз по течению стояли четыре крупных города – Трентон, Кэмден, Уилмингтон и Филадельфия, а также множество более мелких городов. Катастрофа на реке Делавэр могла стать национальной трагедией.

Военные инженеры США шустро развернули здесь свои работы, намереваясь использовать при строительстве печально известную своей хрупкостью валунную глину. Кроме того, со строительством был связан целый букет различных экологических проблем: уровень минерализации под дамбой должен был катастрофически вырасти, что сильно навредило бы природе нижней части реки, особенно ценному виду устриц, обитающих в заливе Делавэр.

В 1992 году, после нескольких лет все усиливающихся протестов, которые вышли далеко за пределы долины, план строительства дамбы наконец заморозили, но к тому времени с землей уже сровняли несколько деревень и ферм. Тихая, далекая от суеты и очень красивая фермерская долина, не сильно изменившаяся за 200 лет своего существования, была уничтожена навсегда. «Один из положительных результатов [отмененного] проекта, – отмечает «Аппалачский путеводитель по Нью-Йорку и Нью-Джерси», – состоит в том, что земли, переданные во владение федерального правительства и предназначавшиеся для национального парка, дали возможность проложить защищенный коридор для Аппалачской тропы».

Сказать вам по правде, я довольно быстро устал от всего этого. Я знаю, что Аппалачская тропа задумывалась как путь через дикую природу, и я понимаю, что во многих случаях на ней должна соблюдаться именно такая атмосфера, но иногда, прямо как здесь, кажется, что на тропе развивается фобия человеческого общения. Лично я был бы счастлив

прогуляться через какую-нибудь деревушку или пройти мимо фермы, а не шагать бесконечно сквозь какой-то «защищенный коридор».

Несомненно, что все это связано с историческим желанием человека укротить и использовать природу, но американский подход к этому вопросу выглядит довольно странно. Я не мог не сравнить свой опыт с тем, который приобрел три года назад в Люксембурге, когда отправился в поход со своим сыном по заданию одного журнала. Люксембург намного более приятное место для походов, чем можно подумать. Здесь много лесов, но также часто встречаются замки, фермы, небольшие деревеньки и извивающиеся речные долины – полный европейский набор. Тропы, которыми мы следовали, вели нас преимущественно через лес, но через некоторое время мы выходили на залитые солнцем дороги, ведущие к фермерским наделам и маленьким поселкам. Мы каждый день могли быть уверены в том, что в какой-то момент сможем зайти в пекарню или на почту, услышать звон колокольчиков на дверях магазинов и подслушать разговоры, которые не могли понять. Каждую ночь мы проводили в гостинице и ели в ресторанах рядом с другими людьми. Мы прониклись духом всего Люксембурга, а не просто поглядели на его деревья. Это было чудесно, потому что весь этот изящный туристический набор был сделан с кажущейся легкостью и простотой.

Увы, но в Америке красота превратилась в нечто, до чего вам нужно добраться самому, а природа находится меж двух огней: либо вы жестоко подчиняете ее себе, как случилось с дамбой у Токс и в миллионе других мест, либо вы возводите ее в божественный ранг, начинаете практически поклоняться ей, полностью удаляете ее из контекста, как, например, произошло с горами Аппалачи. Лишь изредка кому-либо на той или другой стороне приходит в голову, что человек и природа могут сосуществовать, процветая и дополняя друг друга; что, скажем, более изящный мост через реку Делавэр мог бы прекрасно оттенить ее гордую мощь; что Аппалачская тропа могла бы стать более интересной и любопытной, если бы не шла только через леса, но иногда специально выводила путников к пастбищам, где гуляют симпатичные коровки, или ко вспаханным полям.

Я был бы очень рад, если бы нашел в своем путеводителе такие слова: «Благодаря усилиям участников конференции в долине реки Делавэр было восстановлено фермерское хозяйство, а также была проложена прогулочная дорога, протянувшаяся на 25 км по берегу реки», так как, давайте будем честными, иногда от деревьев начинает мутить.

Но все же мы должны думать о хорошем. Если бы военные инженеры США смогли выполнить свой идиотский план, то мне нужно было бы

добираться до моей машины вплавь, так что я был благодарен им хотя бы за такие радости жизни.

В любом случае меня ожидал настоящий поход.

Глава XVI

Гора Страттон

В 1983 году, прогуливаясь по холмам Беркшир вблизи Аппалачской тропы в штате Массачусетс, один человек увидел (или утверждает, что увидел) горного льва, пересекшего его путь. Это было очень пугающе и достаточно странно, так как никто до него не видел горных львов на северо-востоке США с 1901 года, когда последний из них был застрелен в штате Нью-Йорк.

Но вскоре люди начали обнаруживать их на всей территории Новой Англии. На одной из пустынных дорог Вермонта мужчина заметил двух львят, резвящихся у обочины. Пара путешественников увидела львицу с двумя детенышами на поле в Нью-Гэмпшире. Каждый год появлялось полдюжины новых подобных случаев, при этом все заявления были достаточно достоверными. Поздней зимой 1994 года вермонтский фермер совершал обход своих территорий, взяв с собой немного корма для птиц, когда увидел трех горных львов всего в двух десятках метров от себя. Он простоял в страхе минуту или две, ведь горные львы известны своей стремительностью и жестокостью, а здесь их было сразу трое, и все они внимательно глядели на него. Затем фермер бросился к телефону и позвонил специалисту по дикой природе штата. К тому времени, когда тот прибыл на место, животные уже скрылись, но он нашел свежий помет, который аккуратно собрал в пакет и отправил в лабораторию, занимающуюся живностью, обитающей в водоемах и в лесах США. Результат анализов показал, что это действительно был помет *Felis concolor*, то есть настоящего восточного горного льва, который также известен под именами пантеры, пумы, рыси или, как в Новой Англии, кугуара.

Все это сильно меня интересовало, ведь я путешествовал рядом с тем местом, где впервые обнаружили представителя этого вида. Я вернулся на тропу с новым запалом и с новым планом. Я приготовился пройти по Новой Англии или хотя бы по той ее части, которую успею пересечь до встречи с Кацем через семь недель, с которым мы собирались отправиться в Стомильную даль штата Мэн. В Новой Англии находилось почти 1200 км великолепной горной Аппалачской тропы – где-то треть всего пути, с которой мне предстояло повозиться до самого августа. Итак, моей послушной женушке пришлось отвезти меня к юго-западной части

Массачусетса и высадить около Стокбриджа, чтобы я смог совершить трехдневный поход по Беркширским холмам. Таким образом, в жаркое утро середины июня я в поту поднимался по крутому, но скромному возвышению под названием Гора Бекет. Меня окружало облако черных мушек, совсем не реагирующих на репеллент. Время от времени я нащупывал в кармане свой нож, чтобы убедиться, что он был на месте.

На самом деле я не ожидал встретить здесь горного льва, но лишь за день до выхода прочел статью в газете Boston Globe. Там говорилось, что западные горные львы, которые теперь уже несомненно не считались вымершими, недавно принялись выслеживать в лесах Калифорнии туристов и нападать на них. Они настигли даже беднягу, жарившего себе барбекю в фартуке и смешной поварской шапке. Я воспринял это как дурной знак.

Тот факт, что горные львы выжили незамеченными в Новой Англии, не был за пределами постижимого. Рыси, намного меньшие по размеру, существуют здесь в достаточно большом количестве, но они настолько скромны и скрытны, что вы и не догадаетесь об их присутствии. Многие егери работают в лесу всю свою жизнь, так и не повидав ни единой особи. И в восточных лесах уж точно найдется достаточно места для того, чтобы большие кошки гуляли сами по себе. Только в Массачусетсе лесная территория занимает 250 тысяч акров, еще 100 тысяч имеется в Беркшире. От того места, где я находился, если запастись терпением и близким к бесконечности количеством упаковок макарон, можно дойти прямо до Кейп-Чайдли в северном Квебеке, который находится в 2900 км и расположен на берегу ледяного Лабрадорского моря. При этом вы ни разу не выйдете из-под сени деревьев. И все же мне казалось невероятным, что большие кошки могли выжить в достаточном числе, чтобы расплодиться не просто в одном районе, но по всей Новой Англии, и избегать контакта с человеком на протяжении десятилетий. Но как ни крути, мне пришлось признать, что где-то в лесу бродят какие-то звери. И кто бы это ни был, его помет, который я обнаружил, был подозрительно похож на дерьмо горного льва.

Самое убедительное объяснение случившемуся состояло в том, что все львы, если это были львы, которые бродили сейчас по лесам, являлись выпущенными на волю домашними животными, купленными в спешке богачами, которые быстро об этом пожалели. Если я умру от клыков животного с ошейником от блох и медицинской карточкой, оставшейся у ветеринара, то это будет полностью в моем стиле. Я представил, что лежу на спине, пока меня терзают чьи-то когти, и читаю на бирке, болтающейся

на ошейнике, примерно следующее: «Меня зовут Мистер Боджанглс. Если вы нашли меня, позвоните, пожалуйста, Тане и Гасу по номеру 924–4667».

Как все большие животные и множество мелких, восточные горные львы подверглись уничтожению, так как считались лишь проблемой на пути человека. До сороковых годов XX века во многих восточных штатах проводилась так называемая «кампания по борьбе с вредителями», которой чаще всего управлял какой-нибудь «Отдел по сохранению природы» и в ходе которой охотники поощрялись за каждого убитого хищника, которыми считались практически все лесные существа – совы, соколы, зимородки, орлы и почти все виды крупных млекопитающих. В Западной Вирджинии ежегодная стипендия присуждалась студенту, прикончившему самое большое количество животных; в других штатах можно было свободно торговать своей добычей и получать за нее денежное вознаграждение. В этом деле практически отсутствовала какая-либо рациональность. Однажды только за один год в Пенсильвании было уничтожено 130 тысяч сов и ястребов, что в пересчете на деньги составило 90 тысяч долларов, необходимых, чтобы покрыть «страшный» убыток в 1875 долларов, нанесенный этими животными местным скотоводам (все-таки не часто случается так, что сова уносит целую корову).

В 1890 году штат Нью-Йорк выплатил награду за убийство 107 горных львов, но за следующее десятилетие все они вымерли. Последний дикий восточный горный лев был убит в Грейт-Смокингс-Маунтинс в двадцатых годах XX века. Восточный волк и лесной карibu также исчезли с последних территорий их обитания у гор Аппалачи в первые годы нового столетия, и за ними чуть было не последовал черный медведь. В 1900 году популяция медведей в Нью-Гэмпшире, которая теперь насчитывает около трех тысяч особей, упала всего до пятидесяти.

В здешних лесах до сих пор водятся дикие звери, но их стало намного меньше. По результатам осмотра дикой природы, проведенного экологом Иллинойсского университета В. И. Шелфордом, на среднестатистическом квадрате восточного американского леса в десять миль проживает почти 300 тысяч млекопитающих: 220 тысяч мышей и других мелких грызунов, 63,5 тысячи белок и бурундуков, 470 оленей, 30 лис и 5 черных медведей.

В восточных лесах настоящий удар был нанесен по певчим птицам. Одной из самых печальных потерь стал калифорнийский попугайчик – милая, невинная птичка, которая превосходила по численности невероятно расплодившегося почтового голубя (когда первые пилигримы прибыли в Америку, по некоторым подсчетам, здесь проживало 9 млрд почтовых голубей, больше, чем число всех птиц, обитающих в США на сегодняшний

день). Оба вида были уничтожены охотниками: почтовые голуби шли на корм свиньям и становились легкой мишенью для разгулявшихся стрелков, а калифорнийский попугайчик провинился тем, что любил полакомиться фермерскими фруктами и обладал красивым оперением, которое прекрасно подходило для украшения дамских шляпок. В 1914 году последние выжившие представители обоих видов умерли один за другим в неволе.

Такая же печальная судьба ждала и багамского пеночкового певуна. Эта редкая птичка выводила одни из самых красивых трелей. Годами ей удавалось избежать отлова, но в 1939 году два ловца птиц, находясь в разных местах и действуя самостоятельно, заметили певуна. Оба пристрелили увиденных птиц (хорошая работа, парни), и это оказалось началом конца для всего вида. Но где-то в лесах были и другие птицы, исчезнувшие до того, как их успели заметить. На картинах Джона Джеймса Одюбона, прекрасного художника-орнитолога, запечатлены три вида птиц: мелкоголовая мухоловка, болотный певун и певун голубой горы, которых с тех пор никто не видел. То же произошло и с американскими спизами, от которых остались только чучела в Смитсоновском институте в Вашингтоне.

Точно известно, что между сороковыми и восьмидесятыми годами XX века популяции перелетных певчих птиц в восточной части США сократились на 50 % (по большей части из-за потери мест для гнездования и других важных мест для зимовки в Латинской Америке). По некоторым подсчетам, они продолжают уменьшаться примерно на 3 % ежегодно. Семьдесят процентов всех восточных видов птиц переживают упадок уже с шестидесятых годов прошлого века.

Поэтому сегодня леса стали очень тихими.

Поздним днем я вышел из-за деревьев на старую лесовозную дорогу. По центру дороги стоял мужчина постарше меня с рюкзаком на плечах. Он явно находился в шоке, как будто только что очнулся от гипноза и теперь не мог понять, где находится. Я заметил, что вокруг него жужжал целый рой мошкар.

– В каком направлении идет тропа, как вы думаете? – спросил он меня.

Это был весьма странный вопрос: тропа была видна, поэтому было очевидно, что она шла по другой стороне. Прямо напротив между деревьями находилась метровая расщелина, и если у путника оставались сомнения, путь ему указывала яркая белая метка.

Я помахал рукой перед лицом в двенадцатитысячный раз за день, отгоняя мерзких мошек, и кивком указал ему на путь к тропе:

– Я думаю, что она там.

– Ох да, – ответил он. – Ну конечно.

Мы вместе вошли в лес и немного поговорили о том, откуда шли и куда направлялись. Он был настоящим путешественником, первым, которого я встретил, забравшись так далеко на север. Он, как и я, направлялся к Далтону. На его лице застыло какое-то удивленное выражение, а еще он как-то странно поглядывал на деревья, вновь и вновь медленно осматривая стволы сверху и донизу, как будто никогда раньше не видал ничего подобного.

– Так как вас зовут? – спросил я его.

– Ну, меня называют Куриный Джон.

Сам Куриный Джон! О, Куриный Джон был знаменитостью. Я был очень взволнован. Некоторые люди, путешествовавшие по тропе, благодаря своим выдающимся характеристикам приобретали почти мистический статус. Когда мы с Кацем только начали путешествие, нам поведали историю о парне, который тащил на себе невиданное высокотехнологичное снаряжение. Одной из его примочек была саморазбирающаяся палатка. Говорят, что, когда он аккуратно открывал мешок, палатка вылетала из него сама, как игрушечные змеи из консервной банки. У него была система спутниковой навигации и бог знает что еще. Проблема заключалась в том, что все его пожитки составляли 43 кг, и он сошел с тропы, когда добрался до Вирджинии, так что мы с ним так и не встретились. Примерно той же славы удостоился в прошлом году толстяк-ходок Вудроу Мерфи. Мэри Эллен тоже привлекла бы немало внимания, если бы не сошла с дистанции так рано. Куриный Джон был свежей звездой. И хотя я ни за что в жизни не смог бы вспомнить, за какие заслуги он удостоился такой чести, я помнил, что впервые услышал о нем несколько месяцев назад еще в Джорджии.

– Так почему тебя называют Куриным Джоном? – поинтересовался я.

– Знаешь, я и понятия не имею, – ответил он, как будто бы уже долгое время сам размышлял над этим вопросом.

– Когда ты начал свой поход?

– Двадцать седьмого января.

– Двадцать седьмого января? – пискнул я в восхищении и быстро подсчитал время на пальцах. – Это же почти пять месяцев.

– Как будто я не знаю, – сказал он с насмешливым укором.

Он шел по тропе почти полгода и все еще был в одной трети пути до Катадин.

– Каким образом... – Я не знал, как корректно задать ему вопрос. – Сколько километров вы проходите за день?

– Ох, примерно 22–25, если все идет по плану. Проблема в том, что... – и он смущенно взглянул на меня, – я часто теряюсь.

Вот и разгадка. Куриный Джон постоянно терялся и попадал в самые неожиданные места. Один Бог знает, как можно потеряться на Аппалачской тропе. Это самая четко выделенная, хорошо проложенная туристическая тропа, какую только можно себе представить. Если вы можете отличить длинный коридор между деревьями от самих деревьев, то вы никогда не сможете попасть в передрагу на Аппалачской тропе. Там, где вас может подстергать хоть какое-то сомнение – на боковых тропках или в местах пересечения главной тропы с шоссе? – вы всегда найдете какой-нибудь указатель. И все же люди теряются. Например, знаменитая «Бабуля» Гейтвуд постоянно стучалась в двери местных домиков и спрашивала, куда, черт возьми, ее занесло.

Я спросил его, насколько сильно он когда-либо терялся.

– Я ушел на 59 км, – ответил он почти с гордостью, а если не с гордостью, то точно с ностальгией. – Я сошел с тропы у горы Блад в Джорджии. До сих пор ума не приложу, зачем я это сделал. Я провел в лесу три дня, пока не вышел на проезжую дорогу. Какое-то время мне казалось, что я погиб. Но я попал в Таллула-Фолс, и мою фотографию даже напечатали в местной газете. На следующий день полицейские подвезли меня до тропы и указали правильное направление. Это было очень мило с их стороны.

– То есть это правда, что однажды вы целых три дня шли в неверном направлении?

Он радостно закивал:

– Два с половиной дня, если быть точнее. К счастью, на третий день я добрался до города и сказал одному пареньку: «Простите, молодой человек, где это я нахожусь?» На что он ответил: «Ну как же, вы в Дамаске, штат Вирджиния, сэр». И я подумал, что все это очень странно, ведь я прошел место с точно таким же названием три дня назад. И только потом узнал пожарную станцию.

– Как вы вообще умудрились... – Я решил перефразировать вопрос: – Как же это с вами происходит, Джон?

– Ну, если бы я знал, то думаю, не стал бы этого делать, – сказал он с усмешкой. – Все, что мне известно, так это то, что иногда я оказываюсь очень далеко от того места, куда направлялся. Но, знаете, жизнь от этого становится только интереснее. Я встретил много приятных людей, очень часто ел бесплатно. Простите, – он вдруг прервал свою речь, – вы уверены, что мы идем в правильном направлении?

– Абсолютно уверен.

Он кивнул и продолжил:

– Мне очень не хочется сегодня потеряться. В Далтоне есть ресторан.

Я прекрасно понимал его. Если вы и собирались потеряться, то только не в ресторанный день.

Мы вместе прошли десять последних километров, но не очень много разговаривали. В тот день я прошагал целых 30 км. Это было самое долгое расстояние, которое я преодолел за день на тропе, и даже несмотря на то, что угол подъема был совсем небольшим и мой рюкзак был довольно легким, я страшно устал уже к раннему вечеру. Казалось, что Джону нравится следовать за кем-то, и в любом случае он был занят пристальным осмотром деревьев.

Мы достигли Далтона лишь после шести. Джон знал какого-то мужчину с улицы Депорт, который позволял путешественникам ставить на своем заднем дворе палатки и пользоваться душем, так что я отправился с ним на заправку, чтобы узнать, где находится эта улица. Когда Джон вышел оттуда, то отправился в прямо противоположную сторону.

– Джон, нам туда! – воскликнул я.

– Ах, ну конечно, – согласился он. – Кстати, меня зовут Бернард. Понятия не имею, откуда взялся этот Куриный Джон.

Я кивнул и сказал ему, что найду его на следующий день, но больше никогда его не видел.

* * *

Я провел ночь в мотеле и на следующий день направился к Чеширу. Мне предстояло преодолеть лишь 14 км по довольно легкому маршруту, но мошкара стала для меня настоящим испытанием. Я никогда не знал научного названия этих крошечных, злобных, крылатых точек, так что могу описать их лишь как парящую массу, которая следует за вами, куда бы вы ни направлялись, и постоянно оказывается у вас в ушах, во рту и в ноздрях. Человеческий пот вызывает у них оргазмическую реакцию, а распылитель от насекомых лишь усугубляет ситуацию. Эта вредная живность особенно назойлива, когда вы останавливаетесь, чтобы отдохнуть или попить воды, причем настолько назойлива, что в какой-то момент вы решаете больше не останавливаться и пьете на ходу, а затем отплевываетесь от них. Это был сущий ад на земле. Так что я ощутил невероятное облегчение, когда в полдень вышел из леса к солнечному и сонному маленькому городу Чешир.

В церкви Чешира, расположенной на главной улице, был бесплатный мотель для туристов. Как оказалось, жители Массачусетса много чего

делали для своих путешественников. К примеру, я видел дома с объявлениями, приглашавшими людей выпить глоток воды или сорвать несколько яблок с деревьев. Но мне не хотелось провести целый день в двухэтажной кровати, плюя в потолок, так что я направился дальше в Адамс, который находился в семи километрах, которые нужно было прошагать по раскаленной асфальтированной дороге. Но, по крайней мере, там я мог провести ночь в мотеле и выбрать ресторан по душе.

В Адамсе оказался только один мотель. Это было весьма грязненькое местечко на окраине города. Я снял комнату и провел вторую половину дня, прогуливаясь по городу, лениво поглядывая на витрины магазинов и копаясь в коробках со старыми книгами в магазине старья, хотя, естественно, не нашел там ничего, кроме выпусков Reader's Digest и тех странных книжонок, которые можно встретить исключительно на развалах, с такими названиями, как: «Энциклопедия домашней канализационной системы. Том 1», «Кивни, если слышишь меня: жизнь с человеком-овощем». Затем я прогулялся по пригороду, чтобы взглянуть на гору Грейлок, к которой должен был двинуться на следующий день. Грейлок является самым высоким пиком Массачусетса и первым холмом, превышающим километр, который встречают путники, идущие на север от Вирджинии. Он поднимается лишь на 1100 м в высоту, но выглядит намного выше, так как окружен более мелкими холмами. В любом случае он обладает какой-то своей особенной привлекательной статью. Я с нетерпением ждал, когда же на него заберусь.

Итак, ранним утром следующего дня, прежде чем меня настигла дневная жара, а прогноз погоды предвещал настоящую парилку, я остановился в городе, чтобы выпить банку газировки и съесть на обед сандвич. Затем я отправился по петляющей грязной дороге к «Пути Гульд» – боковой тропе, которая круто поднималась к Аппалачской тропе и дальше к горе Грейлок.

Грейлок и впрямь является одной из самых литературных гор в цепи Аппалачи. Герман Мелвилл, проживавший на ферме под названием Эрроухед на западной стороне горы, глядел на нее из окна своего кабинета, пока писал своего знаменитого «Моби Дика», и, по словам Мэгги Стьер и Рона МакЭдоу, написавших замечательную книгу «В горах» об истории вершин Новой Англии, именно ее профиль напоминал писателю о белом ките. Когда книга была завершена, он поднялся на гору с группой друзей и праздновал там окончание написания романа до самого рассвета. Классик американской литературы Натаниель Готорн и известная писательница Эдит Уортон тоже жили неподалеку и описывали эти места в своих

произведениях. Практически нет писателей, творивших в Новой Англии в период с середины XIX века по двадцатые годы XX века, которые не поднимались бы сюда, чтобы полюбоваться открывающимся видом.

По иронии судьбы на самом пике своей славы Грейлок потерял весь свой зеленеющий ковер, которым он так гордится сегодня. Его бока покрылись проплешинами из-за перетаскивания дров, а нижние склоны были изрыты работниками сланцевых и мрамородобывающих шахт. Но позже он излечился и вновь порос травой, а уже в шестидесятые при активной поддержке правительства Бостона был создан план по превращению Грейлока в лыжный курорт с фуникулером, сетью подъемников и комплексом, состоящим из отеля, магазинов и ресторанов, прямо на вершине горы. И все это в стиле популярного в те времена мультфильма «Джетсоны». Но к счастью, этот план не состоялся. И по сей день Грейлок находится на 11 600 акрах нетронутой земли. И это просто прекрасно.

Дорога наверх была крутой, жаркой и, как казалось, бесконечной, но мои труды окупились сполна. Открытая, залитая солнцем и полная свежего воздуха вершина Грейлок увенчана большим и весьма симпатичным каменным зданием под названием «Хижина Баском», которое было построено в тридцатых годах прошлого века неустанными и вездесущими сотрудниками «Гражданского корпуса охраны окружающей среды». Теперь путники могут остановиться здесь на ночь или пообедать в ресторане. Также на вершине находится чудесный, абсолютно несовместимый с местностью маяк (Грейлок находится в 225 км от моря), который является мемориалом в честь солдат, павших в Первой мировой войне. Изначально его планировали установить в заливе Бостона, но по какой-то причине он оказался здесь.

Я пообедал, сходил в кусты и помылся в хижине, затем поспешил дальше, так как меня ожидали еще восемь миль и встреча с моей женой в четыре часа в Уильямстауне. Следующие три мили я шел по большей части по высокому хребту, соединяющему Грейлок с горой Уильямс. Вид отсюда открывался бесподобный. Я мог наблюдать за тем, что происходило на огромном пространстве, простиравшемся на десятки миль на запад за небольшими холмами, да еще и горный хребет Адирондак, но наверху было очень жарко, а воздух был тяжелым и стоячим. А затем я вышел к очень крутому спуску: километр футов всего за километр пути. Он проходил через густой и прохладный лес до дороги, которая вела через изумительно красивую пригородную местность.

Стояла изнуряющая жара. Три километра по дороге без единой тени

поджарили меня настолько, что я чувствовал, как нагреваются подошвы моих ботинок. Когда я наконец достиг Уильямстауна, термометр на стене банка показывал 36 °С по Цельсию. Неудивительно, что мне было душно. Я пересек дорогу и зашел в «Бургер-Кинг», где мы с женой договорились встретиться. Если и есть за что быть благодарным двадцатому столетию, так это за радость войти из испепеляющего воздуха горячего летнего дня в прохладную, хирургически чистую атмосферу помещения с кондиционером.

Я купил стакан колы размером с ведро и, прекрасно себя ощущая, уселся на стуле около окна. Я прошел 27 км по довольно сложному горному пути в жаркую погоду. Я был грязным, потным, выбившимся из сил и вонял достаточно сильно, чтобы люди от меня отворачивались. Я снова был в дороге.

В 1850 году 70 % территории Новой Англии занимали фермерские угодья, а остальное – леса. Сегодня пропорция была обратной. Возможно, что ни одна другая местность в мире не изменилась так сильно всего за одно столетие, по крайней мере, не в противоположном от развития направлении.

Если бы вы захотели сегодня стать фермером, вам вряд ли удалось бы найти для этого место хуже, чем Новая Англия (ну, в центре озера Эйр, возможно, но вы понимаете, о чем я говорю). Почва здесь каменистая, земля идет под уклон, а вода настолько плохая, что местные жители даже гордятся ею. Если верить старой поговорке, год в Вермонте – это «девять месяцев зимы, за которой следуют три месяца очень плохой езды на санях».

Но вплоть до середины XIX века фермеры выживали и в Новой Англии, потому что их угодья находились вблизи прибрежных городов, таких как Бостон и Портленд, а еще потому, как я предполагаю, что они не могли найти себе занятия получше. Затем произошло два события: была изобретена жатвенная машина МакКормика, которая идеально подходила для больших, зеленеющих ферм Среднего Запада, но была совсем плоха на тесных каменистых полях Новой Англии; вторым событием стало развитие железных дорог, которые позволили фермерам со Среднего Запада вовремя привозить свою продукцию жителям востока. Фермеры Новой Англии не могли тягаться с такими соперниками, так что они тоже стали фермерами Среднего Запада. К 1860 году почти половина населения Вермонта, а именно 200 тысяч человек из 450 тысяч, жили не на родных землях.

Во время президентской кампании 1840 года Дениэл Уэбстер дал землю 20 тысячам людей на горе Страттон в Вермонте. Проверни он тот же трюк двадцать лет спустя (что могло бы быть интересно, если бы в это

время он не умер), то смог бы набрать при самом хорошем раскладе всего лишь несколько десятков голосов.

Сегодня гора Страттон почти вся покрыта лесами, хотя если вы присмотритесь, то сможете различить дыры, оставшиеся от старых погребов, остатки яблочных садов, из последних сил цепляющиеся за жизнь в тенистых подлесках, под молодыми, более живучими березами, кленами и пеканами. Повсюду на территории Новой Англии можно обнаружить старые, полуразрушенные ограды, ранее отделявшие одно поле от другого. Часто они находятся в самом центре разросшихся лесов, как напоминание о том, насколько быстро природа вновь вступает в свои владения.

Итак, я начал подниматься на гору Страттон в облачный, а потому милосердно прохладный июньский день. До вершины я должен был преодолеть шесть с половиной крутых километров, на которые приходилось 1300 м подъема. Чуть больше, чем на сотню миль в Вермонте Аппалачская тропа сливается с «Долгим путем», который пересекает самые высокие и знаменитые вершины Зеленых гор и идет напрямик до Канады. «Долгий путь» старше Аппалачской тропы. Его открыли в 1921 году, когда только был создан план Аппалачской тропы. Мне рассказывали, что и по сей день существуют поклонники «Долгого пути», которые смотрят на тропу свысока, считая ее вульгарным и чрезмерно амбициозным повтором уже существующего пути. В любом случае гора Страттон обычно считается духовным местом рождения обеих троп, так как именно здесь Джеймс П. Тейлор и Бентон МакКей заявили о своем намерении, которое привело к созданию дорог, ведущих через эти тогда еще очень дикие места. Тейлор создал свое детище в 1909 году, а немного погодя за ним последовал и МакКей.

Страттон – замечательная гора, с которой открывается впечатляющий вид на несколько других известных вершин – Эквинокс, Аскутни, Сноу и Монаднок. Но я не могу сказать, что этот пик вдохновил бы меня на то, чтобы схватиться за топор и идти рубить дорогу от Джорджии до Квебека. Возможно, на меня подействовали низкие тяжелые облака и слабое освещение, которое делало все вокруг плоским и серым. На вершине оказалось еще восемь или девять человек. В их числе был молодежавый мужчина, который двигался по тропе в одиночку в своей новехонькой и дорого выглядящей ветровке. У него в руках был какой-то прибор, с помощью которого он снимал загадочные показания с неба или с окружающей атмосферы.

Он заметил, что я наблюдаю за ним, и сказал полным надежды

голосом, выдававшим его радость от того, что кто-то заинтересовался его работой:

– Это монитор «Энви́ро».

– Ой, правда? – вежливо ответил я.

– Он снимает восемь показаний: температуру, УФ-излучение, точку выпадения росы и так далее. – Он повернул ко мне экран, чтобы я смог рассмотреть его. – Это термическое напряжение. – На экране высветилось какое-то непонятное число, которое заканчивалось двумя цифрами после запятой. – Этот прибор измеряет уровень солнечной радиации, – продолжил он, – давление, температуру с учетом ветра, количество осадков, влажность, относительную и активную; он даже измеряет скорость получения солнечного ожога для каждого типа кожи.

– А печенье он может испечь? – поинтересовался я.

Ему это не понравилось.

– Эта штука смогла бы однажды спасти вам жизнь, уж поверьте, – довольно высокомерно ответил он.

Я попытался представить себе ситуацию, в которой оказался бы в смертельной опасности из-за незнания точки выпадения росы, и не смог. Но я не хотел расстраивать своего собеседника и потому спросил:

– А это что? – и указал на мигающее число в верхнем левом углу экрана.

– Ах, это? Я точно не знаю. Но вот это... – тут он нажал одну из кнопок, – теперь это солнечная радиация. – Появилось еще одно бесполезное число с тремя цифрами после запятой. – Сегодня она очень низкая, – констатировал мой собеседник и наклонил свою машинку, чтобы снять еще одно показание. – Да, очень низкая сегодня.

Каким-то образом я уже об этом догадался, хотя даже не мог вывести число с точностью до одной сотой. Я достаточно хорошо разбирался в погодных условиях, так как подвергался их самому непосредственному воздействию. Особенно интересно было, что у этого человека не было ни рюкзака, ни непромокаемых штанов, на нем были надеты лишь шорты и кроссовки. Если бы погода резко изменилась, как это часто случается в Новой Англии, он бы, скорее всего, умер, но главное, что у него был прибор, который в этом случае смог бы сообщить ему, какая точка выпадения росы станет для него последней.

Назовите меня утомительным старым пердуном, но я ненавижу технологические навороты на тропе. Некоторые путешественники, как я читал, таскают с собой ноутбуки и модемы, чтобы отсылать ежедневные отчеты семье и друзьям (если вы подумываете поступить так же, то вот вам

новость: людей не слишком волнуют эти отчеты. Нет, не так. Они вообще никому не интересны). И теперь на тропе все чаще можно обнаружить людей с электронными примочками, подобными монитору «Энви́ро» или с сенсорами пульса, прикрепленными шнурами к их запястьям. Такие ребята выглядят так, будто вышли на тропу прямо из какой-то клиники, занимающейся нарушениями сна.

В 1996 году в Wall Street Journal появилась роскошная статья о бесполезности приборов спутниковой навигации, мобильных телефонов и прочих устройств в дикой природе. Все это высокотехнологичное оборудование, как оказалось, привлекает в горы людей, которым не под силу преодолеть намеченный путь. В национальном заповеднике Бакстер в Мэне, как было сказано в журнале, один путешественник вызвал подразделение национальной гвардии и попросил их прислать за ним вертолет, который забрал его с горы Катадин, потому что он устал от ходьбы. Тем временем на горе Вашингтон «две очень настырные дамочки», как их охарактеризовал один из местных служащих, позвонили в главный центр горного патруля и заявили, что не могут пройти последние два с половиной километра до вершины, хотя до захода солнца оставалось еще целых четыре часа. Они потребовали, чтобы за ними послали спасательную команду, чтобы отнести их обратно в машину. Им было отказано. Несколько минут спустя они позвонили снова и потребовали, чтобы спасательная команда доставила им фонари. И настырные дамы снова получили отказ. Через несколько дней поступил звонок от еще одного покорителя горных вершин, который попросил, чтобы за ним выслали вертолет, потому что он на день выбился из графика и боялся, что пропустит важную деловую встречу. В статье также описывалось несколько человек, которые потерялись даже со спутниковой навигацией. Они смогли назвать спасателям свои координаты: 36.2° к северу и 17.48° к западу или что-то вроде того, но, к сожалению, не имели понятия о том, что это значило, так как не взяли с собой ни карт, ни компасов, ни, по всему видимому, мозгов.

Мой новый друг на Страттоне, как я понял, мог бы присоединиться к их клубу. Я спросил его, безопасным ли будет мой спуск при солнечной радиации в 18,574 балла.

– О да, – честно ответил он мне. – Сегодня очень мала вероятность солнечного облучения.

– Слава богу! – воскликнул я, тоже честно. И оставил и его, и гору.

Так я продвигался по территории Вермонта, совершая ежедневные приятные прогулки, без каких-либо электронных устройств, но с едой,

заботливо приготовленной и упакованной моей женой. Точно такие же свертки она делала для меня каждый вечер перед тем, как я вышел на пенсию, и оставляла их на верхней полке холодильника. Каждое утро я вставал на рассвете, клал свой обед в рюкзак и отправлялся в Вермонт. Я припарковывал машину и шел к высокой горе или через несколько зеленеющих холмов.

В определенный момент дня, когда я чувствовал особое расположение, что обычно случалось около одиннадцати утра, я присаживался на камень или бревно, доставал свой обед и принимался рассматривать его содержимое, приговаривая: «Печенье с арахисовым маслом. Обожаю!», или: «Ох, ну вот, снова мясо», после чего благополучно съедал все в сытной тишине, думая обо всех горных вершинах, которые покорил вместе с Кацем, где мы бы поубивали друг друга за кусочек такого блаженства. После этого я собирал оставшийся мусор, бросал его в рюкзак и снова отправлялся в горы, пока не наступало время возвращаться домой. Таким образом я провел последние дни июня и первую половину июля.

Я взобрался на гору Страттон и гору Бромли, на скалу Проспект и на пики Спрюз и Бейкер, добрался до озера Гриффит, залез на гору Уайт-Рокс, на холм Баттон, взошел на вершину Киллингтон, побывал в Национальном лесном парке «Гиффорд», на горе Куимбли, а также на холме Фистл, после чего благополучно завершил все это семнадцатикилометровой прогулкой от Западного Хартфорда до Норвича. Этот путь вел меня мимо хижины «Веселый Холм», самого старого убежища на Аппалачской тропе и, возможно, наиболее милого и живописного местечка. Кстати, вскоре после этого его полностью разобрали местные работники туризма. Город Норвич известен тремя вещами: за свое имя (которое произносилось как «Норрич», прежде чем его в пятидесятых годах прошлого века захватили чужеземцы); за то, что именно этот город вдохновил Боба Ньюхарта на создание собственного телевизионного шоу (того самого, в котором он играл владельца гостиницы, а все постояльцы были очаровательно дебилы); а еще за то, что здесь находился дом великого Алдена Партриджа, о котором никто никогда не слышал, хотя, конечно же, вы его знаете.

Партридж родился в Норвиче в 1755 году и был настоящим фанатом походов, а возможно, даже первым человеком, который проходил пешком большие дистанции, просто потому, что это доставляло ему удовольствие. В 1785 году его назначили суперинтендантом военной академии «Вест-Пойнт» в беспрецедентно раннем возрасте тридцати лет. Затем у него случились какие-то разногласия с местными, и он переехал обратно в Норвич, где основал институт-соперник – «Американскую литературную,

научную и военную академию». Затем он ввел в обращение термин «физическая подготовка» и заставил своих напуганных юных подчиненных совершать быстрые заходы километров на 50–55 по соседним горам. Время от времени он уходил в долгие и амбициозные одиночные походы. Обычно он проходил километров сто восемьдесят по горам от Норвича до Уильямстауна в штате Массачусетс (примерно этот же путь я совершил чуть в менее напряженном темпе), затем Партридж бодро шагал вверх по горе Грейлок и возвращался домой. Весь путь туда и обратно занимал у него всего четыре дня. При этом не стоит забывать, что в то время здесь еще не было удобных тропинок или дорожных указателей. Таким же образом он покорил практически все вершины Новой Англии. Где-то в Норвиче должна была находиться его памятная доска, которая должна была бы вдохновлять тех немногих матерых путешественников, которые, достигнув этой точки, упорно продолжают идти на север, но, к сожалению, здесь вы ее не найдете.

Норвич находится примерно в миле от реки Коннектикут, недалеко от переброшенного через нее в тридцатых годах прошлого века симпатичного и, скажем так, довольно простенького моста, который ведет к штату Нью-Гэмпшир и к городу Ганновер, расположенному на противоположном берегу реки. Когда-то дорога, ведущая от Норвича до Ганновера, была мягко извивающейся, зеленой, двухполосной дорогой, а скорее даже – той спокойной, притягательной проселочной тропой, которую надеется найти каждый путник, идущий из одного города в Новой Англии в другой. Затем какие-то дорожные власти или кто-то еще решили, что будет просто замечательно построить между городами большую скоростную трассу, чтобы люди смогли пересекать два километра, разделяющих Норвич и Ганновер, на целых восемь секунд быстрее и не изнывать в ожидании, если кто-то впереди хотел свернуть на соседнюю дорогу, потому что отныне здесь повсюду будут дороги для разворота – настолько широкие, что по ним мог бы проехать грузовик, тянущий за собой ядерную боеголовку и одновременно пытающийся не выехать на обочину и не остановить жизненно важный поток машин.

Поэтому они построили здесь вместительное прямое шоссе, в некоторых местах расширяющееся до шести полос, с бетонными разделителями по центру и непомерными белыми уличными фонарями, освещавшими ночное небо на километры вокруг. К сожалению, это привело к эффекту горлышка бутылки, так как дорога на мосту сужалась до двух полос. Иногда две машины подъезжали к нему одновременно, тогда одной из них приходилось пропускать другую. Вы только представьте себе

это! Так что пока я пишу эти строки, этот симпатичный, но теперь достаточно бесполезный мост заменяют более впечатляющей конструкцией в соответствии со стандартами асфальтового века. Для лучшего эффекта расширению подвергнется и улица, ведущая по небольшому холму к центру Ганновера, хотя ради этого придется срубить деревья по ее краям и сильно обрезать большую часть садов, установив на их месте бетонные стены. Даже какой-нибудь служащий транспортной компании, если он хотя бы немного честен, подтвердит, что результат от всех этих нововведений оставляет желать лучшего. Он также сознается, что вы не сможете поместить фотографию этой дороги в календарь под названием «Прекрасная Новая Англия», но зато водители, добавит он гордо, смогут сэкономить еще четыре необходимые секунды на этом опасном переезде от Норвича. И это, уж поверьте специалистам, самое главное.

Все это было довольно важно для меня, отчасти потому что я живу в Ганновере, но по большей части из-за того, что я, кажется, все еще живу в конце двадцатого века. К счастью, у меня отличное воображение, так что, шагая от Норвича до Ганновера, я представлял себе не оживленное мини-шоссе, а проселочную дорогу, скрытую под сенью деревьев, окаймленную кустарниками и дикими цветами и украшенную скромными, но статными фонарями, на каждом из которых болтался подвешенный дорожный служащий. И скажу вам откровенно, эта фантазия поднимала мне настроение.

Глава XVII

Положение ухудшается

Из всех злоключений, которые могут выпасть на вашу долю на открытом воздухе, переохлаждение является самым непредсказуемым. Редко встречаются рассказы о смерти от переохлаждения, которым не сопутствовали бы мистические события. Вот, к примеру, небольшая история, рассказанная Дэвидом Квамменом в его книге «Естественные акты».

Поздним летом 1982 года четыре подростка и двое взрослых мужчин решили сплавиться по реке в заповеднике «Банфф» на каноэ, но вечером того же дня в главный лагерь они не вернулись. На следующее утро на их поиски снарядили отряд. Пропавших байдарочников обнаружили мертвыми, плавающими в озере в спасательных жилетах. Все они были на плаву, их лица не были искажены ужасом. Ничто не говорило о том, что перед смертью они испытали сильный стресс или панику. Один из мужчин все еще был в шляпе и в очках. Их каноэ, находившиеся неподалеку, были в целости, а погода в ту ночь стояла спокойная и тихая. По какой-то невообразимой причине эти шестеро аккуратно выбрались из своих каноэ и полностью одетыми погрузились в воду озера, где мирно скончались. По словам одного свидетеля, они «будто бы заснули». В каком-то смысле так и было.

Несмотря на распространенное мнение, лишь немногие люди погибают в экстремальных условиях от гипотермии, пытаясь продрасться сквозь буран или спасаясь от кусачих арктических ветров. Начнем с того, что не слишком много людей выходят на улицу в такую погоду, а те, кто все же решается на это, обычно хорошенько подготавливаются к погодным условиям. Большинство жертв переохлаждения погибают в намного более мягких условиях, в теплое время года, когда температура воздуха не приближается и к нулю градусов. Обычно их застает непредвиденное атмосферное изменение или целая последовательность таких изменений, к примеру, внезапное падение температуры, холодный пронизывающий дождь, осознание, что они заблудились, к которым путешественники не были готовы физически или эмоционально. Чаще всего они лишь усугубляют ситуацию, совершая какую-нибудь глупую ошибку, например, уходя с протоптанной тропы в попытке срезать путь, забираясь все глубже

в чащу леса и пробираясь через потоки, попутно промокая и замерзая, хотя вполне могли бы безопасно пройти по дороге.

Такая история приключилась и с несчастным Ричардом Сэлинасом. В 1990 году Сэлинас отправился в поход с другом в заповедный лес Писга в Северной Каролине. Когда наступил закат, они отправились назад к своей машине, но каким-то образом разделились по пути. Сэлинас был опытным путешественником, и все, что ему нужно было сделать, так это следовать по четко видимой тропе вниз по горе прямо до парковки. Но назад он не вернулся. Три дня спустя его куртку и рюкзак нашли валяющимися на земле в глубине леса, в четырех километрах от места назначения. Его тело обнаружили еще через два месяца, болтающимся на дереве у маленькой реки Линвил. Специалисты предположили, что он ушел с тропы в поиске короткого пути, потерялся, пошел в глубь леса, запаниковал и все же продолжил двигаться, пока переохлаждение не лишило его чувств. Гипотермия наступает не сразу. Это коварная хворь. Она по капле овладевает вами, в то время как температура вашего тела падает и его реакция становится заторможенной. В таком состоянии Сэлинас сначала бросил свои вещи, а вскоре принял нерациональное и отчаянное решение пересечь реку, полную дождевой воды, на что он никогда бы не пошел в нормальном состоянии. В ночь его смерти погода была сухой, а температура составляла около четырех градусов по Цельсию. Если бы он оставил свою куртку и держался подальше от воды, то его ждала бы просто неприятная прохладная ночь, о которой он мог бы когда-нибудь поведать своим внукам. Но вместо этого он погиб.

Переохлаждение настигает человека в несколько этапов. Прежде всего, что ожидаемо, появляется легкая и все усиливающаяся дрожь, ведь тело пытается выработать тепло, сокращая мускулы; затем она переходит в сильную усталость, заторможенность движений и в растущее беспокойство, которое часто приводит к отчаянным поступкам или полному непониманию происходящего. Постепенно жертва переохлаждения теряет ориентацию в пространстве и начинает видеть опасные галлюцинации, включая ужасное ощущение, что он или она испытывают не холод, а жар. Многие срывают с себя одежду, выкидывают перчатки или вылезают из спальных мешков. Летописи смертей в походах полны историй о путешественниках, найденных полуголыми в снегу всего в нескольких метрах от их палаток. Когда переохлаждение достигает такого уровня, дрожь утихает, в то время как тело сдается и переходит в состояние апатии. Частота сердечных ударов падает, при этом мозг практически отключается. На этом этапе, даже если человека попытаются спасти, шок

от тепла будет настолько невыносимым, что его тело просто не выдержит.

Ярким примером подобного случая может стать инцидент, описанный в январском выпуске 1997 года журнала Outside. Как повествует статья, в 1980 году шестнадцать датских моряков передали сигнал SOS, натянули спасательные жилеты и прыгнули в Северное море, пока за ними тонул их корабль. Даже летом вода в Северном море настолько смертельно холодна, что человек может продержаться на плаву всего полчаса, так что спасение всех шестнадцати членов команды было настоящим торжеством. Их укутали в одеяла и спустили в каюты, где сразу же дали горячие напитки. И от этого все шестнадцать внезапно испустили дух.

Но довольно этих жутких историй. Давайте-ка сами поиграем с этим поразительным недугом.

Тогда я находился в Нью-Гэмпшире, что меня очень радовало, ведь мы только что переехали в этот штат, и мне было интересно открыть его для себя. Вермонт и Нью-Гэмпшир настолько одинаковы по размеру, климату, местному говору и развлечениям (здесь особенно любят лыжи и туризм), что их часто считают близнецами, но на самом деле они совсем не похожи по характеру. Вермонт – это «Вольво», антикварные магазины, деревенские гостиницы с милыми причудливыми названиями, например, коттедж «Перепелкина пустошь» или деревенская гостиница «Пустая голова». Нью-Гэмпшир – это молодцы в охотничьих кепках и пикапы, на номерных знаках которых красуется сочный слоган: «Живи свободно или умри». Сильно различается и пейзаж. Горы Вермонта сравнительно плавные, стелющиеся, а распространенные здесь молочные фермы придают штату доброжелательности и уюта. Нью-Гэмпшир покрыт одним огромным лесом. Из 24 тысяч квадратных километров территории штата 85 %, что немного больше территории, занимаемой Уэльсом, покрыты лесами, а все остальное – озера либо холмы и горы. Так что, не считая редких городков и лыжных курортов, в Нью-Гэмпшире царит дикая природа. Его холмы полны уступов и обрывов, по ним намного сложнее и опаснее передвигаться.

В путеводителе для туристов, скажу сразу, необходимом на Аппалачской тропе, великий Дэн Брюс по кличке Крылатая нога отмечает, что когда следующий на север путешественник покидает Вермонт, он проходит 80 % пути, но это стоит ему лишь 50 % усилий. Часть пути в Нью-Гэмпшире, примерно 260 км, походник идет через Белые горы, где расположено 35 вершин, которые поднимаются в высоту до километра над уровнем моря. Если бы вершина Бен-Невис оказалась на Аппалачской тропе в Нью-Гэмпшире, то попала бы в топ-десятку. А Сноудон просто

потерялся бы среди других пиков. В Нью-Гэмпшире туристам приходится тяжело.

Я слышал много историй о препятствиях и опасностях Белых гор, так что мне было не по себе отправляться на их покорение в одиночку. И хотя я не был от них в ужасе, но еще одна история про диких медведей могла склонить чашу весов в сторону отказа от этой затеи. Вы можете представить себе мое тихое ликование, когда наш друг и сосед по имени Билл Абду высказал желание пойти в поход вместе со мной. Билл отличный парень, дружелюбный и любознательный, опытный путешественник, а кроме того – талантливый хирург-ортопед, то есть настоящий подарок для того, кто отправляется в опасный путь по горам. Я не думаю, что он стал бы проводить хирургическую операцию прямо в лесу, но был уверен, что если я вдруг упаду и сломаю себе спину, то он точно сможет перевести названия всех моих болячек на латынь.

Мы решили начать свое путешествие с горы Лафайет, поэтому и отправились туда на машине на рассвете одного ясного июльского дня. Мы проехали два часа по парку «Франкония-Нотч» – знаменитому и красивейшему месту, расположенному прямо под пугающими скалами в самом сердце 700-тысячаакрового национального леса Вайт-Маунтейн. Лафайет – это полуторакилометровое нагромождение крутого и бездушного гранита. В семидесятых годах XIX века в книге «В горы» этот хребет описан так: «Лафайет ... настоящая альпийская гора. На ее пиках и склонах играют лучи солнца, ее бока покрыты бурными шрамами и глубокими впадинами». Все это правда. Это настоящее чудовище. Лишь соседняя гора Вашингтон превосходит ее по статусу и популярности среди туристических мест Белых гор.

Нам нужно было взобраться на 1100 м от долины, причем 600 м приходилось на первые две мили, а также преодолеть по пути три небольших пика – горы Либерти, Литтл-Хейстэк и Линкольн. То утро выдалось просто чудесным, окрестность заливал мягкий солнечный свет, и мы вдыхали мятно-чистый воздух, который царит только в северных горах. Все указывало на то, что день пройдет без заминок. Мы шли примерно три часа, почти не разговаривая из-за крутых подъемов, и наслаждались свежим воздухом и быстрой ходьбой.

Каждый путеводитель, каждый опытный турист, каждый дорожный знак у каждой парковки предостережет вас о том, что погода в Белых горах может измениться в один момент. Истории о людях, которые вышли прогуляться по солнечным высотам в шортах и кроссовках и через всего три или четыре часа нашли свою смерть в ледяном тумане,

рассказывают здесь у каждого костра. И все они правдивы. Что-то подобное произошло и с нами, когда мы были всего в нескольких сотнях футов от вершины Литтл-Хейстэк. Солнце внезапно исчезло, и из ниоткуда на нас, окутывая деревья, пополз закручивающийся туман. С его приходом резко упала температура, как будто мы вошли в морозильную камеру супермаркета. В считанные минуты прохладный и влажный лес застыл в безмолвной туманной неподвижности. Верхушки деревьев в Белых горах заканчиваются на высоте 1460 м, что почти в половину ниже, чем на всех остальных горных цепях, так как погода здесь намного суровее. И я начал понимать это только в тот момент. Когда мы выбрались с участка криволесья, гнутых деревьев, которые отмечают последнюю часть лесополосы, и вышли на пустынный пик Литтл-Хейстэк, нас встретил внезапный жестокий ветер, такой обыкновенно срывает шапки с прохожих и уносит их на сотни ярдов, прежде чем жертва успеет вскинуть руку. Гора защищала нас от него на западных склонах, но теперь он беспрепятственно летал по плоскому уступу. Мы остановились вблизи нескольких валунов, чтобы надеть непромокаемые куртки и согреться, так как я уже порядком вымок от пота и влажного воздуха. Это не играло мне на руку, ведь температура только падала, а ветер уносил оставшееся тепло тела. Я открыл свой рюкзак, покопался в содержимом и затем взглянул вверх. На моем лице изобразилось смятение, которое приходит с осознанием ошибки. Я не взял с собой непромокаемую одежду. Я снова порылся в рюкзаке, но в нем почти ничего не было, только карта, легкий джемпер, бутылка воды и упакованный обед. И тут я вспомнил, как несколько дней назад вытащил непромокаемые вещи и разложил их в подвале, чтобы они проветрились. Я не помнил, как клал их обратно.

Билл взглянул на меня, затягивая лямки на капюшоне своей ветровки:

– Что-то не так?

Я рассказал ему, что случилось. Он посерьезнел.

– Ты хочешь вернуться?

– О нет. – Я совсем не хотел этого. К тому же все было не так уж плохо. Дождя на горе не было, и мне было лишь слегка прохладно. Я надел джемпер и сразу же почувствовал себя лучше. Мы вместе посмотрели на карту. Мы прошли практически весь путь до вершины, и нам оставалось пройти только два с половиной километра по хребту Лафайет до крутого спуска в 360 м к горному коттеджу с кафе «Гринлиф Хат». Если мне понадобится согреться, то пешком мы доберемся до коттеджа намного быстрее, чем на машине.

– Ты уверен, что не хочешь повернуть назад?

– Уверен, – настоял я. – Мы будем у цели через полчаса.

Так что мы вновь отправились в путь сквозь дикий ветер и бездонный серый мрак. Мы добрались до вершины горы Линкольн, расположенной на высоте 1550 м, затем немного поднялись по узкому краю обрыва. Видимость не достигала и пяти метров, а ветра хлестали нас по лицу словно бритва. Температура воздуха падает на два градуса через каждые 300 м подъема, так что на этой высоте все равно бы было прохладно, но холод совсем меня не радовал. Я взглянул с опаской на свой джемпер, вобравший в себя тысячи крошечных капелек влаги, которые постепенно просачивались сквозь ткань, чтобы присоединиться к мокрой кофте. Прежде чем мы преодолели четверть километра, джемпер вымок насквозь и тяжело висел на моих руках и плечах.

Положение ухудшалось тем, что на мне были джинсы. Любой скажет вам, что джинсы – самый бесполезный предмет одежды, который только можно взять в поход. Я, напротив, являюсь их апологетом, ведь они достаточно прочные и хорошо защищают от шипов, заноз, насекомых и ядовитого плюща, то есть они идеально подходят для леса. Но я полностью согласен, что они, увы, не защищают ни от холода, ни от влаги. Я упаковал в рюкзак хлопковый джемпер чисто ради формальности, равно как антидот против змеиного укуса и щепки для розжига. Боже мой, да ведь на дворе был июль! Я не ожидал, что мне придется надеть что-то теплое, кроме моей надежной непромокаемой куртки, которую я, конечно же, оставил дома. Короче, мое снаряжение было опасно легким, и я просто напрашивался на страдания и на встречу со смертью. И я впрямь страдал.

Мне посчастливилось избежать более серьезных последствий. Шумный ветер постоянно носился вокруг нас на бодрой скорости 40 км в час, но казалось, что она выше минимум в два раза, ведь нас обдавало со всех сторон. Иногда ветер дул нам прямо в лицо, поэтому приходилось отступать на шаг или два. Если он налетал под углом, то нас отталкивало к самому краю обрыва. Из-за тумана нельзя было сказать, насколько страшным будет падение, но склон выглядел ужасно крутым, и мы были на милю выше уровня облаков. Если бы условия ухудшились еще немного, а туман полностью поглотил бы землю, или ветер набрал бы достаточно силы, чтобы сбить с ног взрослого мужчину, то мы бы застряли на вершине. А ведь всего сорок минут назад мы радостно посвистывали на солнышке. Я вдруг понял, каким образом люди умирают в Белых горах даже летом.

На тот момент я находился в состоянии легкого стресса, постоянно дрожал и испытывал странное головокружение. У меня еще не было

панических приступов, но молочная пустота заставляла нас гадать, когда же перед нами появится Лафайет. Я взглянул на часы. Было две минуты одиннадцатого, как раз время обеда, если мы вообще доберемся до этого забытого Богом коттеджа. Я успокоил себя тем, что все еще могу трезво мыслить. Ну, или хотя бы считал, что могу. Скорее всего, сбитый с толку человек будет слишком растерян, чтобы понять, в каком состоянии он находится. И тут внезапно на меня снизошло жутковатое озарение, что желание убедить самого себя в том, что ты не галлюцинируешь, может быть ранним симптомом жестокого переохлаждения. Или даже его поздним симптомом. Кто мог сказать точно? Я знал только то, что погружаюсь в некое состояние беспомощности, главным признаком которого является страх жертвы погрузиться в это самое состояние беспомощности. Это-то и было главной загвоздкой безумия: когда ты теряешь рассудок, уже поздно пытаться вернуть его обратно.

Я снова взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что они застыли на двух минутах одиннадцатого. Я терял ощущение времени! Возможно, я сам и не мог с уверенностью проверить работу своего мозга, но инструмент для этой проверки находился у меня на запястье. Сколько еще осталось до того момента, когда я начну отплясывать полуголым в попытке сбить с себя пламя или приду к замечательной идее, что лучшим и самым коротким способом спуститься отсюда будет волшебный невидимый парашют? Я тихо застонал и стремительно пошел вперед, подождал еще минуту и вновь бросил взгляд на циферблат. Снова две минуты одиннадцатого! У меня были большие проблемы.

Билл, который казался невосприимчивым к холоду и, конечно же, понятия не имел о том, что мы делаем что угодно, но только не пробираемся по горному хребту под совсем не летним ветром, время от времени поглядывал на меня, чтобы справиться о моем самочувствии.

– Все отлично! – отвечал я, так как мне было слишком стыдно признать, что я уже начал терять рассудок, прежде чем шагнуть за край со скромной улыбкой и крикнуть: «Увидимся на другой стороне, старик!» Думаю, что он никогда не терял пациента на вершине горы, и я не хотел его расстраивать. К тому же я не был полностью уверен, что теряю связь с реальностью, но мне и впрямь было очень некомфортно.

Не знаю, как долго мы шли к ветреному пику Лафайет, но похоже, что это заняло у нас две бесконечности. Сто лет назад на этом пугающем хмуром месте находился отель, и его разрушенное основание все еще привлекало туристов (я видел его на фотографиях, но теперь даже не мог его вспомнить). Я полностью сосредоточился на спуске к коттеджу

«Гринлиф Хат». Тропа шла через широкий плоский откос и затем, примерно через километр, исчезала в лесу. Почти сразу после того, как мы покинули пик, ветер сбросил скорость, и мир вокруг начал приобретать прежнее спокойствие, что меня весьма тревожило, а густой туман превратился в несколько парящих облаков. Внезапно нашим взорам открылся мир внизу, и мы поняли, насколько высоко забрались, хотя все ближайšie горы были окутаны облаками. К моему удивлению и радости, я почувствовал себя намного лучше. Я расправил плечи и наслаждался новым ощущением, осознав, что уже долго шел сгорбившись. Да, я чувствовал себя намного лучше: мне почти не было холодно, а голова прояснилась.

– Что же, все прошло не так плохо, – сказал я Биллу с усмешкой матерого альпиниста и поспешил к коттеджу.

«Гринлиф Хат» – один из десяти симпатичных и удобных каменных коттеджей, построенных в Белых горах уважаемым «Клубом гор Аппалачи». Клуб, основанный сто двадцать лет назад, является не только самым старым туристическим клубом Америки, но и старейшей группой охраны заповедников во всем мире. За ночь с завтраком и ужином они берут внушительные 50 долларов, за что стали известны среди туристов как «Аппалачский денежный клуб». Кроме того, комнату здесь нужно резервировать за несколько дней или даже недель. Здесь нет дружелюбной атмосферы, скорее это место похоже на клубы «Кейп-Код». Но несмотря на это, КГА следит за 2200 км туристических троп в горах, заправляет отличным информационным центром в Пинкхэм-Нотч, издает добротные книги и пускает путешественников в коттеджи, чтобы воспользоваться туалетом, попить воды или просто согреться, что мы с удовольствием и сделали.

Мы купили по чашке согревающего кофе и взяли его в столовую, где расположились рядом с несколькими другими туристами и распаковали свою еду. Коттедж был очень просторным и душевным, украшенным в деревенском стиле, с высоким потолком. Когда мы закончили есть, у меня затекли ноги, так что я поднялся, чтобы осмотреться и заглянуть в одну из двух спален. Это была большая комната, уставленная четырехэтажными кроватями. Она была чистой и проветренной, но неприятно обыкновенной и, скорее всего, походила ночью на армейский барак, только заваленный туристическими рюкзаками. Она выглядела чрезвычайно непривлекательно. Бентон МакКай не бывал в этих коттеджах, но они точно отвечали его задумке: пустые, грубые, полностью общественные. Я понял с неприятным шоком, что воплотись его план о горных гостиницах в жизнь, то каждое здание выглядело бы точно так же. Мои мечты об уютном

убежище превратились в дорогой отдых в тренировочном лагере для новобранцев с ценами, установленными КГА.

Я быстро прикинул в уме расходы. Зная, что стандартной ценой за ночь считается где-то 50 долларов, я быстро сообразил, что обычному туристу приходилось платить от шести до семи с половиной тысяч долларов, чтобы во время похода проводить в коттедже каждую ночь. Мне сразу стало ясно, что это было просто невысказано. Возможно, что то, что случилось, было к лучшему.

Когда мы вышли из коттеджа, слабо сияло солнце, и мы направились по еще одной тропе вниз по горе к Франкония-Нотч. По мере нашего спуска светило набирало силу, пока вновь не наступил погожий июльский денек. Воздух был мягок, а деревья залиты светом, в их ветвях пели птицы. Когда ранним вечером мы подошли к машине, я почти полностью высох, и тот страх, что я испытал на вершине Лафайет, теперь купавшейся в теплых лучах солнца на фоне ярко-синего неба, показался мне далеким воспоминанием.

Забравшись внутрь, я взглянул на мои часы. Стрелки показывали две минуты одиннадцатого. Я потряс их и с интересом увидел, как минутная стрелка пришла в движение.

Глава XVIII

На вершине

Вечером 12 апреля 1934 года синоптик высотной метеостанции на горе Вашингтон Сальваторе Пальюка пережил то, что не случилось ни с кем до или после него.

Как бы это помягче сформулировать? Дело в том, что порой на горе Вашингтон бывает немного ветрено, а в тот день, о котором пойдет речь, ветер разгулялся не на шутку. За предыдущие сутки скорость ветра ни разу не падала ниже отметки 170 км в час, а то и возрастала еще больше. Когда пришло время для снятия показаний по полудню, ветер был таким порывистым, что Пальюка закрепил на талии крепкую бечевку и попросил двух своих коллег взять в руки другой конец. Мужчины столкнулись с большими сложностями уже при открытии двери, и им пришлось напрячь все свои силы, чтобы Пальюка не стал человеческим вариантом воздушного змея. История умалчивает о том, как Пальюке удалось дотянуться до измерительных приборов и записать показания, неизвестными остались и слова, которые он произнес, как только ввалился обратно в помещение, хотя «Гоооооооосподи!», на мой взгляд, является самым вероятным из возможных вариантов.

Но нам точно известно, что Пальюка во время работы находился под воздействием приповерхностного потока воздуха, обладавшего скоростью в 371 км в час. Более нигде в мире показатели не поднимались до такого уровня.

В книге «Самая ужасная погода на Земле: История метеорологической станции на горе Вашингтон» Уильям Лоуэл Патнэм сухо отмечает: «Возможно, в каком-нибудь Богом забытом уголке земли погода изредка и бывала похуже, но пока мы не располагаем точными доказательствами этого». Среди многих других неприятностей, случившихся на горе Вашингтон в этот самый ветреный день, когда ветер проделал путь почти в четыре с половиной тысячи километров и при ветреной погоде возникла самая низкая температура, можно назвать и выход из строя большей части аппаратуры (сочетание порывов ветра скоростью в 160 км в час и минусовой температуры 44 градусов является крайне редким случаем даже в Антарктике).

Гора Вашингтон обязана такой необычно экстремальной погодой на

высоте или широте, хотя оба эти фактора имеют свое влияние, а расположению прямо в точке, где высотные метеорологические условия Канады и Великих озер сталкиваются с влажным, сравнительно теплым воздухом Атлантики или юга США. Это приводит к тому, что в год здесь выпадает шесть метров снега, и снежный покров вырастает до семи метров. В знаменательную бурю 1969 года за три дня на вершине горы выпало 2,4 м снега. Также местной особенностью является ветер. Обычно он дует с силой урагана (более 120 км в час) каждые два дня из трех зимой и чуть меньше половины дней в году. Из-за долгих и суровых зим среднегодовая температура на пике равна примерно двум градусам по Цельсию. Летом средний показатель достигает 11°, что на целых 13 ° ниже, чем у основания горы. Это свирепая гора, но все же люди восходят на нее, или хотя бы пытаются это сделать, даже зимой.

В своей книге «В горы» Мэгги Стьер и Рон МакЭдоу рассказывают, как в январе 1994 года два студента университета из Нью-Гэмпшира Дерек Тинкхэм и Джереми Хаас решили пройти по всему Президентскому хребту, в который (включая Вашингтон) входят семь горных вершин, названные в честь американских президентов. Хотя молодые люди были опытными и хорошо снаряженными походниками, готовыми к зимним условиям, но они даже не могли представить себе, на какой отчаянный поступок решились. Во вторую ночь их путешествия скорость ветра поднялась до 144 км в час, а температура резко упала до –35 градусов. Я знаю, что такое –4 градуса в спокойных условиях, и могу сказать, что даже хорошенько укутавшись и еще храня тепло, оставшееся от помещения, вы испытаете достаточно неприятные ощущения уже через пару минут. Каким-то образом им удалось пережить ночь, но на следующий день Хаас признался, что не сможет идти дальше. Тинкхэм помог ему забраться в спальный мешок, а затем начал медленно подниматься к метеорологической станции, находившейся в трех километрах от места их стоянки. Он все-таки добрался до нее, хотя и получил сильнейшее обморожение. Его друга обнаружили на следующий день. Как было напечатано в отчете: «наполовину выбравшегося из спального мешка и затвердевшего от мороза».

Множество других смельчаков погибли на горе Вашингтон в намного менее суровых условиях. Одна из ранних и самых знаменитых смертей – молодая женщина по имени Лиззи Борн, которая одним теплым сентябрьским вечером 1855 года, когда гора только-только начала привлекать туристов, решила взобраться на нее в компании двух мужчин-компаньонов. Как вы уже догадались, погода внезапно изменилась, и путников окружил непроглядный туман. Они случайно разделились. Ночью

мужчины добрались до гостиницы на вершине. Лиззи же нашли на следующий день всего в каких-то 45 м от входной двери. Она была мертва.

В общей сложности на горе Вашингтон расстались с жизнью 122 человека. До недавнего времени, когда пальму первенства взяла гора Денали в Аляске, она считалась самой смертельно опасной горой Северной Америки. Так что, когда через несколько дней мы с бесстрашным доктором Абду прибыли к ее подножию, чтобы совершить второе из наших больших восхождений, я захватил с собой запас одежды, которого хватило бы для того, чтобы пересечь Арктику. Со мной имелись: водонепроницаемый плащ, шерстяной свитер, куртка, перчатки, запасные штаны и термобелье. И я твердо знал, что мне больше не придется мерзнуть на высоте.

На Вашингтоне, в самой высокой точке к северу от Грейт-Смокис-Маунтинс и к востоку от Рокис, достигающей внушительных 1916 м, случается мало погожих дней, а в тот день, когда мы туда направились, было особенно ясно, и потому здесь собрались толпы туристов. Когда мы подъехали к горе (было минут десять девятого утра), на парковке информационного центра «Пинкхэм-Нотч» я насчитал около 70 машин, и с каждой минутой народа становилось все больше. Гора Вашингтон – самая популярная вершина Белых гор и туристской тропы через ущелье Такермэн, а выбранный нами маршрут был самой популярной тропой на склоне горы Вашингтон. Примерно 60 тысяч туристов в год отправляются в поход по тропе Такермэна, хотя большая их часть поднимается наверх на лифте и спускается пешком, так что данные немного разнятся. В любом случае это было просто замечательное, жаркое, дышащее надеждами утро под ярко-голубым небом позднего июля.

Подъем оказался легче, чем я смел ожидать. Даже теперь я не мог привыкнуть к новому ощущению похода по горам без тяжелого рюкзака за плечами. Оно разительно отличалось от предыдущего опыта. Не скажу, что мы шли очень уж резво, но принимая во внимание тот факт, что нам предстояло взобраться почти на 1370 м, наш темп был достаточно бодрым. Мы поднялись наверх за 2 часа 40 минут (в гиде для туристов по Белым горам Билла значилось, что путешествие занимает 4 часа и 15 минут), так что мы были очень горды собой.

Возможно, что на Аппалачской тропе и найдутся более суровые и впечатляющие вершины, чем гора Вашингтон, но ни одна из них не выглядит так неожиданно. С трудом преодолев последний крутой отрезок каменистого склона, вы добываетесь до места, находящегося на значительном возвышении, и когда вы наконец заглядываете за край, вашему взору открывается не что иное, как обширная парковка, полная

сверкающих на солнце автомобилей. За ней находится комплекс зданий, между которыми снуют толпы людей в шортах и бейсбольных кепках. Здесь царит атмосфера всемирной ярмарки, невероятным образом перенесенная на вершину горы. На Аппалачской тропе вы так привыкаете к тому, что кроме вас на пике находится разве что еще пара человек, которым тоже пришлось потрудиться, чтобы добраться до него, что это место кажется просто поразительным. Посетители могут доехать сюда на машине по прямой платной дороге или на фуникулере, расположенном на другом склоне, и сотни людей, даже сотни и сотни, как мне тогда представилось, положились на эти транспортные средства. Они были повсюду: нежились на солнышке, перекинувшись через ограждения смотровых площадок, прогуливались между многочисленными магазинами и кафе. На минуту я почувствовал себя пришельцем с другой планеты. Мне нравилось это ощущение. Конечно, это был сущий кошмар, осквернявший самую высокую точку северо-запада, но я был рад тому, что он был сосредоточен в одном месте. По сравнению с ним весь остальной путь был просто прекрасным.

Эпицентром туристической активности было чудовищно уродливое бетонное здание информационного центра «На вершине» с большими окнами, просторными смотровыми площадками и чересчур оживленной столовой. На внутренней стороне его входной двери висел большой список людей, которые погибли на горе, сопровождаемый причинами смерти. Он начинался с некоего Фредерика Стрикленда из Бридлингтона, графства Йоркшир, который сбился с тропы, отправившись в поход в октябрьскую бурю 1849 года, и тянулся через множество жутковатых несчастных случаев, прежде чем завершиться смертью двух туристов, которые распрощались с жизнью на склонах Вашингтона в 1996 году. Эта статистика отрезвляла, да и в списке было достаточно места для новых происшествий.

На цокольном этаже центра находился маленький музей климата, геологии и флоры Вашингтона, но мое внимание особенно привлекло короткое смешное видео под названием «Завтрак чемпионов», которое, как я понял, метеорологи сняли, чтобы позабавить самих себя. Оно было записано на камеру, установленную на одной из горных площадок. Главным героем сюжета был мужчина, сидевший за столом, будто бы в ресторане под открытым небом, во время знаменитой местной ветреной погоды. Пока мужчина обеими руками придерживал стол, к нему против ветра с очевидным усилием шел официант, выглядевший так, будто бы он находился на крыле самолета, летящего на высоте девяти километров. Он

попытался насыпать клиенту миску хлопьев, но они вылетали из коробки под углом в 90 градусов. Тогда он решил добавить молоко, но и оно последовало за своими предшественниками (и по большей части попало на клиента – это был особенно веселый момент). Потом, если я ничего не напутал, улетела миска вместе со столовыми приборами, а затем в сторону пополз и весь стол. И на этом фильм закончился. Он был настолько здорово снят, что я посмотрел его дважды, а потом отправился на поиски Билла, чтобы он тоже мог посмеяться, но не смог найти его среди беспокойной толчи. Так что я вышел наружу на смотровую площадку и стал наблюдать, как ползет по склону фуникулер, по прибытии выпустивший в небо облако черного дыма. Он остановился на станции на вершине, и на платформу вывалились сотни новых радостных туристов.

У местного туризма долгая история. Уже в 1852 году на вершине появился ресторан, в котором обслуживали до ста человек в день. В 1853-м на верхушке горы была возведена небольшая каменная гостиница под названием Tip-Top House, сразу приобретшая широкую известность и успех. Затем, через полтора десятка лет, местный предприниматель по имени Сильвестр Марч построил здесь первый в мире фуникулер. Все считали его безумцем и были уверены, что даже если постройка пройдет успешно, что очень сомнительно, то на нее будет спрос. Но в действительности, как показывали волны прибывающих сюда туристов, изливавшиеся на платформу внизу, люди до сих пор не устали от фуникулера.

Через пять лет после открытия фуникулера старый Tip-Top сменил более внушительный Summit House Hotel, за которым последовала двенадцатиметровая башня с цветным прожектором, который виден во всей Новой Англии и даже далеко с моря. В конце века летом на горе начала издаваться ежедневная газета, а фирма American Express открыла здесь свой филиал.

Параллельно с этим у подножия все шло так же замечательно. Современная туристическая индустрия, суть которой состоит в том, что множество людей приезжают в место, где их уже поджидают различные увеселения, была создана именно на Белых горах. Вместительные отели с огромным количеством комнат появились в каждой лесистой долине. Это были невероятно пышные и изящные здания, выполненные в живом деревенском стиле и похожие на загородные домики, раздутые до масштаба санаториев. Они считаются одними из самых больших и сложных построек из дерева, с их волнистыми крышами, украшенными крепенькими башенками, бойницами и всеми другими архитектурными элементами,

которые только могло придумать викторианское сознание. Здесь были зимние сады и салоны, обеденные комнаты, вмещающие до двух сотен гостей, веранды, похожие на дорожки для променадов на палубах кораблей, на которых постояльцы могли наслаждаться чистым воздухом и наблюдать за красотой скалистой местности.

Более утонченные отели были и впрямь утонченными. У Profile House в Франкония-Нотч была собственная железная дорога, которая вела до перекрестка Вифлеем в восьми милях от отеля. На этих землях расположился 21 коттедж, каждый из которых располагал двенадцатью спальными комнатами. Maplewood обладал казино. Гости Crawford House могли выбрать между девятью ежедневными газетами от Нью-Йорка до Бостона, которые специально заказывались владельцами. Какие бы новинки ни появлялись в мире, будь то лифты, газовое освещение, бассейны, поля для гольфа, все это можно было найти в отелях Белых гор. К концу XIX века на склонах Белых гор красовались 200 отелей. Нигде больше нельзя было найти отелей такого уровня, отличавшихся презентабельностью и удобством, и уж точно не в горах. Увы, теперь почти все они исчезли.

В 1902 году в Бреттон-Вудс на открытой поляне на фоне Президентского хребта открылся самый великолепный среди своих собратьев отель «Гора Вашингтон». Он был построен во внушительном стиле, оптимистично названном архитектором «испанским ренессансом», и стал венцом изящности и изобилия. Здесь находилось 2 тысячи 600 акров культивированных зеленых территорий, 235 комнат для гостей и любая утонченная безделушка, какую только можно было купить за деньги. Для создания одной лишь лепнины застройщики пригласили 250 итальянских умельцев. Но уже для тех лет отель являлся анахронизмом.

Мода не стояла на месте. Американские специалисты по туризму добрались до приморских зон. Отели Белых гор по современным меркам были немного скучными, отдаленными и дорогими. Что еще хуже, они начали привлекать сомнительных лиц – выскочек из Бостона и Нью-Йорка. А еще внезапно стал незаменимым и популярным автомобиль. Отели строили с уверенностью, что посетители будут останавливаться в них минимум на две недели, но частные машины дали туристам возможность свободного передвижения. В выпуске 1924 года журнала *New England Highways and Byways from a Motor Car* [«Трассы и объездные дороги Новой Англии для автомобилей»] автор восхищался невиданным великолепием Белых гор: ревущими водопадами Франконии, алебастровой статье Вашингтона, тайным шармом крошечных городков Линкольн и

Вифлеем, и советовал читателям отвести полный день и ночь на посещение гор. Америка вступала в век не только автомобилей, но и в эпоху укороченной продолжительности концентрации внимания.

Отели закрывались один за одним, приходили в упадок, но чаще всего сжигались дотла (как правило, единственной вещью, будто по волшебству спасенной из пламени, оказывался страховой полис), а на их место вновь возвращались леса. Когда-то моему взору с вершины открывались примерно два десятка отелей. Сегодня остался лишь один – «Гора Вашингтон», все еще грандиозный и праздничный, с весело торчащей красной крышей, но неизменно печальный в своем одиноком величии (и даже он несколько раз оказывался на волоске от банкротства). Во всей остальной просторной долине, в ее низинах, где когда-то гордо вздымались Fabyan, Mount Pleasant и Crawford House, теперь остались лишь леса, дороги и мотели.

Великая эпоха курортных отелей в Белых горах продлилась всего 50 лет. И несмотря на то что их не стало, я вновь сказал самому себе, что Аппалачская тропа – это еще и символ почтенности. И с этими мыслями я отправился искать моего друга Билла, чтобы завершить наше путешествие.

Глава XIX

И снова Кац

– У меня появилась замечательная идея! – воскликнул Стивен Кац две недели спустя, когда мы находились в спальне моего дома в Ганновере, потому что уже утром должны были отправиться в Мэн.

– Да? – сказал я, пытаюсь скрыть настороженность в моем голосе, так как хорошие идеи не были коньком Каца.

– Ты же знаешь, как ужасно таскать на себе полный рюкзак? – Конечно, я знал! Поэтому с готовностью кивнул ему в ответ. – Так вот, я думал об этом вчера. Брайсон, вообще-то я размышлял об этом очень много, потому что, если говорить начистоту, мысль о том, что мне придется снова взвалить на себя этот рюкзак, наполнила меня... – и он понизил голос, – чертовым ужасом. – Он задумчиво покивал и повторил эти два ключевых слова. – И потом ко мне пришла отличная идея. Альтернатива. Закрой глаза.

– Зачем?

– Я хочу тебя удивить.

Я ненавижу закрывать глаза перед сюрпризом, всегда ненавидел, но сделал, как мне велели. Я слышал, как он копался в своей сумке с излишками военного имущества.

– Кто постоянно таскает тяжести? – продолжал он. – Это был вопрос, который я себе задал. Итак, кто каждый божий день таскает кучу тяжестей? Эй, не смотри пока. А потом меня осенило. – На минуту он затих, будто бы проводя важную проверку, чтобы удостовериться, что сюрприз произведет должный эффект. – Хорошо, теперь можешь смотреть.

Я раскрыл глаза. Кац, сияя нескромной улыбкой, показал мне почтовую сумку Des Moines Register. Это был ярко-желтый мешок, который американские мальчишки, разносящие газеты, обычно перекидывают через плечо, прежде чем забраться на велосипед и отправиться на работу.

– Ты серьезно? – спросил я тихо.

– Я в жизни не был более серьезен, мой старый горный друг. Я и для тебя прихватил одну. – И он вытащил вторую сумку, все еще аккуратно сложенную и завернутую в прозрачный пакет, из своего мешка и отдал ее мне.

– Стивен, ты не можешь идти в поход в дикие места Мэна с почтовой

сумкой.

– Почему нет? Она удобная, непромокаемая, ну, или близка к этому, она вместительная и весит лишь четыре унции. Это идеальный аксессуар настоящего путешественника! Позволь мне задать тебе вопрос. Когда в последний раз ты видел мальчика-газетчика с грыжей? – Он мудро кивнул, будто бы смог провести меня.

Я медленно открыл и закрыл рот, готовясь к ответу, но Кац без промедления продолжил, прежде чем я смог сформулировать свои мысли.

– План таков, – сказал он. – Мы избавимся от всего, кроме необходимого минимума: никаких переносных плит, газовых баллонов, никаких макарон, кофе, тентов, мешков со снаряжением, спальных мешков. Мы пойдем в поход и будем разбивать стоянки как пещерные люди. У Дениэла Буна был демисезонный фибровый спальный мешок? Вот уж не думаю. Все что мы возьмем – это холодные продукты, бутылки с водой, может, один комплект запасной одежды. Думаю, что мы сможем уменьшить ношу до 2,5 кг. И... – он с энтузиазмом порылся рукой в пустой почтовой сумке, – мы положим все сюда. – Выражение его лица призывало меня осыпать его похвалами.

– А ты подумал, как глупо будешь выглядеть?

– Ага. Но мне все равно.

– Ты подумал, что станешь причиной нескончаемого веселья для каждого человека, который встретится на твоём пути отсюда до Катадина?

– Меня это абсолютно не колышет.

– Так, а тебе приходило в голову, что скажут егери, обнаружив, что ты отправляешься в поход на сотни километров в глубь диких лесов с почтовой сумкой наперевес? Ты знаешь, что у них есть право задержать всякого, кого они сочтут психически или физически нездоровым? – По правде сказать, я лгал, но, к счастью, мои слова заставили его нахмурить брови. – А еще, разве ты не догадался, что причина, по которой ты не видишь почтовых мальчишек с грыжами, состоит в том, что они носят свои сумки только один час в день, и возможно, тебе будет менее комфортно таскаться с ней по горам весь день, при этом чувствуя, как она непрерывно бьется о твои ноги и натирает плечо до крови? Посмотри, твоя кожа под лямкой уже покраснела.

Его глаза скользнули вниз по лямке. Он больше не настаивал. Нужно сказать, что в Каце было хорошо, так это то, как быстро его можно было отговорить от всевозможных странных затей. Мы собрали больше вещей, чем хотелось Кацу. Я настоял на спальнях мешках, теплой одежде и наших палатках. А он, хотя и признал, что это совсем не соответствовало его

ожиданиям, согласился оставить плиту, газовые баллоны, котелки для костра и сковороды. Мы сможем поесть и холодную пищу: шоколадные батончики, изюм и неубиваемые кусочки салями под названием Slim Jims. Кроме того, я не смог бы и притронуться к еще одной миске с макаронами. Таким образом, каждый из нас сбросил чуть больше двух килограммов. Это было практически ничего, но Кац был невероятно рад. Ему редко удавалось воплотить в жизнь хотя бы часть своего замысла.

Итак, на следующий день моя жена отвезла нас глубоко в нескончаемые леса северного Мэна, откуда начинался наш путь по «Стомильной дали». Мэн обманчив. Это двенадцатый из самых маленьких штатов, но на его территории расположены леса размером в 10 млн акров, с которыми может потягаться только Аляска. На фотографиях он выглядит спокойно и заманчиво, словно гигантский парк с сотнями прохладных глубоких озер и туманными тихими волнами гор. Лишь Катадин с его каменистыми верхними склонами и пугающей массивностью выглядит более-менее устрашающе. Но на самом деле все здесь таит опасность.

Создатели туристических троп в Мэне преданно выискивают самые каменистые подъемы и безумные склоны, а ими штат располагает в достатке. На протяжении 455 км, которые занимает Аппалачская тропа в Мэне,двигающийся на север путешественник должен преодолеть подъем на 30,5 км, что сравнимо с тремя Эверестами. А в самом сердце пути лежит знаменитая «Стомильная даль» – 160,5 км бореальной лесной тропы, на которой не найти ни магазина, ни дома, ни асфальтированной дороги и которая тянется от деревни Монсон до общественного палаточного лагеря у Абол-Бридж, расположенного чуть ниже Катадина. Это самая удаленная часть Аппалачской тропы. Если что-то пойдет не так в «Стомильной дали», то вы должны будете рассчитывать только на себя. Здесь можно погибнуть от занозы, которая заразит вашу кровь.

У большинства людей на то, чтобы пересечь эту легендарную местность, уходит от недели до десяти дней. Так как в нашем распоряжении было две недели, мы попросили мою жену подбросить нас до Каратунка, захолустной деревушки, раскинувшейся на берегу реки Кеннебек в 61 км от Монсона и официального начала тропы. У нас было три дня на разминку и шанс пополнить запасы в Монсоне, прежде чем отправиться навстречу самым глухим лесам. На неделе я уже совершил небольшой поход на запад от озер Рэнджелей и Флагстаф перед самым приездом Каца, так что чувствовал, что смогу уверенно сориентироваться на местности. Но даже для меня этот поход стал настоящим шоком.

Первый раз за почти четыре месяца я нес на себе полный рюкзак. Я не

мог поверить, что он настолько тяжел, не мог поверить, что однажды я уже проверил на себе, что это за тяжесть. Напряжение наступило сразу же и принесло с собой много неудобств. Но я хотя бы был в походе. Кац, как сразу стало заметно, был в этом деле новичком. На самом деле он был новичком, любившим отведать лишний блинчик за завтраком. От Каратунка нам предстоял долгий пологий подъем, растянувшийся на 8 км до большого озера Плезант-Понд. Это было легкой задачей, но я сразу же заметил, что Кац двигался с великой тщательностью и тяжело дышал, а на его лице легко читалось его настроение. Это был шок. Он словно непрерывно спрашивал: «Где это я?»

Когда я спросил Каца, как он себя чувствует, тот смог лишь удивленно произнести: «Боже!» А когда он сбросил свой рюкзак со спины на первом привале после 45 минут ходьбы, то испустил лишь один сочный стон: «Чееееееерт...», который получился запыхавшимся и глухим, как звук от взбитой подушки, на которую решили присесть. Полдень был сырым и грязным, и с Каца ручьями тек пот. Он взял бутылку воды и выпил почти половину. Затем бросил на меня неуверенный и отчаянный взгляд, вернул на место рюкзак и, не проронив ни слова, вернулся к своему долгу.

Плезант-Понд был прекрасным местом для отдыха. Появившись здесь, мы сразу слышали счастливые визги детей, плещущихся и купающихся где-то в ста ярдах от нас, хотя и не могли увидеть озеро из-за деревьев. Без их веселых возгласов мы бы и не узнали, что озеро было рядом, что еще раз напомнило, насколько густыми могут быть здешние леса. Чуть дальше возвышалась гора Мидд, которая составляла в высоту лишь 760 м, но шла под крутым углом и стала тяжким препятствием в жаркий день, когда наши нежные плечи тянули к земле набитые рюкзаки. Я безрадостно топал к вершине горы. Кац вскоре отстал и медленно шаркал позади.

Было уже за шесть часов, когда мы дошли до подножия горы с другой стороны и нашли подходящее место для палаток за заросшей, покинутой людьми лесовозной дорогой у местечка под названием Бейкер-Стрим. Я немного подождал Каца, а затем начал ставить свою палатку. Когда мой друг не появился через двадцать минут, я пошел его искать. Он отстал от меня почти на час. И когда я его обнаружил, то выражение на его лице было абсолютно пустым.

Я взял у него рюкзак и вздохнул. Я сразу понял, что тот был полупустым.

- Что случилось с твоим рюкзаком?
- О я кое-что выкинул, – грустно сказал он.
- Что именно?

– Да так, одежду и всякие штуки. – Казалось, что он не знает точно, расстраиваться ему или оцетиниться на меня. В итоге он решил попытаться оцетиниться и заявил:

– Во-первых, тот идиотский свитер. – После чего мы немного поспорили насчет важности шерстяных вещей.

– Но может стать холодно. Погода в горах очень изменчива.

– Да, конечно. Но сейчас август, Брайсон. Не знаю, заметил ли ты это.

В тот момент отвечать ему мне не было смысла. Когда мы дошли до нашего лагеря и он начал расставлять палатку, я заглянул в его рюкзак. Он выбросил почти всю свою запасную одежду и, кажется, добрую часть еды.

– Где орехи? – спросил я. – Где все твои упаковки салями?

– Нам это дерьмо не понадобится. До Монсона только три дня.

– Большая часть еды предназначалась для «Стомильной дали», Стивен. Мы не знаем, какие продукты можно найти в Монсоне.

– Ох. – Он изменился в лице. – Я думал, что этого слишком много для трех дней.

Я в отчаянии посмотрел в его рюкзак и затем оглянулся.

– Где твоя вторая бутылка воды?

– Я ее выкинул. – И он робко посмотрел на меня.

– Ты выкинул воду? – Это выходило за все рамки. Что точно нужно в походе в августе, так это вода.

– Она была тяжелой.

– Конечно, она была тяжелой. Вода всегда тяжелая. Но так уж случилось, что она еще и немного жизненно необходима. Ты так не считаешь?

Он беспомощно поморгал:

– Я должен был избавиться от тяжестей. Я был в отчаянии!

– Нет, ты просто был идиотом.

– Да, правда, – согласился он.

– Стивен, как бы я хотел, чтобы ты этого не делал.

– Я знаю, – пробормотал он, судя по всему, искренне раскаиваясь.

Пока Кац заканчивал возиться со своей палаткой, я пошел нафильтровать воды на утро. Бейкер-Стрим оказался настоящей рекой, широкой, чистой и не слишком глубокой. Она была прекрасна в тот летний вечер, а обрамлявшие ее берега деревья и мерцание последних лучей солнца на воде дополняли живописную картину. Присев у воды, я вдруг почувствовал, что нечто затаилось в лесу со стороны моего левого плеча. Тогда я быстро вскочил и заглянул за густую растительность у самого края воды. Один Господь ведает, почему мне так захотелось посмотреть туда,

потому что я не мог ничего расслышать за мелодичным журчанием воды. Там примерно в пяти метрах в туманном предлеске стояла, как я предположил по отсутствию рогов, самка лося, испуганно глядевшая на меня. Видимо, она только подошла к водопою, когда почуяла мое присутствие, и теперь не знала, что делать.

Встреча в лесу с крупным диким животным всегда оставляет странное впечатление. Конечно, всем известно, что они должны обитать где-то здесь, но вы совсем не ожидаете встретить одного из них и уж точно не надеетесь оказаться так близко. А я был достаточно близко, чтобы рассмотреть насекомых, похожих на блох, которые кружились около головы самки. Мы глядели друг на друга с минуту, не зная, что делать. В этом моменте присутствовало очевидное и приятное чувство приключения, но также что-то более глубокое и таинственное – некое уважительное обоюдное понимание, которое устанавливается после продолжительного контакта глазами. Это ощущение было удивительно волнующим: будто бы мы приветствовали и осторожно оценивали друг друга. Очень медленно, чтобы не вспугнуть животное, я пошел за Кацем.

Когда мы вернулись, лосиха уже подошла к воде и пила в семи метрах вверх по течению от нас. «Ух ты!» – произнес Кац. Я с удовольствием отметил, что он тоже был взволнован. Лосиха подняла голову и взглянула на нас, рассудила, что мы не причиним ей вреда, и продолжила свое занятие. Мы наблюдали за ней еще пять минут, но нас замучили комары. Вернувшись в лагерь, мы почувствовали себя окрыленными. Это событие стало подтверждением того, что мы действительно были среди дикой природы: неплохое вознаграждение за день, полный тяжелого труда.

На ужин мы поели салями, изюма и шоколадных батончиков и скрылись в своих палатках, чтобы избавиться от назойливых moskitov. Когда мы устроились, Кац с присущим ему красноречием сказал:

– Сегодня был тяжелый день. Я дико устал. – Хотя разговаривать перед сном было ему не свойственно. Я пробурчал что-то в знак согласия.

– Я и забыл, как тяжело это бывает.

– Да, я тоже.

– Хотя в первые дни всегда сложно, разве не так?

– Так.

Он умиротворенно вздохнул и мелодично зевнул.

– Завтра будет полегче, – сказал он, продолжая зевать. Как я понял, этим он давал знать, что не выкинет завтра еще какую-нибудь глупость. – Что же, спокойной ночи, – добавил он.

Я устался на стену моей палатки, со стороны которой раздавался его

голос. За все те недели, что мы провели в совместных походах, это был первый раз, когда он пожелал мне спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил я.

Я повернулся на бок. Конечно же, он был прав. Первые дни всегда тяжелые. И завтра будет лучше. Мы оба заснули в считанные минуты.

Но, как оказалось, мы оба ошибались. Хотя следующий день начался неплохо. Ясная заря обещала еще один жаркий полдень. Мы впервые за наш поход проснулись в тепле и подивились новому ощущению. Мы упаковали наши палатки, позавтракали изюмом и шоколадными батончиками и отправились в глубь леса.

К девяти часам утра солнце уже вовсю припекало. Даже в жаркие дни в лесу было достаточно прохладно, но здесь воздух был тяжелым, застоявшимся и душным, почти тропическим. Примерно через два часа после начала пути мы подошли к заливу шириной в два акра, который, как я догадался, был полон бледным тростником, упавшими деревьями и выбеленными пеньками на местах, где раньше находились их стволы. Над поверхностью воды танцевали стрекозы. Позади нас вздымалась в ожидании гигантская громада под названием гора Мокси-Болд. Особенно удивительной была тропа, которая резко и странно обрывалась у самого края воды. Мы с Кацем переглянулись: что-то здесь было не так. Впервые после Джорджии мы подумали, что потеряли тропу (один Господь знает, что бы на это сказал Куриный Джон). Мы вернулись на значительное расстояние, тщательно изучили нашу карту и путеводитель, попробовали отыскать другой путь вокруг пруда через жаркие и непроходимые прибрежные заросли и в конце концов заключили, что нам придется идти вброд. На дальнем берегу в метрах в семидесяти от нас Кац заметил белое сияние Аппалачской тропы. Нам нужно было идти по прямой.

Кац, босоногий и в одних боксерах, указывал путь. Используя длинную палку, похожую на шест, он прокладывал дорогу по куче утонувших и выглядывающих над поверхностью пней. Я следовал за ним, но на внушительном расстоянии, чтобы не наступить на бревно, на котором уже стоял Кац. Бревна были покрыты скользким мхом и легко переворачивались или шатались при каждом нашем шаге. Дважды он чуть не упал. Наконец, после того как мы прошли примерно 25 метров, он совсем потерял равновесие и, раскинув руки, с воем плюхнулся в мутную воду. Кац полностью ушел под воду, затем выплыл, снова нырнул и снова всплыл, крутясь и барахтаясь с такой яростью, что несколько ужасающих секунд я думал, что он тонет. Вес рюкзака явно тянул его вниз и мешал встать прямо или даже удержать голову над водой. Я уже собирался

бросить свой рюкзак и броситься к нему на помощь, когда ему удалось уцепиться за бревно и встать на ноги. Вода доходила Кацу до груди. Он держался за бревно и тяжело глотал воздух, пытаясь восстановить дыхание и успокоиться. Кац сильно испугался.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Ох, просто замечательно, – ответил он. – Просто замечательно. Я не знаю, почему сюда никто не запустил крокодилов, такое приключение пропало даром.

Я начал медленно приближаться к нему и почти сразу же упал в пруд. На секунду все стало каким-то сюрреалистичным, мир замедлился, и я взглянул на него с непривычного угла, открывавшегося с поверхности воды и под ней. В то же время моя рука беспомощно тянулась к бревну, которое постоянно ускользало от меня. Все это происходило в странной журчащей тишине. Кац прошлепал мне на помощь, крепко схватил меня за рубашку, вытянул обратно на свет божий и поставил на ноги. Он оказался на удивление сильным.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Да не за что.

Мы тяжело прошествовали к дальнему берегу, по очереди падая и помогая друг другу, и прошлепали по мутной заводи, полной полусгнивших водорослей, попутно выливая из наших рюкзаков литры воды. Мы сбросили с плеч нашу ношу, сели на землю и, насквозь промокшие и изможденные, устали на лагуну так, словно она только что жестоко надула нас. Я не мог вспомнить, когда в последний раз в этом долгом путешествии я чувствовал себя настолько же уставшим. Сидя на берегу, мы слышали голоса двух модных и подтянутых молодых туристов, которые вышли из леса позади нас. Они поприветствовали нас кивками и оценивающе поглядели на воду.

– Боитесь, что придется идти вброд? – спросил Кац.

Один из них достаточно добродушно поглядел на него:

– Это ваш первый поход по этой местности? – спросил он.

Мы кивнули.

– Что же, не хочу вас расстраивать, но, господа, дальше будет только сырее.

После чего он и его друг подняли свои рюкзаки над головами, пожелали нам удачи и вошли в воду. Они ловко пробрались через нее за каких-то тридцать секунд, когда как Кацу и мне понадобилось столько же минут, и вышли на другой берег будто из ванной, снова надели свои сухие рюкзаки, помахали нам и исчезли.

В задумчивости Кац глубоко втянул в себя воздух, отчасти вздохнув, отчасти попробовав снова дышать полной грудью.

– Брайсон, я не пытаюсь тут ныть. Боже упаси. Но я не уверен, что создан для такого. Ты вот смог бы так поднять свой рюкзак над головой?

– Нет.

На этой удручающей ноте мы затагнули ремни и, поскрипывая, двинулись к горе Мокси-Болд.

Аппалачская тропа была самой сложной из тех, по которым я когда-либо путешествовал, а Мэн был ее самым трудным отрезком по параметрам, которые не поддавались моему пониманию. Отчасти в этом была виновата жара. С Мэном, штатом с самым умеренным климатом, приключился солнечный удар. Лишенный тени гранитный настил Мокси-Болд под испепеляющим солнцем излучал тепло, словно огромная печь, и казалось, что деревья и кусты дышали на нас горячим паровым воздухом. Мы отчаянно и обильно потели и пили необычайное количество воды, но никак не могли утолить жажду. Иногда воды было в избытке, но на долгих переходах она практически в одно мгновение исчезала, заставляя нас считать каждый глоток, чтобы позже не остаться совсем без запасов. Даже заполнив водой всю имеющуюся у нас тару, мы испытывали ее нехватку благодаря Кацу, выкинувшему свою бутылку. А еще, на наше несчастье, местность кишела назойливыми насекомыми, вызывала неприятное ощущение полной изолированности и была попросту сложной для ходьбы.

Кац ответил на этот вызов неожиданным образом. Он выказывал необычайное спокойствие, как будто единственным способом справиться с этими проблемами было смирение и неустанное движение вперед.

На следующее утро мы очень рано прибыли к первой из нескольких рек, которые лежали на нашем пути. Она называлась «Поток Болд Маунтэйн», но на самом деле это была река: широкая, быстрая и с порогами. Она приковывала внимание, поблескивая на солнце своими чистейшими водами, но ее поток казался стремительным, и невозможно было точно определить с берега, насколько там было глубоко. В моем «Путеводителе по Аппалачской тропе Мэна» несколько местных рек были обозначены как «сложные или опасные для перехода в период прилива». Я решил сообщить об этом Кацу.

Мы сняли наши ботинки и носки, подвернули штаны и бодро вошли в прохладную воду. Камни, устилавшие дно, были всех форм и размеров: плоские, яйцеобразные и округлые. Они давили на подошвы ног и были покрыты ужасно скользкой зеленоватой слизью. Я не сделал и трех шагов, как поскользнулся и больно упал на задницу. Мне почти удалось встать, но

тут я снова поскользнулся и снова упал, затем с трудом поднялся, проковылял метр или два и беспомощно кувырнулся вперед, выкинув перед собой руки и очутившись по шею в воде. Во время падения мой рюкзак съехал вперед, и тогда мои ботинки, привязанные к нему за шнурки, описали длинную красивую дугу и очутились прямо около моей головы, прежде чем окунуться в воду потока. Пока я ползал на карачках, делая мерные вдохи и убеждая себя, что однажды это станет лишь воспоминанием, когда двое молодчиков – настоящие клоны тех, что повстречались нам день назад, – прошли мимо, уверенно шлепая по воде и неся рюкзаки над головами.

– Упали? – радостно спросил один из них.

– Нет, просто хотел поближе рассмотреть воду, – сказал я, а про себя подумал: «Отцепись, ты, придурковатый подтянутый кретин».

Я пошел обратно к берегу, натянул свои промокшие ботинки и обнаружил, что идти в них было намного легче. У меня было хорошее сцепление с поверхностью, и камни больше не причиняли боли моим обнаженным ступням. Я осторожно начал двигаться вброд, помня о сильном течении в центре. Каждый раз, когда я поднимал ногу, оно пыталось снести меня вниз по реке, как будто я был столом с откидывающейся ножкой, но вода не поднималась выше метра, так что я добрался до другого берега реки без происшествий.

В это время Кац нашел свой способ перейти через реку, наступая на валуны, но потом внезапно застрял на краю шумящего и, по всей видимости, глубокого потока. Он стоял нахмурившись на большом валуне. Как он забрался туда, было выше моего понимания: его камень далеко отстоял от других, а вокруг опасно билась вода. Так что Кац растерялся и совсем не знал, что делать дальше. В итоге он попытался аккуратно спуститься в воду, чтобы пройти оставшиеся десять метров до берега, и его сразу же унесло течением, словно перышко. Во второй раз за два дня я был полностью уверен, что он утонет, так как он казался абсолютно беспомощным, но через шесть метров поток вынес Каца на мелководную насыпь из сияющей гальки, где он, отплевываясь, встал на карачки и пополз к берегу, откуда продолжил свой путь в лес, ни разу не оглянувшись, как будто так и было рассчитано.

Итак, по изнурительной тропе мы двинулись дальше к Монсону, перебираясь через регулярно встречающиеся нам реки и попутно пополняя коллекцию ушибов, царапин и укусов насекомых, которые превращали наши спины в карты рельефа местности. На третий день, чумадые и очумелые от леса, мы вышли на залитую солнцем дорогу, первую с

Каратунка, и поспешили в забытое селение Монсон. Рядом с центром городка стоял старый обшитый досками дом с вырезанной из дерева, раскрашенной фигурой бородатого путешественника, стоящего на лужайке с надписью: «Добро пожаловать к Шоу».

«Шоу» – самый знаменитый дом для гостей на Аппалачской тропе, отчасти из-за того, что он является последним уютным пристанищем для всякого, кто пытается покорить «Стомильную даль», и первым местом для тех, кто возвращается из нее, но также и благодаря своей дружелюбной атмосфере и хорошему сервису. Каждый из нас забронировал себе здесь комнату с завтраком, ужином и бесплатным доступом к душе, прачечной и общей гостиной всего за 28 долларов. Этим местом заправляли Кит и Пэт Шоу, которые случайно основали здесь свой бизнес двадцать лет назад, после того как Кит пригласил домой голодного туриста, который рассказал знакомым, как хорошо его приняли. Всего несколькими неделями ранее, когда мы проходили регистрацию, Кит гордо поведал мне, что я стал их двадцатитысячным посетителем.

У нас оставался час до ужина. Кац занял у меня пять долларов, как я и предположил, на сладости, и исчез в своей комнате. Я помылся, загрузил грязную одежду в стиральную машину и вышел на передний двор, где стояла пара деревянных лежаков, на которых я собирался устроить свой усталый зад, чтобы покурить трубку и насладиться блаженной легкостью раннего вечера и приятным ожиданием честно заработанного ужина. Поблизости из прикрытого окна доносилось шипение жарящегося мяса и стук сковородок. Пахло прекрасно, что бы за блюдо там ни готовилось.

Через минуту вышел Кит и сел рядом со мной. Он был довольно стар и подбирался, скорее всего, к семидесяти годам; у него почти не осталось зубов, а тело выглядело так, словно ему пришлось побывать в самых разных передрягах. При этом он был по-настоящему приятным человеком.

– Ты же не пытался погладить собаку? – спросил он у меня.

– Нет. – Я увидел ее из окна: уродливая злобная псина, сидевшая на привязи за домом, тупо и слишком сильно реагирующая на любой шум или движение в пределах сотни ярдов.

– Ты даже не думай к ней подходить. Послушай моего совета: тебе не стоит ее гладить. Один турист попытался сделать это, хотя я и предупредил его, а она укусила его за яйца.

– Правда?

– Правда, – кивнул он, – и не хотела отпускать. Ох, и орал же этот молодчик.

– Правда?

– Пришлось ударить чертову шавку палкой, чтобы она наконец от него отстала. Самая злобная собака, которую мне довелось повидать. Даже не подходи к ней, поверь мне на слово.

– А что с ним случилось, с этим мужчиной?

– Ну, скажем, что его день не задался. – Он задумчиво почесал шею, как будто размышляя о том, стоит ли ему побриться на этой неделе. – Он был упорным походником. Приехал сюда аж из самой Джорджии. Долгий же он путь проделал, чтобы его кусанули за мошонку. – Затем он встал и ушел, чтобы проверить, подали ли ужин.

Ужин состоялся за большим обеденным столом, который был щедро уставлен блюдами с мясом, мисками с пюре и с кукурузой на шпажках, покачивающимися тарелками с хлебом и масленками. Кац появился всего через несколько мгновений после меня. Он только что помылся и выглядел очень счастливым. Он казался необычайно и даже чрезвычайно энергичным и даже пощекотал меня, проходя мимо, что было совсем на него не похоже.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Никогда не чувствовал себя лучше, мой старый горный компаньон, никогда не чувствовал себя лучше.

К нам присоединились еще два постояльца. Это была трогательно скромная и благонравная молодая пара. Они выглядели загорелыми, здоровыми и очень чистыми. Кац и я поприветствовали их улыбками и набросились на еду, но быстро остановились и поставили миски на место, когда поняли, что молодые люди бормочут молитвы. Казалось, что это длилось вечность. Затем мы снова вернулись к еде.

Угощение было просто потрясающим. Кит взял на себя роль официанта и следил, чтобы мы хорошенько наелись. «Собака подьест все, что останется», – сказал он. Я был готов заставить ее поголодать.

Молодые оказались туристами из Индианы. Они начали свой путь в Спрингере 28 марта, в день, который в этот жаркий августовский вечер казался заснеженным и далеким, а их поход продолжался уже 141 день. Они прошли 3290 км. Им оставалось еще 210.

– Так вы почти у цели, так? – сказал я, пытаюсь поддержать беседу.

– Да, – ответила девушка. Она произнесла это медленно, в два слога, как будто она не задумывалась об этом раньше. В ее манере разговора было что-то трогательно бездумное.

– Вы когда-нибудь хотели сдатьсь?

Девушка призадумалась.

– Нет, – бесхитростно ответила она.

– Правда? – Это удивило меня. – И вы никогда не думали: «Боже мой, это слишком. Я не уверен, что хочу продолжать дальше?»

Она снова задумалась, но на этот раз немного запаниковала. Очевидно, эти вопросы никогда не посещали ее хорошенькую головку.

На помощь пришел ее партнер.

– На первых парах нас посещали моменты отчаяния, – сказал он, – но мы обратили свои молитвы к Богу и Его властью смогли продолжить путь.

– Хвала Господу, – почти беззвучно прошептала девушка.

– Ах, – вздохнул я и подумал, что надо бы закрыть дверь в комнату перед отходом ко сну.

– И да благословит Господь Аллаха за это пюре! – счастливо воскликнул Кац в это самое мгновение и в третий раз потянулся за миской.

После обеда мы с Кацем направились в универмаг, стоявший прямо на нашей улице, чтобы пополнить запасы для «Стомильной дали», на встречу с которой мы отправлялись завтра утром. В универмаге Кац выглядел несколько странно: он был довольно весел, но постоянно отвлекался и был невнимательным. Мы должны были сделать запасы на 10 дней, которые намерены были провести в лесной глуши, что было серьезным делом, но он никак не мог сосредоточиться и постоянно терялся или бросал в корзину ненужные продукты, как, например, соус чили или открывашки.

– Эй, а давай возьмем упаковку пива, – внезапно предложил он, как будто собирался на тусовку.

– Стивен, перестань, будь серьезнее, – сказал я, просматривая полку с сыром.

– Я серьезно.

– Ты хочешь чеддер или колби?

– Какая разница? – Он подошел к холодильнику с пивом и вернулся с упаковкой «Будвайзера».

– Эй, что ты скажешь на это, старик? Упаковка «Бада», а, друг? – И он ткнул меня в бок.

Я увернулся от него.

– Соберись, Стивен, перестань страдать дурью. – Я пошел к шоколадным батончикам и печенью и попытался прикинуть, что из этого протянет десять дней, не превратившись в отвратительный липкий комок или пакет крошек. – Ты хочешь «Сникерс», или попробуем что-нибудь другое? – спросил я.

– Я хочу «Будвайзер». – Он ухмыльнулся, но увидев, что шутка прошла мимо меня, внезапно перешел на печальный и серьезный тон. – Пожалуйста, Брайсон, можно одолжить у тебя, – он взглянул на ценник, –

четыре доллара и семьдесят девять центов. Я на мели.

– Стивен, я не знаю, что на тебя нашло. Положи пиво на место. И вообще, что случилось с теми пятью долларами, которые ты у меня занял?

– Я их потратил.

– На что? – И тогда до меня дошло. – Ты уже пил, не так ли?

– Нет, – ответил он насупившись, как будто хотел опровергнуть порочащую его честь клевету.

Но он был пьян или хотя бы наполовину пьян.

– Ты и впрямь пил, – с удивлением сказал я.

– Две банки Michelob. Ничего особенного. – Он вздохнул и слегка закатил глаза.

– Ты пил? – Я был поражен. – Когда ты начал снова пить?

– В Де-Мойне. Совсем чуть-чуть. Ну, знаешь, пара бутылочек после работы. И не надо тут паниковать.

– Стивен, тебе нельзя пить.

Но он и слушать меня не желал. Кац выглядел как четырнадцатилетний подросток, которого только что попросили прибраться в комнате.

– Не нужно разводить лекций, Брайсон.

– Я не собираюсь покупать тебе пиво, – строго сказал я.

Он улыбнулся, как будто я был ужасным занудой:

– Только упаковочку. Ну же.

– Нет!

Я был в ярости. Так я не выходил из себя уже много лет. Я никак не мог поверить, что он вновь принялся за старое. Так глупо и бесповоротно предать все: себя, меня, наше предприятие.

Кац еще ухмылялся, но его эмоции были уже совсем другими:

– Так ты не купишь мне парочку дурацких банок после всего того, что я прошел ради тебя.

Это был удар ниже пояса.

– Нет.

– Ну и пошел ты, – сказал он, резко развернулся и вышел из магазина.

Глава XX

Планы меняются

Как вы можете себе представить, ситуация заиграла новыми красками. Больше мы не сказали друг другу ни слова. Последняя фраза просто повисла между нами. За завтраком мы пожелали друг другу доброго утра, практически как обычно, но после этого не разговаривали, даже ожидая машины Кита, который обещал подбросить нас до тропы. Мы неловко стояли в тишине, словно оказались по разные стороны зала суда на разбирательстве по поводу раздела имущества.

Когда мы вышли у кромки леса, нашим взорам открылся знак, провозглашавший, что здесь начинается «Стомильная даль». Он также предупреждал, что предстоявший нам отрезок пути отличается от остальной тропы и что мы можем следовать дальше, только если уверены в своих силах и запаслись продуктами на десять дней.

Этот знак лишь усугубил ощущение тревоги и опасности, которое вызывал у меня этот лес. Он несомненно отличался от более южных лесов: был темнее, в нем царили тени темно-зеленого и черного цвета. Иначе выглядели и деревья: ближе к земле теснились хвойные, здесь было больше берез, а в густых зарослях, словно спящие звери, притаились громадные округлые черные валуны, которые добавляли таинственности этим глухим местам. Когда Уолт Дисней решил создать мультфильм «Бэмби», он отправил своих художников на зарисовки именно в леса Мейна, но в этом совсем не диснеевском лесу не было ни трогательных зверьков, ни просторных опушек. Напротив, на ум приходили леса из «Волшебника страны Оз», где путник терялся среди деревьев с уродливыми лицами и постоянно находился на краю от гибели. Я сразу понял, почему облаченный в бархатный жакет писатель-натуралист Генри Дэвид Торо обделался после прогулки по здешним местам.

Тропа была хорошо протоптана, но кое-где почти полностью заросла: кусты и низкие растения доходили до самой ее середины. Так как лишь десять процентов всех путешественников заходят настолько далеко, тропинки Мейна остаются нехоженными. Кроме того, этот путь многие обходили стороной и из-за рельефа местности. В теории 29-километровый отрезок Аппалачской тропы от Монсона до горы Баррен не отличается серьезными топографическими препятствиями. Ландшафт постепенно

поднимается до отметки 365 м, и кажется, что путников ожидает лишь пара крутых спусков и подъемов. На самом же деле мы попали в ад.

Через полчаса мы очутились у первой из многочисленных скалистых стен, в высоту достигавшей 120 м. Тропа, выглядевшая как шахта лифта, вела прямо по ней там, где поверхность шла немного под откос. Она была почти перпендикулярна земле, так же как и сама скала. И если бы наклон был чуть более отвесным, нам пришлось бы использовать альпинистское снаряжение. Медленно, с большим трудом мы ступали по валунам, часто прибегая к помощи рук. Ужасная жара вместе с постоянным физическим напряжением делала наш путь просто невыносимым. Я должен был останавливаться каждые 10–12 м, чтобы перевести дыхание и стереть горячий пот с глаз. Я плыл в жарком мареве, купался, тонул в нем. Никогда раньше не было мне так жарко, никогда раньше я не потел так обильно. Я выпил три четверти воды из бутылки на подъеме и использовал большую часть того, что осталось, чтобы смочить бандану и попытаться остудить мою ноющую голову. Я чувствовал, что опасно перегрелся. Я начал устраивать привалы чаще и дольше, чтобы хоть как-то освежиться, но каждый раз, когда я отправлялся в путь, жара вновь окутывала меня. Ни разу до этого я не трудился так много на Аппалачской тропе, и это было только начало.

На верхушке склона нас ожидало несколько ярдов голого гранита, немного уходящего под откос. Мы шли будто бы по спине кита. С каждой высокой точки нам открывался сногшибательный вид: темно-зеленое море леса, озера цвета джинсы и волнистые горы. Многие озера были просто гигантскими, как минимум размером со знаменитое английское Уиндермир, и практически ни одно из них не знало прикосновения человека. Было что-то волшебное в том, что мы забрались в самый таинственный уголок природы, вот только убийственные лучи солнца не позволяли нам здесь долго задерживаться.

Затем мы начали жутковатый и сложный спуск по скалистому пригорку на другой стороне, отделявшему нас от темной безводной долины и еще одной каменной стены. Так прошел день, полный героических подъемов, и лишь надежда найти воду за следующим перевалом вела нас вперед. Кац скоро истратил все свои запасы. Я дал ему свою бутылку, и он с благодарностью принял ее, в его взгляде была просьба о перемирии. Тем не менее между нами все еще витал душок обиды, ощущение того, что все изменилось и уже не будет таким, как прежде.

Несомненно, это была моя вина. Я давил на него сильнее и дольше, чем было нужно, я не помог ему советом, но сразу осыпал упреками за то,

что он нарушил баланс, установившийся между нами, и Кац тихо принял эту ношу. Мы прошли 22,5 км (совсем неплохую дистанцию при таких обстоятельствах) и могли бы идти дальше, но в половине седьмого вечера мы остановились у большой переправы под названием «Уилбер Брук». Кац и я слишком устали, чтобы идти вброд через реку. Я уж точно был совсем вымотан. Да и глупо было бы промокнуть прямо перед заходом солнца. Мы разбили лагерь и с натянутой вежливостью разделили наши безрадостные порции еды. Даже если бы между нами не пробежала кошка, мы вряд ли бы стали разговаривать. Усталость взяла свое. Это был долгий день и самый трудный во всем походе, хотя нам предстояло пройти еще 136 км, прежде чем мы доберемся до магазина в лагере у моста «Эйбол», и еще 160 км до трудной вершины Катадин.

Но даже там мы не могли надеяться на отдых. Катадин находится в Национальном парке Бакстер, который гордится своей особенной приверженностью к лишениям и суровости. Здесь нет ни ресторанов, ни коттеджей, ни сувенирных лавок, ни стоек с гамбургерами, нет даже асфальтированных дорог. Сам парк расположен в Богом забытом месте, в двух днях хода от ближайшего города Миллинокет. Могло пройти еще 10 или 11 дней, прежде чем мы смогли бы нормально поесть или поспать. Да, нам предстоял долгий путь.

Утром мы тихо перешли через реку, уже неплохо наловчившись в этом искусстве, и начали наш долгий и медленный подъем на вершину хребта Баррен-Чэйрбэк. Мы должны были пройти 24 километра, а затем спуститься к более пологой долине реки Плезант. На карте среди гор были отмечены три ледниковых озера, оставшиеся после их таяния, но все они находились в стороне от нашего пути. Других источников воды здесь не было. День обещал быть очень неприятным, если мы срочно не найдем воду, ведь на нас двоих приходилось всего четыре литра, а солнце уже начинало припекать.

Гора Баррен заставила нас попотеть, так как большая ее часть была расположена на открытом солнце, хотя казалось, что мы стали сильнее. Даже Кац двигался с большей легкостью. Воздух был все таким же душным. И почти все утро у нас ушло на то, чтобы пройти каких-то семь километров. Я поднялся на вершину раньше Каца. Пик был покрыт разогретым на солнце гранитом, который был горячим на ощупь, но здесь гулял легкий ветерок – первый за несколько дней, и я нашел тень под заброшенной пожарной вышкой. Мне показалось, что впервые за неделю я смог расположиться с комфортом. Я прилег и подумал, что смог бы проспать здесь целый месяц. Кац подошел минут через десять, тяжело

дыша, но радуясь, что он наконец оказался наверху. Он присел на камень подле меня. Воды у меня оставалось примерно на четыре сантиметра, я передал ему бутылку. Он сделал совсем небольшой глоток и отдал ее мне обратно.

– Возьми еще, – сказал я, – ты же хочешь пить.

– Спасибо. – Он сделал чуть менее скромный глоток и поставил бутылку на место. Он посидел с минуту, затем достал шоколадку, разломил ее пополам и протянул кусок мне. Это было достаточно странно, потому что у меня был свой батончик, и он об этом прекрасно знал, но у него не было ничего другого, чем можно было бы поделиться.

– Спасибо, – сказал я.

Он надкусил шоколад и стал жевать, а потом ни с того ни с сего начал:

– Болтает влюбленная парочка. Девушка спрашивает парня: «Джимми, а как пишется слово педофилия?» Парень смотрит на нее с удивлением. «О, Господи, милая, – отвечает он, – да это же ужасно длинное слово для восьмилетней».

Я засмеялся.

– Прости меня за тот вечер, – сказал Кац.

– И ты меня прости.

– Что-то на меня нашло. Не знаю.

– Я знаю.

– Мне иногда приходится тяжело, – продолжил он. – Я стараюсь, Брайсон, правда, но... – Тут он остановился и задумчиво, почти беспомощно пожал плечами. – В моей жизни есть какая-то дыра, на месте которой когда-то была выпивка. – И он посмотрел вдаль – на привычную изумрудную бесконечность лесов и озера, легонько поблескивающие в горячей дымке. Что-то было в этом взгляде, что подсказало мне, что он закончил свою речь, но Кац вдруг продолжил: – Когда я отправился обратно в Де-Мойн после Виргинии и устроился работать в строительной компании, то в конце рабочего дня вся команда отправлялась в паб на другой стороне улицы. Они всегда звали меня с собой, но я отвечал, – он поднял обе руки и сказал глубоким, исполненным гордости голосом: «Нет, парни, я теперь другой человек». И я шел домой, в мою маленькую квартирку, включал телевизор, разогревал ужин и чувствовал себя настоящим праведником. Так и должно было быть. Но на самом деле, знаешь, когда ты проводишь вот так вечер за вечером, довольно сложно убедить себя, что ты живешь на всю катушку. То есть, если бы у меня был измеритель веселья, счетчик вряд ли зашкаливал бы всякий раз, как я пялился в одиночестве в экран. Понимаешь, о чем я? – Он взглянул на

меня. Я кивнул. Он продолжил:

– Ну так вот, однажды после работы они пригласили меня в сотый раз, и я подумал: «Ох, да к черту все. Нет такого закона, который запрещал бы мне ходить в паб с друзьями». Так что я пошел с ними и заказал себе диетическую колу. И все было просто прекрасно. Ну то есть было замечательно наконец пообщаться с людьми. Но в конце вечера так здорово выпить пива. И с нами был этот придурок по имени Дуэйн, который постоянно приговаривал: «Давай, выпей пивка. Тебе же хочется. Одна банка не повредит. Ты же не пил целых три года. Разочек-то можно». – Он вновь взглянул на меня. – Понимаешь? – Я кивнул.

– Он подловил меня в момент, когда я был наиболее уязвим, – сказал Кац с грустной иронической усмешкой. – Понимаешь, я все еще дышал. Я не пил больше трех банок, боже упаси. Я знаю, что ты сейчас скажешь. Поверь. Я уже не раз слышал это. Я знаю, что мне нельзя пить. Я знаю, что мне нельзя выпить даже двух кружек пива, как всем нормальным людям. Знаю, что их число будет только увеличиваться, пока я окончательно не потеряю над собой контроль. Я знаю это. Но... – Он снова замолчал и покачал головой. – Но я так люблю выпивку. Так уж вышло. Именно люблю, Брайсон, люблю вкус спиртного, обожаю легкое головокружение, которое появляется после двух кружек, люблю запах и атмосферу паба. Я скучаю по грязным рассказам и стуку бильярдных шаров где-то в глубине зала, и по голубоватому свечению бара в ночи. – Он снова затих на минуту в ностальгии. – И все это исчезло из моей жизни. Я знаю это. – Он тяжело дышал, раздувая ноздри. – Но иногда. Иногда все, что я вижу, уставясь в экран телевизора, когда ужинаю дома – это череда бутылок и банок, которые кружат меня в хороводе, словно в каком-то мультфильме. Ты когда-нибудь ел в одиночестве перед ящиком?

– Ну, не годами.

– Так вот, это просто дерьмово, уж поверь мне. И не знаю, просто это так тяжело... – Он сбился с мысли. – На самом деле это ужасно тяжело. – Он посмотрел на меня, его распирали чувства, но выражение лица оставалось скромным и честным. – Порой я превращаюсь в свинью, – сказал он тихо, но открыто.

Я улыбнулся ему:

– Ты не превращаешься, а становишься еще большей свиньей, чем раньше.

– Да, я согласен, – усмехнулся он.

Я потянулся к нему и как-то глупо и дружелюбно ткнул его в плечо. Он воспринял мой жест с радостью.

– И знаешь, в чем вся хрень? – Он задал вопрос, будто бы собирался с силами. – Я бы убил сейчас за ужин у телевизора. Правда-правда.

Мы засмеялись.

– Готовый ужин «Голодающий холостяк» с пластиковыми потрохами и горячей подливкой. Ммммммммм. Я бы оставил твою тощую задницу здесь в обмен на один лишь запах этого блаженства. – После этого он протер глаза, воскликнул: – Ах, к черту! – И подошел к краю обрыва, чтобы помочиться.

Я посмотрел на него, старого и уставшего, и подумал, что же такого мы забыли здесь, на вершине. Ведь мы уже не были мальчишками.

Я начал рассматривать карту. Мы были практически без воды, но находились примерно в двух километрах от пруда Клауд, где могли бы пополнить свои запасы. Мы разделили последние капли, и я сказал Кацу, что пойду вперед к пруду, нафильтрую воды и оставлю для него бутылки.

За двадцать минут легкой ходьбы по травянистому склону я добрался до пруда. Пруд находился ниже, и к нему вела крутая дорожка, уводившая на четверть мили от Аппалачской тропы. Я оставил рюкзак у большого камня у дороги и начал спускаться вниз к берегу пруда с нашими бутылками и фильтром.

Мне понадобилось примерно двадцать минут, чтобы спуститься, наполнить три бутылки и подняться обратно, так что когда я вернулся на тропу, прошло уже минут сорок с тех пор, как мы с Кацем расстались. Даже если бы он задержался на вершине и шел бы в самом неспешном темпе, это не заняло бы у него столько времени. К тому же идти было легко, и я знал, что он мучится жаждой, так что мне показалось странным, что его нет на месте. Я подождал еще минут пятнадцать, затем двадцать, затем двадцать пять. И наконец я оставил свои вещи и отправился на его поиски. Я не видел его уже больше часа. И когда поднялся на вершину, то увидел, что его там нет. Я встал в недоумении на той же точке, где мы распрощались. Его рюкзака не было на месте. Он совершенно точно двинулся дальше, но если его не было на горе Баррен и около пруда Клауд, то где же мне было искать его? Единственным возможным объяснением было то, что он, возможно, пошел назад, что сразу отпадало: Кац никогда не оставил бы меня без предупреждения. Может быть, он упал с обрыва? Но это было просто абсурдно: склоны не были настолько опасными, хотя этого никогда нельзя знать наверняка. Джон Коннолли рассказал нам за несколько недель до этого о своем друге, который потерял сознание на жаре и сошел с безопасной протоптанной дороги. Он несколько часов пролежал незамеченным, пока не испекся на солнце заживо. Я тщательно прочесал

весь путь до пруда в поисках следов, иногда поглядывая за край склона в страхе, что увижу тело Каца, валяющимся на камнях. Я несколько раз звал его, но ответом мне было только эхо.

Когда я достиг поворота, прошло почти два часа с нашей последней встречи. Ситуация становилась все более тревожной и необъяснимой. Последнее возможное объяснение состояло в том, что пока я был у пруда, он случайно прошел дальше поворота, но это казалось мне совсем невероятным. У тропы стоял заметный знак, на котором было написано: «Пруд Клауд», и мой рюкзак валялся у самой дороги. Даже если бы Кац каким-то образом не увидел бы всего этого, он знал, что пруд находится всего в паре километров от горы. Если вы прошли по Аппалачской тропе столько же, сколько и мы, у вас бы выработалось отменное пространственное чутье. Он не мог уйти далеко, не осознав свою ошибку и не вернувшись назад. Это было бы просто глупо.

Я точно знал лишь одно: Кац сейчас один блуждает где-то в лесу, без воды, без карты, без какого-либо понятия, что ждет его впереди и что стало со мной. Если в мире и существует человек, который, потерявшись, попытается сойти с главной тропы, чтобы срезать путь, так это Кац. Я начал сильно волноваться. Оставив на рюкзаке записку, я отправился дальше по дороге. Через полмили тропа начала круто, почти вертикально спускаться вниз на 600 футов, ведя к низкой безымянной долине. Здесь он точно должен был осознать, что свернул не туда. Я говорил ему, что пруд Клауд находится на возвышенности.

Выкрикивая его имя, я начал осторожно спускаться по тропинке по откосу, страшась того, что, возможно, ждало меня внизу, ведь погружившись в свои мысли, здесь так легко было сорваться вниз, особенно с огромным и вечно мешающим рюкзаком. Но и здесь я не обнаружил от Каца ни следа. Я проследовал по тропе еще пять километров через долину и вверх до вершины горы Форф. Отсюда у меня был хороший обзор во всех направлениях. Лес выглядел огромным как никогда раньше. Я долго и громко звал его, но так и не услышал отклика.

К этому моменту день начал подходить к концу. Я понимал, что Кац уже провел без воды почти четыре часа. Я понятия не имел, как долго может протянуть обезвоженный человек на таком солнцепеке, но по опыту догадывался, что плохо становится уже через полчаса. С ужасом я понял, что он мог увидеть другой пруд: в долине в 600 м ниже их находилось еще полдюжины. В замешательстве он, скорее всего, направился к одному из них, не зная, какой путь ему предстоит. Даже если он и не был сбит с толку, то вперед его могла толкать все усиливающаяся жажда. Эти пруды

выглядели невероятно прохладными и освежающими. Ближайший из них находился лишь в четырех километрах отсюда, но к нему не была протоптана тропа, к нему вел только опасный лесной склон. Идя по лесу и потеряв ориентир, можно было легко промахнуться мимо пруда на целую милю. Более того, можно было подойти к нему на 50 м и не знать об этом, как мы сами убедились в этом на примере озера Плезант несколько дней назад. А заблудившись в этом нескончаемом лесу, вы точно погибнете. Вот так запросто. И никто не сможет помочь вам. Ни один вертолет не заметит человека через плотный покров деревьев. Ни одна спасательная команда не сможет отыскать несчастного. Ни одна из них, как я подозревал, даже не будет пытаться сделать это. Да еще в лесу полно медведей, которые ни разу в жизни не видели человека. Все эти ужасные сценарии разрывали мою голову.

Я снова поднялся к повороту к пруду Клауд, надеясь как никогда раньше, что увижу его рядом с моим рюкзаком и услышу какое-нибудь неожиданно смешное оправдание, к примеру, что мы несколько раз разминулись, как в дурацкой комедии: когда он увидел мой рюкзак, то отправился на мои поиски, а чуть позже я подошел к тому же месту и в замешательстве начал ждать его, а затем ушел и сам. Но я знал, что его там не будет. И его там действительно не было. Когда я вернулся, начинало темнеть. Я написал новую записку и на всякий случай придавил ее камнем прямо посередине тропы. Потом надел рюкзак и отправился к пруду, где нашел себе укрытие.

По иронии судьбы это было самым замечательным местом для стоянки, которое я видел на Аппалачской тропе, и я впервые ночевал без Каца. Пруд Клауд – это несколько сотен акров изумительно спокойной воды, окруженной глухим хвойным лесом, чьи острые верхушки вырисовывались на фоне бледно-голубого предзакатного неба. Местечко, которое я облюбовал для себя, находилось на ровной поверхности в 30–40 м от пруда и чуть возвышалось над ним. Оно было практически нетронутым. Рядом находилось отхожее место. Оно было почти идеально. Я бросил свои вещи на деревянную платформу для сна и пошел к берегу, чтобы профильтровать воду, чтобы мне не пришлось заниматься этим утром, затем снял свои боксеры и зашел в темную воду, чтобы помыться с помощью банданы. Если бы Кац был здесь, я бы не отказался поплавать. Я старался не думать о нем, потому что мне не хотелось представлять его потеряннным и напуганным. В конце концов, я не мог ничего со всем этим поделать.

Вместе этого я присел на валун и начал смотреть на закат. Пруд был до

боли прекрасен. Длинные лучи заходящего солнца осветили воду золотым сиянием. Две гагары проплыли к берегу, словно намереваясь прогуляться после ужина. Я еще долго наблюдал за ними и вспомнил кое-что из программы ВВС, которую увидел некоторое время назад.

В ней говорилось, что гагары избегают общества друг друга. Но ближе к концу лета, прямо перед тем, как полететь обратно к Северному Атлантическому океану, они проводят несколько «собраний». Примерно дюжина гагар слетается со всех соседних прудов и плавают несколько часов вместе, просто так, чтобы побыть рядом друг с другом. Принимающая гагара проводит гостям гордый, но не слишком помпезный тур по своим владениям: сначала к своему любимому укромному местечку, затем, например, к любопытному пню, потом к зарослям водяных лилий. Кажется, что она говорит: «Вот здесь я люблю порыбачить ранним утром, а вот сюда мы хотим перенести наше гнездо в следующем году». Все остальные гагары следуют за ней с вежливым интересом. Никто не знает, что движет ими (но так же никто не знает, почему одно человеческое существо хочет показать другому свою отремонтированную ванну), или как им удастся проводить такие сходки, но все они собираются вместе каждую ночь в определенное время на определенном озере, будто бы каждая из них получила приглашение: «У нас вечеринка!» Думаю, это замечательно. Я был бы еще счастливее, если бы не думал о Каце, бродящем в темноте в попытке найти озеро.

О, и кстати, гагары начали постепенно исчезать, так как озера, в которых они обитают, уменьшаются из-за токсичных дождей.

Эта ночь для меня была просто ужасной. Я проснулся раньше пяти часов и вернулся на тропу с первыми лучами солнца. Я продолжил свой путь на север в направлении, по которому, как мне казалось, должен был идти Кац. Меня не отпускала мысль, что я отправляюсь в самую глубь «Стомильной дали», что было не самой лучшей идеей, если учесть, что он мог все еще быть где-то поблизости. Было немного жутко осознавать, что я остался совершенно один где-то в непроходимой глуши. И эта мысль стала еще более пугающей, когда я второпях споткнулся при повторном спуске в безымянную долину и чуть не пролетел метров пятнадцать вниз, где меня ждала куча острых камней. Я очень надеялся, что поступаю правильно.

Даже на ровной территории у меня бы ушло три или даже четыре дня на то, чтобы добраться до моста «Эйбол» и общего лагеря. К тому времени, как я смогу предупредить местных работников, Кац находился бы один в лесу четыре или пять дней. С другой стороны, если бы я прямо сейчас развернулся и пошел в обратном направлении, то оказался бы в Монсоне на

следующий день. Мне было просто необходимо встретить кого-нибудь, кто двигался на юг и мог бы сказать мне, видели ли они Каца, но на тропе никого не было. Я взглянул на часы. Конечно, никого здесь и быть не могло. Было лишь немного за шесть. В Чейрбек-Гэп в десяти километрах отсюда находилась еще одна стоянка. Я мог добраться до нее к восьми или где-то около того. Если бы мне посчастливилось, я даже встретил бы там кого-нибудь. Я отправился в путь с большей осторожностью и неприятным предчувствием.

Затем я вновь забрался на пик горы Форф, что с рюкзаком оказалось намного труднее, и спустился к долине позади горы. Через шесть километров после пруда Клауд я подошел к крошечной речке, которую даже назвать таковой было сложновато. На самом деле это был просто грязный ручей. На ветке около тропы на самом видном месте висела пустая пачка сигарет Old Gold. В жиже у упавшего дерева лежали три окурка. Судя по всему, он ждал меня на этом месте. Он был жив и не сошел с тропы, а пошел этим путем. Гора свалилась с моих плеч. По крайней мере, я шел в верном направлении. Пока он оставался на тропе, я мог нагнать его.

Через четыре часа я нашел Каца, сидящим на камне у поворота к пруду Уэст-Чейрбэк. Он задрал голову к солнцу, как будто работал над своим загаром. На нем виднелись глубокие царапины, его одежда была в грязи, но в целом он был в порядке. Он, конечно, был рад меня видеть.

– Брайсон, старый ты горец, какая прекрасная встреча! Где тебя носило?

– То же самое я хочу спросить у тебя!

– Кажется, я пропустил последний водопой?

Я кивнул. Он тоже закивал.

– Я знал, конечно. Через некоторое время я добрался до самого низа той высокой скалы и подумал: «Черт, где-то я напутал».

– Почему же ты не вернулся?

– Без понятия. Мне показалось, что ты должен был продолжить путь. Я очень хотел пить. Скорее всего, я немного растерялся, или у меня был солнечный удар. Мне чертовски хотелось пить.

– И что же ты сделал?

– Ну, я отправился вперед и думал, что скоро доберусь до какого-нибудь водоема, и наконец наткнулся на ручей.

– Где ты оставил сигаретную пачку?

– Ты увидел ее? Я так рад. Да, там я набрал воды с помощью банданы, как показывал Фесс Паркер на шоу Дэйви Крокетта.

– Предприимчиво.

Он принял комплимент кивком.

– Это заняло примерно час. Затем я прождал тебя еще час, покурил пару раз, и когда начало смеркаться, расставил палатку, перекусил и пошел спать. Этим утром с помощью банданы я нафильтровал еще воды и пришел сюда. Чуть подалее есть замечательный пруд, так что я подумал, что дождусь тебя там, около воды, и надеялся, что вскоре встречу тебя. Мне и в голову не приходило, что ты специально оставил меня, но ты такой лунатик... Я представил себе, как ты дойдешь до Катадина и только там поймешь, что меня нет рядом. – Он принялся имитировать меня: «Ох, что за чудесный вид, ты согласен со мной, Стивен? Стивен? Стивен? Ну куда же он запропастился?» – Он тепло улыбнулся мне: – Так что я очень рад, что встретил тебя.

– Где ты так поцарапался?

Он посмотрел на свою руку, которая была покрыта зигзагообразными порезами со спекшейся кровью.

– А это? Да ничего страшного.

– Что значит, ничего страшного? Выглядит так, будто ты пытался самостоятельно провести хирургическую операцию.

– Что же, не хотел пугать тебя, но я еще и немного поплутал.

– Что?

– Ну, в промежутке между тем, как мы потерялись и я пришел сюда, я попытался добраться до озера, которое заметил с вершины.

– О нет, Стивен.

– Ну, знаешь, я очень хотел пить, и оно казалось достаточно близким. Так что я направился прямо в лес. Не очень умно, да?

– Абсолютно.

– Так вот, я быстро это понял, потому что не прошел и километра, как полностью заблудился. Совсем. Странно, знаешь, ведь тебе кажется, что все, что нужно сделать, так это идти вниз по склону к воде, а затем вернуться обратно тем же путем. И это не должно быть такой уж сложной задачей, если ты сконцентрирован на ней. Но вот что я тебе скажу, Брайсон, там не на чем концентрироваться. Это просто сплошной огромный лес. И когда я это осознал, то уже не имел понятия, где нахожусь. И я подумал: «Хорошо. Так, я потерялся, когда шел вниз, поэтому мне лучше вернуться наверх». Но внезапно вокруг оказалось очень много этих «наверх» и также много «вниз», и я совсем растерялся. Так что я пошел все выше и выше и затем подумал: «Так-так, Стивен, ты тупой кусок дерьма». Ведь, говоря по правде, к тому моменту я начинал злиться на себя («ты зашел слишком далеко, идиот»), так что я пошел вниз, но и это не сработало. Я повернул

вбок, ну и теперь ты можешь себе представить, чем все это кончилось.

– Стивен, но ведь с тропы вообще нельзя сходить.

– Ох, до чего своевременный совет, Брайсон. Спасибо тебе огромное. Это как сказать погибшему в автокатастрофе: «А теперь сбавь скорость».

– Прости.

– Забудь. Думаю, я все еще немного, ну, знаешь, не пришел в себя. Я думал, что мне крышка. Я потерялся, у меня не было воды, шоколадное печенье осталось у тебя.

– Так как же ты вышел обратно на тропу?

– Богом клянусь, произошло чудо. Я уже почти собрался лечь на землю и отдаться на милость волков и рысей, как вдруг поднял голову, заметил белую полосу на дереве и увидел, что стою прямо на Аппалачской тропе. У того самого грязного ручья. Я присел, выкурил три сигареты подряд, чтобы успокоиться, и затем подумал: «Вот дерьмо, спорю, Брайсон уже прошел здесь, пока я шатался по лесу, и не собирается возвращаться, ведь он уже проверил эту часть тропы». Тогда я начал волноваться, что никогда больше тебя не увижу. Так что я был действительно рад, когда ты появился. Сказать по правде, я никогда раньше так не радовался кому-либо, даже некоторым обнаженным дамам.

И тут что-то промелькнуло в его взгляде.

– Ты хочешь вернуться домой? – спросил я.

На мгновение он задумался.

– Да. Хочу.

– Я тоже.

Так что мы решили оставить эту бесконечную дорогу и перестать корчить из себя горцев, потому что мы ими, очевидно, не являлись. Через шесть километров – у подножия горы Чейрбэк – проходила грязная лесовозная дорога. Мы не знали, куда она ведет, но рассудили, что куда-нибудь она нас да выведет. Стрелка на краю карты показывала на юг к литейной «Катадин», тому самому месту, где в девятнадцатом веке располагался лесной завод, теперь превращенный в музей. В моем путеводителе утверждалось, что там находится общественная парковка, так что мы могли вернуться на свободу. У низа горы мы пополнили запасы воды и вышли на лесовозную дорогу. Не пройдя и трех или четырех минут, где-то поблизости мы услышали шум. Повернувшись, мы заметили облако пыли, которое поднималось за древним пикапом, двигавшимся нам навстречу на большой скорости. Когда он подъехал ближе, я инстинктивно поднял руку с оттопыренным большим пальцем, и, к моему удивлению, пикап остановился в пятнадцати метрах позади нас.

Мы подбежали к окну водителя. В кабине сидело двое парней, на обоих красовались кепки, грязные от работы. Очевидно, перед нами были дровосеки.

– Куда направляетесь? – спросил водитель.

– Куда угодно, – ответил я. – Только подальше отсюда.

Глава XXI

Смешанные чувства

Так что повидать Катадин нам не удалось. Мы даже не увидели литейную «Катадин». Мимо промелькнуло лишь какое-то размытое пятно, потому что мы проехали ее на скорости 120 км в час по самой ухабистой дороге, на которой может оказаться раздолбанный пикап.

Мы изо всех сил держались в открытом багажнике, поднимая ноги, чтобы цепи и другие инструменты, угрожавшие нашему здоровью, могли свободно скользить туда и обратно, пока водитель вез нас через леса с бесшабашной энергией, ведя свою машину прямо по глубоким рытвинам. Каждый толчок подбрасывал нас на полметра в воздух, и тогда он пытался поворачивать на ухабах с запоздалой осторожностью. В итоге мы сошли в небольшом поселке Майло, находившемся в 32 км к югу, с дрожащими ногами и внезапным осознанием того, насколько быстро изменился окружающий мир. В один момент мы перенеслись из самого сердца дикой природы, где нас ожидали еще как минимум два дня пути до цивилизации, к остановке у бензоколонок на отшибе далекого маленького городка. Мы посмотрели вслед уезжающему пикапу и взялись за наши вещи.

– Хочешь купить колы? – спросил я у Каца.

У бензоколонок стоял автомат с напитками. Он взглянул на меня:

– Нет, может, попозже.

Было странно, что Кац, страстный охотник до газировки и сладостей, отказался от такой возможности, но, кажется, я его понял. Разительные отличия между тропой и миром комфорта и потребительского выбора всегда повергают путешественников в шок, но сейчас возникло совсем иное чувство. На этот раз все закончилось навсегда. Мы повесили свои туристические ботинки на крючок. С этих пор с нами всегда будут кола, мягкие постели и все, что мы только можем пожелать. Мы больше не испытывали лишений. Эта мысль до странного подавляла.

В Майло не было мотеля, но нас отвели в место под названием «Пансионат Бишоп». Это было большое старое белое здание на приятной улице, застроенной такими же старыми домами, гаражи которых изначально служили местами для стоянки карет, сверху же находились комнаты для прислуги.

Владелица дома Джоан Бишоп, доброжелательная седовласая

женщина с густым восточным акцентом, приняла нас с радушием и теплом. Проходя в комнату, она вытерла белые от муки руки о фартук и без смущения провела нас с нашими грязными рюкзаками прямо в убранную комнату.

Весь дом приятно пах свежей выпечкой, садовыми помидорами и воздухом, не испорченным вентиляторами или кондиционерами. Это были старые летние запахи. Она называла нас «вы, мальчики» и вела себя так, будто бы ожидала нас уже несколько дней или даже лет.

– Ах, батюшки, мальчики, только взгляните на себя! – воскликнула она в радостном удивлении. – Вы выглядите так, словно боролись с медведями!

Я представил себе, что наш вид оставляет желать лучшего. Кац был просто покрыт кровью после скитаний по лесам. И мы оба смертельно устали. Это было видно даже по нашим глазам.

– Мальчики, идите наверх, умойтесь и потом спускайтесь на веранду. Я приготовлю для вас холодный чай. Или вы хотите лимонад? Не важно, сделаю и то и другое. А теперь вперед! – И она помчалась на кухню.

– Спасибо, мэээм, – благодарно пробормотали мы в унисон.

С Кацем произошла настоящая метаморфоза. Он даже почувствовал себя как дома. Я устало распаковывал свой рюкзак, когда он внезапно без стука появился в моей комнате и наспех прикрыл за собой дверь. Выглядел Кац при этом весьма растерянным. Лишь опасно болтающееся ниже талии полотенце сохраняло его массивную честь.

– Маленькая старушка, – задумчиво произнес он.

– Прошу прощения?

– Маленькая старушка в холле, – пролепетал он снова.

– Это дом для гостей, Стивен.

– Да, но я не подумал об этом, – сказал он. Затем выглянул за дверь и исчез без дальнейших объяснений.

Когда мы приняли душ и переоделись, то присоединились к миссис Бишоп на остекленной веранде, где, выставив ноги, тяжело приземлились в огромные старые стулья, как делает всякий уставший на жаре человек. Я надеялся, что миссис Бишоп расскажет нам, что она уже целую вечность принимает у себя путников, обманутых «Стомильной далью», но мы оказались первыми, кто попадал в эту категорию.

– Недавно я прочитала в газете, что один человек из Портленда дошел до вершины Катадин, чтобы отпраздновать там свое семидесятывосьмилетие, – сказала она будничным тоном.

Можете представить, как поднялось мое настроение после такого сообщения.

– Думаю, что к этому возрасту я буду снова готов к походу, – парировал Кац, проведя пальцем по царапине на предплечье.

– Ну, мальчики, гора будет на том же месте, когда вы снова захотите попытать свои силы, – сказала она. И была, конечно же, права.

Мы поужинали в известном ресторане, а после вышли на прогулку по теплому вечернему городу. Майло был безнадежно потерянным и трогательным городом: здесь не было рекламы. Он почти умирал и находился вдалеке от остальной цивилизации, но вызывал симпатию. Возможно, на нас так действовала последняя ночь вдалеке от дома.

– Ты коришь себя за то, что мы сошли с тропы? – спросил меня через некоторое время Кац.

Я заколебался с ответом и на мгновение задумался. И вдруг понял, что все мои чувства к Аппалачской тропе были разрозненными и смешанными. Я устал от дороги, но меня тянуло к ней; постоянная ходьба была ужасно утомительной, но при этом оживляла меня; мне было скучно смотреть на нескончаемый лес, но я дивился его глубинам; я был рад удалиться от цивилизации, но скучал по комфорту. И все это я испытывал одновременно, постоянно, на тропе и сойдя с нее.

– Не знаю, – ответил я. – Думаю, что и да, и нет. А ты?

– Пожалуй, и я. И да, и нет, – кивнул он.

Мы шли еще несколько минут, охваченные каждый своими мыслями.

– В любом случае мы сделали это, – сказал наконец Кац, поглядев наверх. Он заметил мое удивленное лицо. – Я имею в виду, добрались до Мэна.

Я посмотрел на него:

– Стивен, мы даже не увидели гору Катадин.

Он пропустил мимо ушей эту незначительную глупость.

– Еще одна гора, – сказал он. – Сколько тебе нужно их увидеть, Брайсон?

Я усмехнулся:

– Ну, можно посмотреть на ситуацию и под таким углом.

– Это единственный угол, с которого нужно на нее смотреть, – с пылом продолжил Кац. – Если память мне не изменяет, я вышел на Аппалачскую тропу. Я шел по ней в снег, я шел по ней в жару. Я шел по ней на север, я шел по ней на юг. Я шел, пока не стер ноги в кровь. Я шел по Аппалачской тропе, Брайсон.

– Ну, знаешь, мы многое упустили.

– Мелочи, – буркнул Кац.

– Возможно, ты прав, – сказал я и весело пожал плечами.

– Конечно, я прав, – сказал он так, будто бы редко бывало иначе.

Мы дошли до края города, до крошечной заправки с магазином, куда нас сегодня подбросили дровосеки. Она все еще была открыта.

– Так что скажешь насчет крем-соды?

– Конечно, куплю, – радостно ответил Кац.

– Но у тебя же нет денег. – Я посмотрел на него с интересом.

– Знаю. Я куплю ее на твои деньги.

Я ухмыльнулся и протянул ему пятидолларовую купюру.

– Сегодня мы смотрим «Секретные материалы», – сообщил мне очень счастливый Кац и скрылся в магазине. Я смотрел на него, покачал головой и подивился его чутью.

Ну вот, боюсь, что на том все и кончилось для меня и Каца: на шести банках «Крем-соды» в городе Майло штата Мэн.

Я продолжил совершать свои пешие походы до конца лета и осенью, но они были намного скромнее. В первые дни ноября, когда в свои владения уже вступала зима и сезон походов подходил к концу, я наконец сел за свой кухонный стол с походным журналом и калькулятором, чтобы подсчитать количество пройденных нами километров. Я дважды проверил результат, и выражение моего лица стало похоже на то, какое было у Каца за несколько месяцев до этого, когда в Гатлинбурге мы осознали, что никогда не сможем пройти Аппалачскую тропу.

Я прошел 1400 км, что было сильно меньше половины и не слишком больше одной трети всего пути. Все усилия, пот, отвратительная грязь, все эти бесконечно тянущиеся дни, ночи на жесткой земле – все это равнялось лишь 39,5 % всей дороги. Одному Богу известно, как люди умудряются пройти ее всю. Я был полон уважения и зависти к тем, кто осилил ее. Но, эй, прошу прощения, 1400 км – не такое уж и маленькое число.

Стивен Кац вернулся в Де-Мойн к трезвой жизни. Он иногда звонит мне и предлагает однажды вновь попробовать выйти в «Стомильную даль», но не думаю, что он говорит это серьезно.

Не скажу, что этот опыт круто изменил нашу жизнь, хотя и не могу говорить за Каца, но я абсолютно точно начал больше уважать и ценить леса, дикую природу и колоссальные территории Америки. А еще я сбросил вес и некоторое время оставался в прекрасной форме.

Но что приятнее всего, теперь если я вижу горы, то смотрю на них медленно и вдумчиво, прямым и знающим взором, твердым, словно надтреснувший гранит.